РОДНАЯ РЕЧЬ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ В ЧЕТВЁРТОМ КЛАССЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

МОСКВА ~ 1955

Е. Е. СОЛОВЬЁВА, Н. Н. ЩЕПЕТОВА, В. И. ВОЛЫНСКАЯ,
Л. А. КАРПИНСКАЯ, А. А. КАНАРСКАЯ

РОДНАЯ РЕЧЬ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ В 4 КЛАССЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

ИЗДАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

*Утверждена
Министерством просвещения РСФСР*

Москва 1955

Е. Е. Соловьёва, Н. Н. Щепетова, В. И. Волынская, Л. А. Карпинская, А. А. Канарская. Родная речь. Книга для чтения в четвёртом классе начальной школы.

Редактор *А. П. Кубарева.* Техн. редактор *Н. В. Сахарова.*

Гимн Советского Союза.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметём!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведём!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Слово об отчизне.

М. Исаковский.

Советская Отчизна,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой,
Что ты перенесла?..
В годину испытаний,
В боях с ордой громил
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Сыны твои бесстрашно
Врывались в самый ад,
Ложилися под танки
Со связками гранат;
В горящем самолёте
Бросались с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливались грудью
На вражий пулемёт,
В боях стояли насмерть
У речек, у высот...
Скажи: а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал,—
Ты сеяла и жала,
И плавила металл;
Рубила в шахтах уголь,
Валила наземь лес,
Заводы возводила,
Сдвигала горы с мест...
Бессменно ты стояла
На вахте фронтовой,
Чтоб на врага обрушить
Удар смертельный свой.
И в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей.
Скажи: какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал!
Ты выше всякой славы,
Достойней всех похвал.
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Придут и благодарно
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За всё, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Отчизна,
Родная наша мать!

Наша родина.

М. Ильин.

Мы любим нашу родину.

Мы любим её бесконечные равнины, её величавые леса, её могучие горы, её полноводные реки, её города и колхозы.

Каждый её уголок, как бы он далеко от нас ни находился, дорог и близок нам.

Наша родина — это великая семья советских народов, которая строит новую, светлую жизнь.

Миллионы советских людей упорно, изо дня в день трудятся на земле и в недрах земли, на морях и реках, под водой и в воздухе, в южных пустынях и северных тундрах.

В первых рядах этой армии мы видим коммунистов — преданнейших воинов революции, которые всегда и везде занимают передовые позиции.

И впереди всех на боевом посту — передовой отряд рабочего класса — Коммунистическая партия.

В стране по единому плану созданы и создаются тысячи заводов, перекраивается карта, изменяется течение рек, соединяются моря; миллионы крестьянских полосок, разделённых межами, слились в мощные массивы колхозных полей.

Во всё это вложена мысль и забота великой Коммунистической партии.

К борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов!

Н. К. Крупская.

Всякий пионер на призыв «будь готов!» отвечает — «всегда готов!», но далеко не всякий пионер знает, откуда взялся этот призыв и этот ответ.

«Будь готов!» — это был призыв Ленина к членам партии, борцам за рабочее дело...

«Мы должны всегда,— писал товарищ Ленин в 1902 году в своей книжке «Что делать?»,— вести нашу будничную работу и всегда быть готовым ко всему...»

«Будьте готовы»,— говорил товарищ Ленин членам партии, и ленинская партия... не боялась никакой, самой чёрной, самой скучной работы. И когда пришло время, удобное для революции,

ленинская партия «была готова» и повела за собой рабочих и крестьян.

Юных пионеров не было ещё на свете, когда Ленин звал борцов за рабочее дело быть готовыми, но юные пионеры твёрдо решили быть верными заветам Ленина, они неустанно учатся, они неустанно организуются, ставят себе целью организовать всех ребят, сделать их всех сознательными, умелыми; юные пионеры хотят научиться строить новую жизнь, они хотят продолжать дело Ленина.

Приветствую вас, юные путешественники!

Наша великая страна обладает несметными богатствами. В недрах её скрыты неисчислимые залежи полезных ископаемых. Задача советских людей — найти их. Природа нашей родины — её горы, реки, ручьи, пещеры, озёра — хранит ещё много тайн. Мы должны их разгадать. Наш животный и растительный мир обилен и разнообразен.

Из книг и от учителей вы знаете, какая рыба водится в Каспийском море, какие породы деревьев растут в лесах Сибири, какими полезными ископаемыми богат Урал. А знаете ли вы свой родной край? Знаете ли вы, какие звери и птицы обитают в ваших лесах, какие деревья в них растут, какие рыбы водятся в озёрах и реках вашего края, куда текут эти реки? Известны ли вам растения вашей родной местности, знаете ли вы, какие из них полезны человеку, а какие вредны?

Тем из вас, которые знают мир только по книгам, мне хочется сказать: наблюдайте и изучайте природу вокруг себя.

Ваши наблюдения принесут большую пользу учёным, новостройкам и колхозам, фабрикам и заводам, краеведческим музеям.

Узнавайте, исследуйте свой край!

Придёт время — вы используете свои знания и найденные вами богатства на благо своей родины.

Академик С. И. Вавилов.

Весёлый турист.

С. Михалков.

Крутыми тропинками в горы,
Вдоль быстрых и медленных рек,
Минуя большие озёра,
Весёлый шагал человек.

Четырнадцать лет ему было,
И нёс он дорожный мешок,
А в нём полотенце и мыло
Да белый зубной порошок.

И туча над ним вместо крыши,
А вместо будильника — гром.
И всё, что он видел и слышал,
В тетрадку записывал он.

Он слышал и зверя, и птицу,
В колючие лазил кусты.
Он трогал руками пшеницу,
Чудесные нюхал цветы.

А чтобы ещё интересней
И легче казалось идти,
Он пел, и весёлая песня
Ему помогала в пути.

Терёшкин дедушка.

(Рассказ.)

С. Косов.

I.

Терёшка ушёл в школу, а дед присел возле двора на брёвнышко и ждёт его. Он совсем старенький, Терёшкин дедушка. Руки у него тёмные, высохшие, на голове редкие белые волосы и реденькая борода. Сидит и концом батога из стороны в сторону камешки перекатывает.

Терёшки долго нет. Деду слышно, как в школе то песни поют, то на трубе играют, то в барабан бьют. Слушал, слушал дед, да и задремал — разморило его на солнышке. Голова у деда поникла и стала покачиваться, словно он постоянно кому-то кланялся. Он и не слыхал, как подбежал к нему Терёшка.

— Launching Дединька! — закричал Терёшка, наклоняясь к дедову уху.— Меня в пионеры приняли! Смотри!

На Терёшке был новый пионерский галстук.

От радости мальчику не стоялось на месте. Он обнимал деда и говорил без умолку.

— Я, дединька, торжественное обещание заранее наизусть выучил. Я его без запинки сказал. Нас там много было — и Павлик Серёгин, и Саша Тиховидов, и Митя Говорков.

Вытянувшись в струнку и подняв руку над головой, Терёшка показывал деду, как надо отдавать салют.

Дед тоже поднял было руку, да не по-пионерски. Пальцы растопырил и ладонь выставил вперёд.

— Э-э, дединька,— сказал Терёшка,— видно, ты салют отдавать не умеешь и галстука пионерского никогда не носил.

II.

Дед поставил батожок[1] между коленей и оперся на него обеими руками.

— Верно, внучек, галстука я никогда не носил. Был я совсем маленький, меньше тебя, когда на меня вместо галстука надели длинный, сажени в две, кнут.

— Кнут? Это зачем же? — удивился Терёшка.

— Телят пасти.

— А когда же учиться?

— И не учился я. Не до того мне было. В царское время в школе только богатые учились. Было нас, детей, у тятьки шесть человек. Один другого меньше. Будит раз отец меня рано-рано утром: «Вставай, Никишка!» Я и вскочил. Обул отец меня в лапти, одел в чапанишко[2] и подал мне в руки кнут. Я реветь — понял, в чём дело! А тятька обмотал кнут вокруг моей шеи раз пять да из избы меня выталкивает: «Ступай к кривому Северьяну в подпаски. Пора тебе в семью прибытки нести!» Что делать! Я и пошёл. Так этот кнут я лет десять таскал. Днём, бывало, телят стегаешь, а вечером, случалось, и тебя начнут.

— Тебя...召 дединька... кнутом стегали? — спросил Терёшка.

— Да ещё как!.. Погнали раз мы с Северьяном телят мимо барского поля. А день был дождливый-дождливый. Чапанишко мой намок, на лаптях грязи по пуду, а ты бегай, гляди, как бы телята в барские овсы не забрались. Устал я — мочи нет! Так бы, кажись, и упал и с землёй смешался. К вечеру разведрилось, потеплело. И не помню, как я за кочечкой заснул. Проснулся, гляжу — батюшки мои! — передо мной барский объездчик Федькай. Уставился он на меня красными глазищами и усы распушил. Рядом стоит Северьян, шапку в руках держит и плачет. «Эх, хамы! — кричит на нас Федькай.— Где телята! Почему овсы потравили?» Северьян на меня шапкой показывает: «Вон подпасок заснул, а мне одному не углядеть».— «А ну-ка,— говорит Федькай,— всыпь своему подпаску десяток горяченьких!» Северьян взял было мой кнут, замахнулся, а опустить на меня кнут не может. «Нет,— говорит,— жалко мальчишку. Очень он устал». А Федькай: «Жалко? А ну, дай-ка мне!» Сложил он кнут втрое. Сидя на лошади, со всего плеча он сначала Северьяна раза три огрел. Потом ударил меня. У меня шапка

[1] *Бато́г, батожок* — трость, посох.
[2] *Чапа́н* — крестьянская верхняя одежда *(халат, кафтан, поддёвка)*.

сразу слетела, и в своём чапанишке я запутался — лаптями на полы наступил. Свалился я, жмусь под чапаном в комок, а Федькай меня, как шар, у лошади под ногами катает. А бросил он — я лапти снял, скинул чапанишко и пустился бежать. Пришёл домой, тятьке об этом не сказываю: боюсь. Вдруг меня из подпаска прогонят! Ведь надо помогать тятьке семью кормить.

Дед замолчал, поник головой, опять стал концом батога камешки перекатывать.

III.

— Эх,— закричал Терёшка,— попался бы мне этот Федькай, я бы его так излупил, век бы он меня стал помнить!

Замолчал он, потом спрашивает:

— Так тебе, дединька, и с ребятами некогда было водиться?

— Нет. Пропала моя ребячья пора.

Прижался Терёшка к деду, погладил его по плечу:

— Мы скоро в поход пойдём, дединька, в экскурсию... А завтра около школы будем сад разводить. Видишь, уже ямы накопаны, где яблоньки садить будем. Все пионеры придут — и Павлик, и Саша, и Митя... Пойдёшь, дединька, с нами новый сад разводить?

Вопросы и задания.

1. Чему радовался Терёшка?
2. Какое торжественное обещание он выучил наизусть?
3. Что рассказал дедушка о своём детстве?
4. Как пытался внучек утешить дедушку?

Придумайте заглавие в форме вопросов к каждой части рассказа.

Подробно расскажите о тяжёлом детстве дедушки.

Сравните детство дедушки и Терёшки и объясните, почему у Терёшки иное детство, чем у дедушки.

Пионерский костёр.

Е. Трутнева.

Над лесом погасла полоска заката.
Гори же, гори, пионерский костёр!
Весёлое лето настало, ребята,—
Дороги, походы, широкий простор.
Гори же, костёр, веселее гори!
Гори и не гасни всю ночь до зари!

Волшебные сказки из леса выходят.
Звезда заблудилась в мохнатой сосне.
Тяжёлые росы к хорошей погоде
На травы легли и блестят на огне.

Разносятся искры по белому свету —
Ребята всех стран и народов видны.
И где-нибудь сердце ребячье согрето
Костром пионерским Советской страны.

Июльская ночь развернула над нами
Свой звёздный, просторный, высокий шатёр.
И искры всё выше, всё радостней пламя.
Гори же, гори, пионерский костёр!

Вопросы и задания.

1. Как живётся ребятам в пионерском лагере?
2. Почему мысль о советских пионерах согревает сердце детей в других странах?

Прочитайте строчки стихотворения, которые нельзя понимать буквально.

Найдите на концах строк слова, созвучные этим:

заката —
костёр —
гори —

Ночь.

И. Никитин.

Ярко звёзд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведён костёр.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьём свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь и блеск озёр,
Светлые заливы,
Без конца простор.

Звёзды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души.

Вопросы и задание.

1. Что задержало людей на ночь в лугах?
2. Как они коротают ночь?
3. Какую картину природы рисует поэт?
4. Какие звуки доносятся до него в эту тихую летнюю ночь? Найдите пять пар слов с созвучными окончаниями.

За ястребом.

В. Бианки.

Паша сидел на крыльце и читал отцовский «Охотничий календарь». В этой толстой книжке было собрано всё про охоту: и на какую дичь как охотиться, и про охотничье оружие, и охотничьи законы. А Пашка непременно хотел сделаться хорошим охотником.

Но долго читать ему не пришлось. Через плетень неожиданно перемахнул Матвейка и закричал, размахивая луком над головой:

— Айда на охоту! Гляди, какие у меня стрелы!

Он выдернул из самодельного колчана целый пучок длинных, гибких стрел и протянул их Пашке.

Пашка взял стрелы, посмотрел и важно сказал:

— Стрелы подходящие — боевые! А на охоту я не пойду, птица теперь на гнёзда уселась, нельзя её бить... по закону.

В это время захлопал крыльями петух, закричал: «Ку-ка-ре...» и вдруг осекся.

Чем-то серым смело́ его на землю, куры с испуганным кудахтаньем, как сумасшедшие, кинулись врассыпную.

— Держи! — заорал Пашка, срываясь с крыльца.

— Ястреб-тетеревятник!.. Видал, что делает!

— Айда в лес! Мы ему покажем!

— А закон? — боязливо спросил Матвейка.

— Охота на вредных зверей и птиц разрешается круглый год. По закону.

Деревня, где жили Пашка с Матвейкой, стояла возле большого леса. Лес был глухой, много в нём водилось хищных птиц.

Ястреба днём, совы ночью из-под самого носа хозяев тащили домашнюю птицу.

— Принесём ястреба — герои будем,— рассуждал Матвейка, шагая следом за Пашкой по дороге к лесу.

— Гляди, гляди,— прервал Пашка, указывая рукой вперёд.

В зелени одной из берёз сверкнуло червонное золото петушиных перьев.

Охотники выхватили стрелы из колчанов и с луками наготове побежали к дереву.

Ястреб улетел вглубь леса.

— Бей! — закричал Матвейка.

Но Пашка опустил лук.

— Далеко. Пусть лучше сядет: подкрадёмся Никуда ему с петухом от нас не деться.

И верно: отлетев недалеко, хищник уселся на толстый осиновый сук.

Перебегая от дерева к дереву, прячась за их стволами, охотники подкрались к нему шагов на тридцать.

— Видит,— прошептал Матвейка.— Ближе не пустит, давай отсюда.

— Смотри — вместе,— предупредил Пашка.— Раз, два... Три! — строго скомандовал Пашка.

Две стрелы, взвившись высоко в воздухе, понеслись к осине, но, долетев, потеряли силу и белыми змейками вильнули под суком, где сидел хищник. Ястреб снялся и полетел дальше.

Они долго преследовали его.

Добравшись до старого бора, ястреб как в воду канул.

После долгих бесполезных поисков Пашка присел на пенёк и задумался.

— Заплутаем мы, Пашка,— робко прервал его размышления Матвейка.— Лес большой....

— Не заплутаем,— уверенно сказал Пашка.— Мы, как из деревни вышли, всё прямо на солнце идём. Назад дорогу легко найдём.

Матвейка остановился около большой муравьиной кучи.

— Дождь будет,— объявил он вдруг.

— Глупости,— рассердился Пашка,— откуда ты можешь знать?!

— А во,— показал Матвейка на муравейник: — видишь, мураши все ходы-выходы закрыли. К непогоде это. Ветер тоже шибче стал, по небу облака гонит.

Они долго шли бором. Пашка, наконец, сказал:

— Пора бы уже и Сухому логу быть, а?

— Кто его знает,— неуверенно отозвался Матвейка.

Сумерки быстро густели. Ветер крепчал. Матвейка остановился у толстого, высокого пня. Внутри его было пусто.

— Залезай! — скомандовал Матвейка.

Охотники забрались в дупло, как в шалаш.

Пашка долго не мог заснуть. Он думал о своих, они уже, верно, спохватились, что его нет дома, и, пожалуй, ещё не будут спать из-за него всю ночь.

Стало так горько на душе, что слёзы сами закапали из глаз. Кроме того, ему ужасно хотелось есть.

Пашка всхлипнул. Матвейка заворочался во сне.

«Увидит, что я реву, ещё засмеёт»,— подумал Пашка, утёр слёзы и стал глядеть в отверстие дупла.

Небо быстро чернело. Звёзды исчезали. Пашка понял, что надвигается туча.

Налетел сильный порыв ветра. Деревья кругом закачались и зашумели. Хлынул дождь.

Вдруг Пашке показалось, что кто-то заглянул в дупло и сейчас же скрылся. Он даже мог бы поклясться, что видел чью-то голову с острыми рожками и ушами.

Со страху он впился руками в Матвейку.

— А, чего? — спросонок бормотал Матвейка.

— Ш-ш-ш-ш,— зашипел Пашка,— слышишь, сейчас кто-то к нам заглянул и пропал.

Матвейка ничего не ответил, но Пашка почувствовал, что и он задрожал всем телом.

Страшно шумел лес. Ветер гудел, деревья стонали и кряхтели, как живые. Дождь бил в стенки дупла.

Вдруг над самой головой у ребят кто-то густо ухнул, и сейчас же ему в ответ раздался дикий крик.

— Пропали мы! — взволнованно прошептал Пашка.

Совсем близко громко зафыркало и бешено захихикало. Потом раздались глухие удары и резкий костяной стук.

— Кто, кто, кто это? — стуча зубами, спрашивал Пашка.

— Молчи, это шкелеты,— шепнул Матвейка.

Неожиданно странный стук смолк. Не слышно стало ни жуткого хихиканья, ни фырканья.

Ещё раз где-то вдали глухо ухнуло, и опять был слышен только скрип невидимых деревьев, шум ветра да мягкие удары дождевых капель в стенки дупла.

Ветер улёгся так же неожиданно, как начался. Дождь перестал. В небе снова засияли звёзды.

Тут только охотники вспомнили, что у них с собой оружие. Они зарядили луки и сидели, не спуская глаз с тёмного отверстия.

Чёрная тень закрыла отверстие дупла, и у самых лиц ребят раздался громкий костяной щёлк.

Пашка вскрикнул и пустил стрелу прямо перед собой.

Чёрная тень мгновенно исчезла.

Вылезли ребята из дупла только тогда, когда совсем рассвело.

Первое, что им бросилось в глаза, была стрела на мокрой траве шагах в двадцати в сторону от пня.

— Смотри,— сказал Пашка,— прямо из дупла она не могла попасть сюда, отверстие-то вон где.

Действительно, стрела лежала в стороне от той линии, по которой она могла вылететь из отверстия дупла.

Пашка нырнул в кусты. Через минуту оттуда раздался его крик:

— Сюда, скорей! Он здесь!

Матвейка кинулся другу на выручку и тоже не мог удержаться от крика: из высокой травы глядела на него жуткими оранжевыми глазищами круглая ушастая рожа филина.

— Стой! — закричал Пашка, увидав, что Матвейка поднимает лук.— Живьём возьмём: он не может улететь.

Но едва они шагнули вперёд, филин растопырил перья и грозно защёлкал клювом.

— Ишь ты, шкелет,— засмеялся Пашка,— теперь не ночь — не очень-то напугаешь.

— Давай ремень,— скомандовал он Матвейке,— сейчас его свяжем!

Филин опрокинулся на спину и защищался когтями и клювом.

— Врешь, не уйдёшь! — закричал Матвейка, ловко накинув ремённую петлю на обе его лапы сразу.— Теперь наш! Теперь домой пойдём,— предложил Матвейка.— Есть хочется — страсть.

— Ни за что,— решительно отказался Пашка,— лучше с голоду пропасть, чем прийти без ястреба.

— И пропадём,— пробормотал Матвейка,— как пить дать, пропадём.

Пашка задумался. Потом вдруг хлопнул друга по плечу и весело сказал:

— Готово. В «Охотничьем календаре» об этом есть. Айда в Сухой лог.

Охотники просунули под ремни длинный сук и, взявшись за его концы, подняли тяжёлого филина.

Пашка верно определил направление: они пошли прямо в ту сторону, где только ещё всходило солнце, и скоро вышли на Сухой лог.

— Ну, Матвейка, теперь ястреб в наших руках,— уверенно сказал Пашка.— Вот здесь смастерим шалашик, а филина посадим сюда, на это сухое дерево.

Посреди лога стояло одинокое засохшее дерево. Охотники быстро устроили в десяти шагах от него шалашик. Филина они посадили на голый сук и крепко привязали ремнями за ноги.

Потом сами спрятались в шалашик и приготовили луки.

— Сейчас тетеревятник полетит в деревню кур воровать,— объяснил Пашка,— и непременно усядется на это дерево.

— Держи карман,— сердито отозвался Матвейка.

Резкое стрекотанье заглушило его слова. Из лесу одна за другой вылетели три белобокие сороки и яростно принялись кидаться на живое пугало.

Минут через десять вокруг дерева собрались десятки птиц.

Все они порхали, вертелись, носились вокруг громадного ночного хищника, кричали, свистали, пищали на все голоса, точно хотели криками выразить ему всю свою ненависть. А привязан-

ный филин только повёртывался во все стороны, угрожающе пыхтел и щёлкал клювом.

Вдруг все маленькие птицы быстро шмыгнули в кусты и скрылись в лесу.

— В лёт не бей,— предупредил Пашка.

И сейчас же Матвейка увидал серого тетеревятника, со свистом мчавшегося откуда-то сверху прямо на филина. Но и ястреб не решился ударить опасного врага, круто повернул перед ним, дал круг в воздухе и уселся на сучок повыше — совсем близко от охотников.

— Бей! — шепнул Пашка, и две стрелы блеснули на солнце и вонзились в бок ястребу.

Судорожно взмахнув крыльями, тетеревятник упал на землю.

Когда охотники подбежали к нему, он был уже мёртв.

— Вот они! — раздался громкий густой голос из лесу.— Ну, так и есть — охотятся.

В лог спускался Пашкин отец и с ним ещё четверо.

Увидав отца, Пашка высоко поднял убитого ястреба и смело выступил отцу навстречу.

Вопросы и задания.

1. Как каждый из мальчиков готовился к охоте?
2. Что заставило мальчиков пойти на охоту?
3. Как проявил себя в лесу во время охоты каждый из них? Свои мысли подтвердите словами текста.
4. Что вызвало у мальчиков суеверный страх? Как он рассеялся?
5. Почему Паша решил, что отец не будет сердиться на него?

Перечитайте описание страшной ночи. Отметьте слова: а) рисующие ночное небо, б) передающие звуки — крик филина, шум бури, дождя и т. д.

Составьте рассказ на тему «Страшная ночь».

План рассказа.

1) Охотники в дупле.
2) Перед дождём.
3) Дождь и буря.
4) Ночные страхи.
5) Дождь прошёл.
6) Рассвет.

Расскажите случай из своей жизни, подобный этому.

Как проходят пустые страхи.

А. Герцен.

Мне было лет двенадцать; жили мы летом в деревне. За нашим домом был овраг, заросший сосняком и ельником; овраг этот шёл, огибая поля, к двум-трём курганам, тоже покрытым большим сосновым лесом. Курганы эти, вероятно, были насыпаны над могилами павших воинов в древние времена.

Там раза два отрывали совсем перержавевшие доспехи [1]; в преданиях у крестьян осталось тёмное воспоминание какого-то сражения. Курганы эти они звали «проклятыми». Неохотно хо-

---

[1] *Доспéхи* — вооружение воина.

дили туда ночью мужики; про женщин и говорить нечего: ни одна ни за что на свете не пошла бы туда после сумерек — не оттого, что они боялись волков, это было бы естественно, а оттого, что боялись каких-то духов.

Дворовые люди наши, разумеется, не меньше их верили в эти чудеса. Я спорил с ними, смеялся над их трусостью.

— Да вы, вместо того чтоб говорить,— сказал мне один из них,— сами бы ночью сходили.

— Я охотно пойду.

— Когда?

— Сегодня, когда у нас все улягутся...

— А как же знать, до которых мест вы дойдёте?

— У большой сосны возле первого кургана лежит лошадиный череп.

— Помню.

— Ну, так я принесу его.

Пространство, которое мне приходилось пройти, вряд ли было всего больше полутора или двух вёрст, из которых половина шла полем. Пока было видно освещённое окно нашего дома и я не покидал тропинки, я шёл себе спокойно, попевая песни для большей храбрости, но когда вошёл в лес, мне тоже стало очень страшно. Чего мне было страшно, не знаю, но сердце билось, и ноги так неверно ступали, когда я цеплялся за сучья, что в ту пору хоть бы и воротиться. Но я переломил свой страх, дошёл до черепа, взял его на палку и побежал домой.

На другую, на третью ночь я уже ходил туда без всякого постороннего повода,— и сердце билось меньше и меньше, и я уже не пугался, зацепляясь за хвойные ветви. Вот как проходят пустые страхи.

Вопросы.

1. Почему крестьяне и дворовые боялись ночью проходить мимо «проклятых» курганов?
2. Как двенадцатилетний мальчик доказал, что эти страхи напрасны?
3. Почему рассказ назван «Как проходят пустые страхи»?
4. Что общего в содержании этого рассказа с содержанием рассказа Бианки «За ястребом»? В чём различие?

Крестьянские дети.

Н. Некрасов.

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живётся легко.
Вчера, утомлённый ходьбой по болоту,
Забрёл я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся весёлого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
　　Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз.
Чу! Шопот какой-то... а вот вереница
　　Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
　　Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
　　В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
　　Его я узнаю всегда.

Я замер: коснулось души умиленье...
Чу! шопот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает — усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвёртый

А вона на шапке, гляди-тко — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружьё — погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий *(с испугом)*

Глядит!

Четвёртый

Молчи, ничего! постоим ещё, Гриша!

Третий

Прибьёт...
Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стаей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазёнки мелькают в щели.

Что было со мною — всему подивились
　　И мой приговор изрекли:
　　— Такому-то гусю уж что за охота!
　　Лежал бы себе на печи!
И видно — не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...— «Услышит, молчи!»

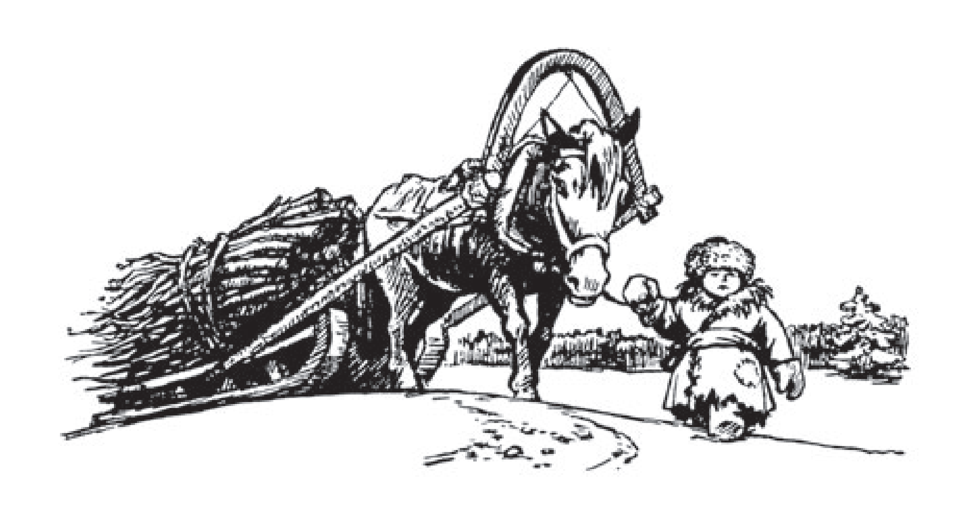
О, милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей.
. . . .
Я делывал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хвать
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У нас же дорога большая была:

Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
. . . .
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснёт под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали.
Что новый прохожий, то новый рассказ...
Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал своё —
Не пьёт! отступились...
Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит бельё,

Кто нянчит сестрёнку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведёрко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
    Сплела себе славный венок,
Всё беленький, жёлтенький, бледнолиловый
    Да изредка красный цветок.
Те спят на припёке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.

. . . .

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернёхоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...
— Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
    Пора за работу, родной! —
Но даже и труд обернётся сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растёт, наливает зерно;
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребёнок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, пострелёнок!»
Ванюша в деревню въезжает царём...

Однакоже, зависть в дворянском дитяти
    Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребёнок свободно
    Растёт, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз,
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо:
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)

— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? — «Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
Ну, мёртвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.

. . . .

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,—
— Эй! воры идут! — закричал я Фингалу:
— Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей! —
Фингалушка скорчил серьёзную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лёг — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами: — «Фингалка, умри!»
— Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха! —
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актёр залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: тёмная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождём ребятишки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

Вопросы и задания.

1. Расскажите о встрече Некрасова с крестьянскими детьми во время отдыха после охоты.
2. Что хорошего, радостного находит Некрасов в жизни крестьянских детей?
3. Что тяжёлого было в их жизни?
4. Где и как крестьянские дети получали знания?
5. Откуда видно, что крестьянские дети были наблюдательные, смелые, правдивые, находчивые и трудолюбивые?

Отметьте: а) выражения шестилетнего ребёнка, считающего себя взрослым; б) ласкательно-уменьшительные слова, показывающие отношение автора к мальчику.

Составьте картинный план к стихотворению.

Выучите наизусть отрывок «Мужичок с ноготок».

Детство Некрасова.

К. Чуковский.

Великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов провёл все свои детские годы неподалёку от Волги, в деревне. Его отец был жестоким помещиком, притеснявшим своих крепостных.

Мать поэта, любящая, добрая женщина, бесстрашно заступалась за несчастных крестьян, когда буйный помещик собирался наказывать их. Защищала она и детей от побоев и брани отца. Его это так раздражало, что он набрасывался на жену с кулаками. Она убегала от своего мучителя в дальнюю комнату и брала с собой любимого сына. Мальчик видел её слёзы и тосковал вместе с ней.

Неподалёку от дома стояли убогие избы крестьян. Отец запрещал сыну заходить в эти чёрные избы: тогда считалось, что детям помещиков зазорно водиться с детьми «мужиков». Но мальчик проделал в заборе отцовского сада лазейку и, улучив удобную минуту, тайком убегал в деревню, где у него было много друзей. Он купался с крестьянскими ребятами в речке Самарке, собирал вместе с ними малину, чернику, грибы, а когда наступала зима, отправлялся с той же ватагой на Волгу — кататься с крутых берегов на салазках.

В детстве Некрасов был сильным и смелым, умел и грести, и плавать, метко стрелял из ружья, мог вскочить на любого коня и мчаться на нём во весь дух. Ему было лет семь или восемь,

когда няня вздумала запугать его злыми чертями. Тогда в деревнях ещё верили, что на свете есть черти, домовые и ведьмы.

В одном из своих стихотворений Некрасов рассказывает:

Однажды няня говорит:
«Не бегай ночью — волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!»
И в ту же ночь пошёл я в сад.
Не то, чтоб я чертям был рад,
А так — хотелось видеть их...

Не всякий семилетний ребёнок решился бы на такой храбрый поступок: выйти одному ночью в сад, чтобы взглянуть на страшилище, которым взрослые пугают его!

Если бы этот мальчик воспитывался среди избалованных барских детей, он, конечно, никогда не стал бы таким смельчаком. Но его товарищами были крестьянские дети, и смелости он научился у них.

Кругом были бесконечные поля и луга. Мальчик с самого раннего детства полюбил эту родную природу, её реки, леса и озёра и потом, когда вырос и сделался великим поэтом, написал о ней много чудесных стихов. Читая эти стихи, мы учимся ещё сильнее любить свою родину, ценить её красоту и раздолье.

Некрасов никогда не забывал своего печального детства. На всю жизнь он запомнил, как страдали крестьяне, угнетаемые его жестоким отцом. И ещё в молодости дал себе великую клятву — бороться за революционное освобождение родного народа. Все его стихотворения доказывают, что он эту клятву сдержал.

Вопросы.

1. Где жил в детстве Некрасов?
2. Почему его детство нельзя назвать счастливым?
3. Кто облегчал его жизнь?
4. С кем он дружил?
5. Почему маленького Некрасова можно назвать смелым, решительным? Что у него общего с двенадцатилетним Герценом?
6. Какую клятву он дал себе в молодости?
7. Из каких стихотворений видно, что Некрасов сдержал свою клятву?

Женская доля.

Н. Некрасов.

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! Русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

. . . .

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжёлую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки,—
Надо ребёнка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слёзы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно.

Вот она губы свои опалённые
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слёзы солёные
С кислым кваском пополам?

Задания.

1. Нарисуйте словами поэта обстановку работы: *зной, равнина, ширь, солнце, столб насекомых.*

2. Покажите словами поэта тяжёлое положение матери-крестьянки того времени.

На Волге.

Н. Некрасов.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По тёмноголубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьём по островам,
То, как играющий зверёк,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою.
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов,
И не ушёл бы никуда,
Когда б, о Волга, над тобой
Не раздавался этот вой!..
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик.

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз её назвал
Рекою рабства и тоски!..

Вопросы.

1. Как поэт называет родную реку?
2. Какие были у него забавы в детстве?
3. Какие тяжёлые картины он видел на родной реке?
4. Какие чувства вызывали в будущем поэте эти картины?

Лесной пожар.

П. Мельников-Печерский.

Солнце багровело больше и больше, серо-жёлтый туман застилал лазурь небесного свода и с каждым часом больше и больше темнел. И на земле затуманились дальние предметы — перелесок и строенья ровно в дымку закутались. Гарью запахло, значит лесной пожар разгорался не на шутку, но где — близко ли, далёко ли, не знает никто; во время лесных пожаров сухой туман и запах гари распространяется иногда на сотни вёрст от горелого места...

Когда путники взглянули на небо, оно было как пеплом покрыто. Солнце едва было видимо.

Больше двадцати вёрст надо было проехать сплошным дремучим лесом.

С обеих сторон сумрачными великанами высились громадные ели и лиственницы; меж них во все стороны разросся густой, непроходимый чапыжник (кустарник). Узкая полоса дневного света тянулась над вершинами непроглядной лесной чащи, и хоть далеко ещё было до вечера, а в лесу было уже темно, как в осенние сумерки.

Конюх ехал впереди поезда; он не жалел лошадей — то и дело стегал их по непривычным к сильным ударам бёдрам. Другие возчики от Дементия не отставали. Жирные, выхоленные[1] кони мчались во весь опор.

Проскакали полдороги... Вдруг, влево от дороги, послышался в отдалении необычный, несмолкаемый треск... С каждой минутой он возрастал, обдавая странников ужасом... Свист и визг разносились по лесу. Зашумело в вершинах елей и лиственниц: то стадо белок, спасаясь от огня, перелетало с дерева на дерево. Почуяв недоброе, лошади закусили удила и помчались сломя голову.

«Огонь идёт»,— вскрикнул конюх Дементий. И отчаянный крик его едва слышен был за страшным шумом огненного урагана.

Женщины плакали навзрыд.

Вдруг смолистым дымом пахнуло, и по узкой световой полосе, что высилась над дорогой, как громадные огненные птицы, стаями понеслись горящие лапы (ветви хвойных дерёв), осыпая поезд дождём искр. Вой урагана превратился в один оглушающий, нескончаемый раскат грома. Ему вторили как бы пушечные выстрелы, стоны падавших деревьев, вой спасавшихся от гибели волков, отчаянный рёв медведей. Вот перерезало дорогу быстро промчавшееся по чапыжнику стадо запыхавшихся лосей... Вот над деревьями, тяжело размахивая утомлёнными крыльями, быстрей вихря пронеслись лесные птицы... Багрово-синими, как бы кровавыми волнами заклубился над лесом дым... Палящий, огнедышащий ветер понёсся низом меж деревьями, расстилая над землёй удушающий смрад... Вдруг между вершинами деревьев блеснула огненная змейка, за ней другая,

---

[1] *Вы́холенные* — выращенные с заботой, в хороших условиях.

третья,— и мигом все верхи елей и лиственниц подёрнулись пламенным покровом... Брызнула из деревьев смола, и со всех сторон полились из них огненные струйки...

Вдруг передняя пара лошадей круто поворотила направо и во весь опор помчалась по прогалинке, извивавшейся середь чапыжника. За передней парой кинулись остальные.

«Куда ты, куда ты, Дементьюшка?» — схватясь за плечи конюха и привстав в повозке, благим матом закричала одна женщина.

«Кони лучше нашего знают, куда»,— молвил Дементий, опуская вожжи.

Не прошло трёх минут, как лошади из пылающего леса вынесли погибавших в обширное моховое болото...

Задания.

1. Разделите рассказ на пять частей, которые можно озаглавить так:

1) Гарью запахло.
2) Белки уходят от огня.
3) Огонь идёт.
4) Птицы и крупные звери спасаются от огня.
5) Лошади мчатся от пожара.

2. Выделите:

а) образные выражения, передающие звуки бушующего урагана, шум и треск деревьев;

б) слова, рисующие картину пожара.

*
* *

А. Твардовский.

Рожь, рожь... Дорога полевая
Ведёт неведомо куда.
Над полем, низко провисая,
Лениво стонут провода.

Рожь, рожь — до свода голубого.
Чуть видишь — где-нибудь вдали
Ныряет шапка верхового,
Грузовичок плывёт в пыли.

Рожь уходилась. Близки сроки.
Отяжелела и на край

Всем полем подалась к дороге,
Нависнула, хоть подпирай.

Знать, колос, туго начинённый,
Четырёхгранный, золотой,
Устал держать пуды, вагоны,
Составы хлеба над землёй.

Степь.

И. Никитин.

По всей степи — ковыль, по краям — всё туман,
Далеко, далеко от кургана курган,
Облака в синеве белым стадом плывут,
Журавли в облаках перекличку ведут.
Не видать ни души. Тонет в золоте день,
Пробежать по траве ветру сонному лень.

А цветы-то, цветы! Как живые стоят,
Улыбаются, глазки на солнце глядят.
. . . .
Вот и речка... Не верь! То под жгучим лучом
Отливается тонкий ковыль серебром.

Высоко, высоко в небе точка дрожит,
Колокольчик весёлый над степью звенит,
В ковыле гудовень — и поют, и жужжат,
Раздаются свистки, молоточки стучат.

Средь дорожки глухой пыль столбом поднялась...
Закружилась, в широкую степь понеслась...
На все стороны путь; ни лесочка, ни гор.
Необъятная гладь, неоглядный простор!..

Вопросы и задания.

1. Найдите строчки, в которых автор описывает общий вид степи.
2. Чем кажется ковыль?
3. Почему автор называет степь широкой, неоглядной?
4. Что нарушает тишину этого широкого, неоглядного простора?

Выучите стихотворение наизусть.

Степь.

В. Овечкин.

Степь. Во все стороны далеко-далеко раскинулась земля. В сияющем небе властвует солнце, а на земле гуляет ветер, гонит волны по зелёному морю пшеницы, кружит пыль на степных дорогах.

Ветер в степи — как песня, его можно слушать часами. Шумят камыши на берегах мелководной, тихо плывущей по степи речушки. Шелестят придорожные травы. Однотонно звенит сухой, старый бурьян на верхушках непаханных курганов.

И лишь вечером шум постепенно успокаивается, в прозрачной тишине становятся слышны и другие звуки... Далеко за перевалом пасутся отары [1]. Оттуда доносится лай собак, хлопанье кнута, окрики чабанов [2], жалобный плач ягнят. Несмело, в одиночку, пробуют голоса лягушки в болотцах.

Голоса этой степной жизни сливаются в мощный, хорошо сыгравшийся оркестр. Слышнее всех стараются в нём неутомимые скрипачи—сверчки и кузнечики, не смолкающие до глубокой ночи.

А ранней весною и осенью с неба на степь льётся игривое, радостное курлыканье журавлей, гоготанье несметных вереницдиких гусей — музыка, нежная и волнующая, красивее которой нет, кажется, в природе.

Много жизни в этих равнинах, называемых степью. И среди голосов живой природы и весною, и летом, и осенью звучит в бескрайних просторах новая, ворвавшаяся в степной хор песня — песня машин.

Нет такого уголка в наших степях, куда бы не проникли машины. Прочно вошли они в степной пейзаж [3]. Куда бы ни забрели вы по полям, — всюду журавлиному курлыканью и пенью жаворонков вторит металлическая песня моторов.

Там тракторы перепахивают пар, там тянут на другой участок передвижные вагоны и инвентарь, там начинают уже косить желтеющие ранние хлеба.

Стемнеет — всюду по степи загораются огоньки. Огоньки движутся, ближние — быстро, дальние — чуть заметно. Порою они скрываются в лощинах, опять появляются на буграх.

---

[1] *Отáра* — стадо овец.
[2] *Чабáн* — пастух.
[3] *Пейзáж* — картина природы.

Лязгает железо плугов и прицепов, поют моторы. К полуночи и кузнечики умолкают, всё спит в степи, а тракторы поют.

Раньше самых ранних перелётных птиц появляются тракторы в степи. Ещё в балках лежит снег, а у степных дорог уже стоят крашеные деревянные вагоны на колёсах — походное жильё трактористов. Холодно, бьётся о землю сырой порывистый ветер. Трактористы греются в вагонах у натопленных печек; выходя наружу, осматривают свои машины и плуги. Время от времени они запускают моторы, прогревают масло,— готовятся, чтобы, не теряя времени, начинать пахать.

И осенью позже всех покидают они степь. Закончена уборка, свезено зерно с токов в амбары, скошены стебли кукурузы и подсолнухов, опустела земля, и люди ушли в станицы. А красные вагоны всё стоят там же, при дорогах, обдуваемые со всех сторон ветрами. Устало ползают тракторы по краям узких серых полосок, допахивают последние гектары.

Иногда и зима застаёт тракторы в степи. Ударит внезапно мороз, повернёт ветер с севера, набегут тучи, и за одну ночь побелеет всё вокруг. Как уходили тракторы из станиц, так и возвращаются обратно на усадьбу МТС — по снегу.

Задания.

1. Расскажите: а) какая новая песня ворвалась в степной хор; б) когда появляются в степи тракторы; в) как живут и работают трактористы; г) когда возвращаются трактористы в деревню.
2. Найдите в этом отрывке образные слова и выражения, которыми автор говорит: о ветре, о камыше, о бурьяне, о звуках, доносящихся с пастбища, с болота; о крике перепела, журавлей, диких гусей.

Осень.

А. Пушкин

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень[1]
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась

---

[1] *Сень лесо́в* — покров лиственных деревьев.

Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Встаёт заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несётся в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовёт его рожок;
В избушке, распевая, дева
Прядёт, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

Вопрос и задания.

1. Найдите в стихотворении строчки, в которых Пушкин описывает признаки осени: перемены в погоде, в жизни людей, птиц, зверей.
2. Как вы понимаете выражения: *небо осенью дышало; лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась; стоял ноябрь уж у двора?*
3. Выучите стихотворение наизусть.

Осенний день в лесу.

По ***И. Тургеневу.***

...Я отправился в рощу. День выдался чудесный. Тишь стояла такая, что можно было за сто шагов слышать, как белка перепрыгивала по сухой листве, как оторвавшийся сучок сперва слабо цеплялся за другие ветки и падал в мягкую траву.

Воздух, ни тёплый, ни свежий, а только пахучий и словно кисленький, чуть-чуть приятно щипал глаза и щёки; тонкая, как шелковинка, с белым клубочком посредине, длинная паутина плавно взлетала и, прильнув к стволу ружья, прямо вытягивалась по воздуху — знак тёплой погоды!..

Журавли летят.

По ***И. Тургеневу.***

...Сильный, переливчатый, звонкий крик раздался внезапно над нами и тотчас же повторился уже немного впереди.

Крупные, красивые птицы летели треугольником, резко и редко махая выпуклыми крыльями. Туго вытянув голову и ноги, круто выставив грудь, они стремились неудержимо и до того быстро, что воздух свистал вокруг. Чудно было видеть на такой вышине, в таком удалении от всего живого такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю...

Задания.

1. Прочитайте ещё раз стихотворения и рассказы об осени; выпишите отдельные выражения, в которых говорится: об изменении погоды (небо, солнце, воздух), о листопаде, об отлёте птиц, о животных, о настроении людей.
2. Отметьте прилагательные, помогающие вам описать картины золотой и хмурой осени.
3. Напишите сочинения на одну из следующих тем: «Золотая осень», «Поздняя осень».

План сочинения:

1. Осеннее небо. 2. Лес и река. 3. Луга и поля. 4. Отлёт птиц. 5. Жизнь животных. 6. Жизнь людей.

В сочинение введите образные выражения из стихотворений и художественных рассказов.

Лягушка-путешественница.

В. Гаршин.

I.

Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно — конечно, в том случае, если бы не съел её аист. Но случилось одно происшествие.

Однажды она сидела на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждалась тёплым мелким дождиком.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! — думала она.— Какое это наслаждение жить на свете!»

Дождик моросил по её пёстренькой лакированной спинке; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно-приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень и что осенью лягушки не квакают,— на это есть весна. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

II.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют, или, лучше сказать, посвистывают; фью-фью-фью-фью — раздаётся в воздухе, когда летит высоко над вами стадо таких уток, а их самих даже и не видно — так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

— Кря! Кря! — сказала одна из них.— Лететь ещё далеко: надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станут есть её, большую и толстую квакушку, но всё-таки, на всякий случай, нырнула под корягу. Однако, подумав, она решилась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

— Кря! Кря! — сказала другая утка.— Уж холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

— Госпожи утки,— осмелилась сказать лягушка,— что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание

съесть её, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные, тёплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, что такое юг. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла в восторг, но в конце всё-таки спросила, потому что была осторожна:

— А много ли там мошек и комаров?

— О! Целые тучи! — отвечала утка.

— Ква! — сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать её и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик.

— Возьмите меня с собой!

— Это мне удивительно! — воскликнула утка.— Как мы тебя возьмём? У тебя нет крыльев.

— Когда вы летите? — спросила лягушка.

— Скоро, скоро! — закричали все утки.— Кря, кря! Кря, кря! Тут холодно! На юг! На юг!

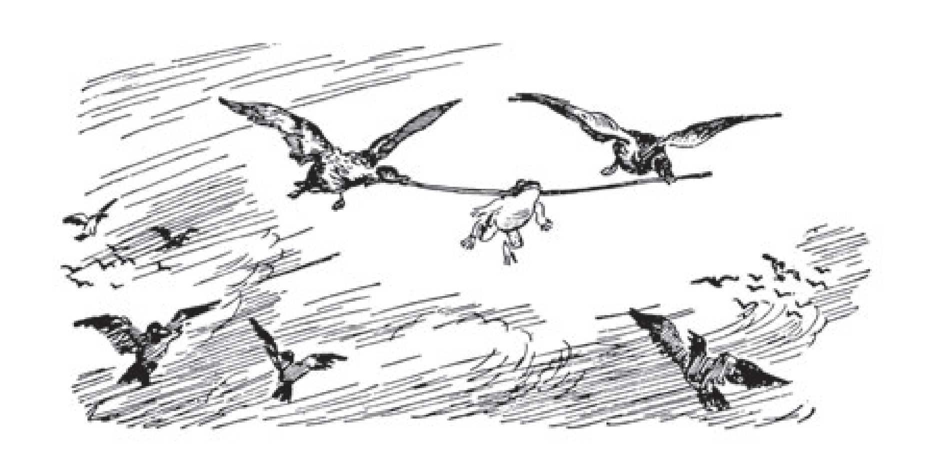
— Позвольте мне подумать только пять минут,— сказала лягушка,— я сейчас вернусь, я наверно придумаю что-нибудь хорошее.

III.

И она шлёпнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять. Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором она сидела, показалась её морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! Я нашла! — сказала она.— Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посредине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и всё будет превосходно.

Молчать и тащить хотя бы и лёгкую лягушку три тысячи вёрст — небольшое удовольствие, но её ум привёл уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести её.

Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да ещё столько, да полстолька, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести её приходилось не особенно часто.

Нашли хороший, прочный прутик, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и вся стая поднялась на воздух. У лягушки захватило дух от страшной высоты, на которую её подняли, кроме того, утки летели неровно и дёргали прутик; бедная квакушка болталась в воздухе, как бумажный паяц, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлёпнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и начала даже осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутике, она смотрела немного вверх, но кое-что всё-таки видела, и радовалась, и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала»,— думала она про себя.

А утки летели вслед за нёсшей её передней парой, кричали и хвалили её.

— Удивительно умная голова наша лягушка,— говорили они,— даже между утками мало таких найдётся.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но, вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, ещё крепче стиснула челюсти и решилась терпеть. Она болталась таким образом целый день; нёсшие её утки переменялись на лету, ловко подхватывая прутик; это было очень страшно: не раз

лягушка чуть было не квакнула от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела.

Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарёю утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперёд, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносился людской говор и стук цепов, которыми молотили рожь. Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на неё руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что о ней говорят.

IV.

На следующем отдыхе она сказала:

— Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышали голоса:

— Смотрите, смотрите! — кричали дети в одной деревне.— Утки лягушку несут!

Лягушка слышала это, и у неё прыгало сердце.

— Смотрите, смотрите! — кричали в другой деревне взрослые.— Вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» — подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! — кричали в третьей деревне.— Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?!

Тут лягушка уже не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

— Это я! я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали: одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и где была твёрдая дорога, а гораздо дальше, что было для неё большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

V.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять сгоряча закричала во всё горло:

— Это я! Это я придумала!

Но вокруг неё никого не было. Испуганные неожиданным плеском, местные лягушки все попрятались в воду. Когда они начали показываться из неё, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и, наконец, изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у неё были свои собственные утки, которые носили её, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные, тёплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

— Я заехала к вам посмотреть, как вы живёте,— сказала она.— Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уже никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели её.

Вопросы и задания.

1. Почему лягушка названа путешественницей?
2. Подтвердите словами текста, что лягушка была находчивая, изобретательная, смелая, что она была хвастунья.
3. За что можно осудить лягушку и за что похвалить?
4. На каких людей похожа эта лягушка?

Для объяснения выделенных слов и выражений подставьте вместо них одинаковые по смыслу.

Лягушка *шлёпнулась* с сучка в воду. У лягушки *дух захватило* от страшной высоты. Лягушка *изо всей мочи стискивала челюсти.* Лягушка *бултыхнулась в пруд.* Лягушка *полетела вверх тормашками* на землю.

Придумайте заголовки к каждой части рассказа.

Упражнение на дом.

Рассмотрите картинку и словами текста (III глава) напишите ответы на вопросы: а) Что нашли утки, чтобы нести лягушку? б) Как утки подняли лягушку? в) Как чувствовала себя лягушка в воздухе? г) Как летели утки? д) Что делала лягушка, чтобы не оторваться?

У лукоморья дуб зелёный.

А. Пушкин.

У лукоморья[1] дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том;
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей[2] прекрасных
Чредой[3] из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!

Вопрос и задание.

1. Из каких сказок вы знаете о чудесах, описанных в этом стихотворении Пушкина?
2. Выучите стихотворение наизусть.

---

[1] *Лукомо́рье* — изгиб морского берега.
[2] *Ви́тязь* — богатырь, храбрый воин.
[3] *Чредо́й* — по очереди, один за другим.

Из жизни Пушкина.

Величайший русский поэт Александр Сергеевич Пушкин родился в 1799 году в обедневшей дворянской семье.

Рос он в Москве под присмотром бабушки Марии Алексеевны и крепостной няни.

Родители Пушкина редко бывали дома — они любили ездить в гости, на вечера и балы или бывать в театре.

Предоставленный самому себе мальчик привязался к бабушке и мог часами просиживать около неё, слушая её сказки.

Но ещё лучшей мастерицей петь народные песни и сказывать сказки была няня Пушкина — Арина Родионовна, без памяти любившая своего «неуёмного» воспитанника.

«Ты, детскую качая колыбель, мой юный слух напевами пленила»,— писал ей Пушкин, и ему навсегда запомнилось, как в вечерней тишине являлась к нему «весёлая старушка» и долго пела у его кроватки.

Он помнил её сказки, её рассказы о домовом: «Вот в трубе тоненько домовой поёт — спи-и-те, батюшка, Александр Сергеевич! Спите поскоре-ей, не то всех извели — и бабушку, и няньку, и меня, домового из Михайловского округа»,— фантазировала Арина Родионовна. Но годы шли, и книги сменили сказки.

У Сергея Львовича Пушкина была большая библиотека, и будущий поэт страстно привязался к книгам. Пока родители спали, он в ночной рубашонке забирался в кабинет отца, усаживался с ногами в кресло и поглощал одну книгу за другой. К двенадцати годам, когда Пушкина отдали учиться в Царскосельский лицей, мальчик знал уже русскую и классическую французскую литературу и блестяще говорил по-французски.

Шесть лет безвыездно провёл Пушкин в лицее среди товарищей и учителей. Здесь он нашёл друзей, которые заменили ему семью и с которыми он был близок потом всю жизнь.

Он писал:

«Нам целый мир — чужбина;
Отечество нам — Царское Село».

В школе он встретил учителей, которые научили его ненавидеть крепостное право, державшее в рабстве и невежестве русский народ. В школе Пушкин понял, что царь, как первый помещик,— враг народа. В двадцать лет Пушкин писал:

«Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый...
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли, наконец, прекрасная заря?»

То гневные, то насмешливые стихи Пушкина против царя и его вельмож дошли до них, и Пушкин был отправлен в ссылку.

В это время он был уже автором большого стихотворного произведения «Руслан и Людмила».

Ссылка Пушкина длилась шесть лет, из них последние два года Пушкин провёл совсем один в глуши псковских лесов, в усадьбе своей матери — Михайловском.

Его одиночество делила с ним только старушка-няня.

Кучер Пушкина, Пётр, рассказывал: «А уж няню-то как любил! Он всё с Ариной Родионовной, если дома. Чуть встанет утром, уж бежит её глядеть: «Здорова ли, мама?» Он всё её мамой называл».

Позднее в своём письме к няне он писал:

«Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы

В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На чёрный отдалённый путь:
Тоска, предчувствие, заботы
Теснят твою всечасно грудь».

Пушкин высоко ценил песни и сказы, сложенные народом. Он записывал их и у стариков-нищих на ярмарке, и у девушек в хороводе.

«Придёт, бывало, в красной рубашке, станет с девушками в хоровод и всё слушает да слушает, какие они песни поют, и сам с ними пляшет и хоровод водит,— рассказывал крестьянин Иван Павлов.— Со всеми ласково, по-хорошему обращался. Ребятишки в летнюю пору насобирают ягод, понесут ему продавать, он деньги заплатит и ягоды им же отдаст. «Кушайте, мол, ребятки, сами».

Но больше всего Пушкин любил слушать сказки и песни своей няни.

В письме к брату из Михайловского Пушкин так рассказывал о своих занятиях:

«До обеда пишу свои записки, обедаю поздно, после обеда езжу верхом, а вечером слушаю сказки». И тут же восклицал: «Что за прелесть эти сказки!»

Шёл второй год ссылки в Михайловском. До Пушкина дошли вести о восстании в Петербурге, о смерти царя. На престол вступил другой царь, и Пушкина вернули в столицу.

Он привёз с собой новые, свои лучшие произведения. Был радостно встречен читающей публикой. Но прежних, дорогих ему друзей уже не было: кто умер, кто был в ссылке...

Лето 1831 года Пушкин проводил с молодой женой в своём любимом Царском Селе с его прекрасными садами. По соседству жил Жуковский. Поэты часто бывали друг у друга, вместе гуляли, беседовали. Оба очень много писали: Жуковский — сказку о «Спящей царевне» и «Сказку о Берендее», Пушкин — «Сказку о царе Салтане».

Простота и занимательность русских сказок пленяли Пушкина, радовал чудесный язык. Поэт понимал, что в сказках отразились народные мечты о свободе, о послушной человеку природе, о творческом, радостном труде.

О русских народных сказках Пушкин говорил:

«Там русский дух... Там Русью пахнет».

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне-лебеди.

А. Пушкин.

I.

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица,—
Говорит одна девица,—
То на весь крещёный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица,—
Говорит её сестрица,—
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица,—
Третья молвила сестрица,—
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».
Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица,—
Говорит он,— будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».
В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой...
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха —
И завидуют оне
Государевой жене.

II.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простяся,
На добра коня садяся,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем как он далёко
Бьётся долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребёнком,
Как орлица над орлёнком;
Шлёт с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей [1] бабой Бабарихой
Извести [2] её хотят,
Перенять гонца велят;

[1] *Сва́тья* — родственница.
[2] *Извести́* — уморить, сжить со света.

Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».
Как услышал царь-отец,
Что донёс ему гонец,

В гневе начал он чудесить [1]
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царёва возвращенья
Для законного решенья».
Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Обобрать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую.
И привёз гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам [2],
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю:
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в окиян:
Так велел-де царь Салтан.

III.

В синем небе звёзды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идёт,
Бочка по морю плывёт.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьётся в ней царица,
И растёт ребёнок там
Не по дням, а по часам.
День прошёл, царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна,
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена,
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

IV.

Мать и сын теперь на воле:
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зелёный над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,

[1] *Чудéсить* — в данном случае делать странные поступки, сердиться.
[2] *Боя́ре* — высший, правящий класс в старой Руси.

Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой лёгкой завострил
И пошёл на край долины
У моря искать дичины.
К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно на море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьётся лебедь средь зыбей [1],
Коршун носится над ней;
Та, бедняжка, так и плещет,
Воду вкруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв [2] кровавый навострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывёт,
Злого коршуна клюёт,
Гибель близкую торопит,
Бьёт крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея [3] подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдёшь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».
Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натощак.
Вот открыл царевич очи,
Отрясая грёзы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он.— Вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду [4].
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон.
К ним народ навстречу валит.
Хор церковный бога хвалит,
В колымагах [5] золотых
Пышный двор [6] встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают

[1] *Зыбь* — лёгкая волна.
[2] *Клёв* — клюв.
[3] *Чародéй* — волшебник.
[4] *Град* — город.
[5] *Колымáга* — большая старинная карета; в колымагах ездили бояре и духовенство.
[6] *Двор* — придворные, ближайшие к царю или князю знатные люди.

Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой.
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарёкся [1]: князь Гвидон.

V.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой.
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости [2]:
Князь Гвидон зовёт их в гости.
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте
И куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?»
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чём горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблём?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала,
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль—и в щель забился.

VI.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;

[1] *Нарёкся* — назвался.
[2] *Гости* — купцы, торговые люди.

Царь Салтан зовёт их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле [1] и в венце,
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный [2], не жилой;
Он лежал пустой равниной,
Рос на нём дубок единый;
А теперь стоит на нём
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нём князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный город навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну, право!»
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит:
«Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поёт
И орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд [3];
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тётке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел [4]
Через море полетел.

VII.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.

---

[1] *Престóл* — роскошное кресло для царя или князя. *Сидеть на престоле* — значит княжить или быть царём.
[2] *Остров непривáльный* — остров, к которому нельзя пристать (привалить) кораблю.
[3] *Изумрýд* — драгоценный камень.
[4] *В свой удéл* — в свои владения.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?»
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо-чудное завесть
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка:
Белка песенки поёт
Да орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает[1];
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься: рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободрённою душой
Князь пошёл себе домой,
Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под ёлкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызёт орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладёт,
И с присвисточкой поёт
При честном при всём народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо,— молвил он,—
Ай да лебедь — дай ей, боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка[2] заставил
Строгий счёт орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

---

[1] *Бáять* — говорить.
[2] *Дьяк* — чиновник в древней Руси.

VIII.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовёт их в гости,
Их и кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте
И куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далёк:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану,
Да скажите: князь Гвидон
Шлёт царю-де свой поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молвит князь: душа-де
просит —
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего;
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовёт их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живёт ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поёт
Да орешки всё грызёт,

А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной,
И приставлен дьяк приказный
Строгий счёт орехам весть,
Отдаёт ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нём князь Гвидон,
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызёт,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольётся в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе[1], как жар, горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны как на подбор —
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тётке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» и тут же окривела.
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави её, дави!..
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

IX.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит:
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?»
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенесть я в мой удел».

[1] *В чешуе́* — в кольчуге; *кольчу́га* — рубашка воина из железных или стальных колец; надевалась в старину для защиты от стрел и мечей.

«А какое ж это диво?»
«Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар, горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор».
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи [1] морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».
Князь пошёл, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхнулося вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар, горя,
Идут витязи четами [2],
И, блистая сединами,
Дядька впереди идёт
И ко граду их ведёт.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить [3].
Мы отныне ежеденно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских.
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

X.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого.
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовёт их в гости,
Их и кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте?
И куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом [4],
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далёк:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».

---

[1] *Ви́тязь* — воин.
[2] *Чета́ми* — попарно.
[3] *Обходи́ть дозо́ром* — сторожить.
[4] *Була́т* — сталь, стальное оружие, мечи.

Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлёт-де свой царю поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовёт их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идёт там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду:
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу, но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!

Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идёт молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава[1];
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится,
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей;
Он над ней жужжит, кружится,
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь;
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави!..
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

XI.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?»
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Не женат лишь я хожу».
«А кого же на примете
Ты имеешь?» — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждёт ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! Такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнёшь,
Да за пояс не заткнёшь,
Услужу тебе советом.
Слушай: обо всём об этом
Пораздумай ты путём,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,

[1] *Пáва* — птица, самка павлина.

Что пора ему жениться,
Что об этом обо всём
Передумал он путём;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,

Ведь царевна эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведёт её скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слёзы льёт и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь недолго собирался,
На царевне обвенчался.
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

XII.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовёт их в гости.
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте
И куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далёк:
Во-свояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
И доселе не собрался.
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовёт их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своём венце,
А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо.
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нём живёт ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поёт
Да орешки всё грызёт:
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там ещё другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря.
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя жёнка есть,
Что не можно глаз отвесть.
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».
Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя?»
Говорит он не шутя.
«Нынче ж еду!» Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

XIII.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!

Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда!»
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идёт Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повёл царя,
Ничего не говоря.
Все теперь идут в палаты.
У ворот блистают латы [1],
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь вступил на двор широкий:
Там под ёлкою высокой
Белка песенку поёт,
Золотой орех грызёт,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косой луна блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведёт.
Царь глядит — и узнаёт...
В нём взыграло ретивое! [2]
«Что я вижу? что такое?
Как?» и дух в нём занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И весёлый пир пошёл.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всём они признались,
Повинились, разрыдались,
Царь для радости такой
Отпустил всех трёх домой.
День прошёл — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был: мёд, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Вопросы и задания.

1. Кому в этой сказке вы сочувствуете? Почему?
2. Чьи поступки вызывают у вас негодование? Почему?
3. Как царь отнёсся к провинившимся злодейкам?

---

[1] *Ла́ты* — стальная одежда воина; латы закрывают грудь, спину и руки.
[2] *Ретиво́е* — сердце.

4. Какие чудеса описаны в сказке?

Назовите сказки, где показано торжество справедливости.

Подберите к словам *кольчуга, стрелы, щит* родственные слова.

Выберите из сказки и другие старинные слова и объясните их значение.

Найдите и прочитайте те места в сказке, которые относятся к данным в тексте картинкам, и выучите наизусть некоторые повторяющиеся части сказки, например: «Ветер по морю гуляет».

В описании красоты царевны отметьте сравнения. (Например, *выступает, будто пава.*)

Отметьте прилагательные: а) передающие основные качества князя Гвидона (*могучий*), царевны-лебеди (*прекрасная*), царя Салтана, коршуна; б) рисующие природу острова (глава IV) (*поле широкое*); в) старинный русский город.

Бой Руслана с головой.

А. Пушкин.

Уж побледнел закат румяный
Над усыплённою землёй;
Дымятся синие туманы,
И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропою тёмной
Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный,
И что-то страшное храпит,
Он ближе к холму, ближе — слышит:
Чудесный холм как будто дышит.
Руслан внимает и глядит
Бестрепетно, с покойным духом;
Но, шевеля пугливым ухом,
Конь упирается, дрожит,
Трясёт упрямой головою,
И грива дыбом поднялась.
Вдруг холм, безоблачной луною
В тумане бледно озарясь,
Яснеет; смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объяты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в тёмной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.
В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь,
Безмолвием окружена,
Пустыни сторож безымянный,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.
В недоуменье хочет он
Таинственный разрушить сон.
Вблизи осматривая диво,
Объехал голову кругом,

И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри копием,
И, сморщась, голова зевнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь
дрогнула,
Взвилася пыль; с ресниц, с
усов,
С бровей слетела стая сов;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржал, запрыгал, отлетел,
Едва сам витязь усидел,
И вслед раздался голос
шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назад: я не шучу!
Как раз нахала проглочу!»
Руслан с презреньем
оглянулся,
Браздами удержал коня,
И с гордым видом усмехнулся.
«Чего ты хочешь от меня?»
Нахмурясь, голова
вскричала.—
«Вот гостя мне судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь уж ночь,
Прощай!» Но витязь
знаменитый,
Услыша грубые слова,
Воскликнул с важностью
сердитой:
— Молчи, пустая голова!
Слыхал я истину бывало:
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу! —
Тогда, от ярости немея,
Стеснённой злобой пламенея,

Надулась голова; как жар,
Кровавы очи засверкали;
Напенясь, губы задрожали;
Из уст, ушей поднялся пар —
И вдруг она, что было мочи,
Навстречу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи
Неверный продолжает путь;
Объятый страхом, ослеплённый,
Он мчится вновь, изнеможённый,
Далече в поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочет —
Вновь отражён, надежды нет!
А голова ему вослед,
Как сумасшедшая, хохочет,
Гремит: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не трусь, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня».
А между тем она героя
Дразнила страшным языком.
Руслан, досаду в сердце кроя,
Грозит ей молча копием,
Трясёт его рукой свободной,
И, задрожав, булат холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного зева
Рекою побежала вмиг.
От удивленья, боли, гнева,
В минуту дерзости лишась,
На князя голова глядела,
Железо грызла и бледнела...
Счастливым пользуясь мгновеньем,
К объятой голове смущеньем,
Как ястреб, богатырь летит
С подъятой грозною десницей [1]
И в щёку тяжкой рукавицей
С размаха голову разит;
И степь ударом огласилась;
Кругом росистая трава
Кровавой пеной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
Меч богатырский засверкал.
Наш витязь в трепете весёлом
Его схватил, и к голове
По окровавленной траве
Бежит с намереньем жестоким
Ей нос и уши обрубить;
Уже Руслан готов разить,
Уже взмахнул мечом широким —
Вдруг, изумлённый, внемлет он
Главы молящей жалкий стон...
И тихо меч он опускает,
В нём гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное падёт
В душе, моленьем усмирённой:
Так на долине тает лёд,
Лучом полудня поражённый.

Задания.

1. Укажите, какими словами кончается одна часть плана и начинается другая.

---

[1] *Десница* — правая рука.

П л а н.

1) Чудесный холм. 2) Голова. 3) Нарушенный сон. 4) Голова чихнула. 5) Гнев головы. 6) Издевательство головы над Русланом. 7) Укрощение головы. 8) Находка Руслана. 9) Мольба головы о милости.

2. Расскажите подробно, какая была голова.

3. Как проявились смелость Руслана и его сила?

Голубой ковёр.

(Таджикская легенда.)

I.

Жил в прежнее время в одном кишлаке [1] дехканин [2], по имени Рахим. Был он очень беден — не имел ни земли, ни воды. Только и было у него, что ветхий саманный домик, да тканый голубой ковёр. Работал Рахим у бая [3], взрыхлял кетменём [4] землю, сеял пшеницу и получал за это в день три лепёшки и кувшин холодной воды. Так кормились они с женой и дочкой. Жили хотя и бедно, но в мире и согласии. По вечерам они сидели на пороге дома и любовались своим голубым ковром. Такого ковра не было во всём кишлаке. Вытканы были на нём голубые города, зелёные сады, бирюзовое небо и яркие звёзды. Достался этот ковёр Рахиму от матери, а она получила его от своей матери, а та — от своей. Говорили об этом ковре, что выткала его пра-пра-прабабка Рахима и ткала его с молодых лет до самой смерти.

— Берегите, дети, этот ковёр. В чьём доме он будет висеть, тому принесёт он мир и счастье.

И Рахим любил, хранил и берёг свой голубой ковёр.

Но однажды бай, узнав о ковре, позвал Рахима к себе.

— Отдай мне твой ковёр,—сказал он.

Рахим подумал и ответил:

— Как же я могу отдать своё счастье? И зачем тебе оно? У тебя всё есть — и земля твоя, и вода твоя, и бараны твои. А у меня только один ковёр. Нет, не отдам я тебе ковра.

Бай рассердился и прогнал Рахима со двора.

---

[1] *Кишла́к* — таджикская деревня.

[2] *Дехка́нин* — крестьянин.

[3] *Бай* — богач, крупный землевладелец.

[4] *Кетме́нь* — земледельческое орудие, разрыхляющее землю.

С тех пор Рахим стал с каждым днём приносить домой всё меньше хлеба и воды. Голодно стало в доме Рахима.

Тогда жена Рахима взяла кетмень и пошла вместе с мужем на байское поле. Работали они с утра до ночи, но хлеба получали за это ещё меньше.

Тогда взяла кетмень и маленькая дочка Рахима. Втроём они делали всю тяжёлую работу у бая, но он только кричал на них и кормил объедками, которые оставались от псов.

Только и радости было у них, что голубой ковёр.

Однажды, когда есть было нечего, задумался Рахим. Думал он, думал и назавтра пошёл в поле.

— Слушай, поле,— сказал он.— Это я, Рахим. Ты меня давно знаешь. Давно и я тебя знаю. Каждый год я взрыхляю тебя кетменём. Прошу тебя, дай мне немного земли.

Но поле вздохнуло и сказало:

— Я бы и радо услужить тебе, но бай, господин мой, узнает и рассердится на меня. Уходи лучше отсюда скорей.

Но Рахим не послушал. Он насыпал два мешка земли и отнёс их к своему дому. Там он высыпал землю у порога и пошёл к пшенице.

— Слушай, пшеница,— сказал он,— ты меня знаешь давно, и я тебя знаю давно. Это я, Рахим, что засеял тебя весной. Дай мне немного зерна. Я хочу засеять своё маленькое поле.

Но пшеница испуганно замахала колосьями и зашептала:

— Тише, тише! Может услышать господин наш. Уходи лучше поскорей отсюда!

Но Рахим не послушал. Он вырвал два пучка колосьев и пошёл домой.

Он посеял пшеницу у порога и ночью пошёл к арыку.

— Слушай, арык,— сказал Рахим,— ты меня знаешь давно, и я тебя знаю давно. Это я ношу твою воду в байский дом. Дай мне немного воды полить моё маленькое поле.

Но арык громко зажурчал:

— По закону моя вода принадлежит баю. Уходи лучше, а то тебя увидит господин мой!

Но Рахим не послушал, наполнил водой два кувшина и понёс домой. Он полил свой посев водой и стал ждать урожая.

Не прошло и двух лун, как у порога дома Рахима выросла густая пшеница. Рахим собрал зёрна, смолол их, и его жена напекла лепёшек.

В это время бай решил обойти свои владения.

Выйдя в поле, он увидел небольшую ямку. Бай рассердился и закричал на всё поле:

— Куда девалась земля из этой ямы?

Поле испугалось и сказало:

— Это не я... Это Рахим пришёл и силой забрал немного земли.

Бай пошёл дальше и увидел, что нехватает колосьев в его пшенице, а в арыке стало меньше воды.

Тогда бай, полный злобы, пошёл к дому Рахима. А там только что испеклись лепёшки и сладко пахло свежим хлебом.

Бай закричал ещё с порога:

— Ты украл мою воду, пшеницу и землю! Вот я посажу тебя в тюрьму! Ты ел хлеб из моей пшеницы! Я возьму у тебя твой ковёр. И я поступлю с тобой по закону.

Он снял ковёр со стены и унёс, а его слуги схватили Рахима и посадили в тюрьму.

Рахим и сам не знал, сколько времени просидел он в тюрьме. Глаза его отвыкли видеть, ноги отвыкли ходить.

Наконец, двери тюрьмы раскрылись, и он вышел на улицу. С трудом он дошёл до своего дома и остановился, не веря глазам: кругом только куски саманного кирпича.

Пошёл Рахим к соседям, и соседи сказали ему, что жена его умерла с горя и дочка ушла неизвестно куда, а дом опустел и разрушился от времени.

С сердцем, полным гнева, пошёл Рахим к баю и увидел на стене у бая свой голубой ковёр. В доме бая слышались песни, там было веселье и счастье.

Ещё больше разгневался Рахим и крикнул на весь кишлак:

— Нет правды на земле! Пока живы хоть два человека, один будет хозяин, другой — слуга, один будет счастлив, другой — несчастлив.

И решил Рахим уйти навсегда в горы, чтобы никогда больше не видеть ни одного человека.

II.

Он прошёл всю страну, пересек пески пустыни и поднялся в горы. Там он нашёл пещеру, со всех сторон окружённую скалами. Оттуда было видно только небо и свободный полёт птиц.

Он остался жить в горах. К нему приходили дикие козы и давали ему молоко, пчёлы приносили мёд в его пещеру, а горный орёл делился с ним добычей.

Рахим забыл о людях. Только один раз, через много лет, когда борода его уже поседела, он спросил у орла:

— Что делается на земле? Есть ли там ещё люди?

— Есть,— ответил орёл.— Но они воюют и убивают друг друга.

И Рахим обрадовался: он подумал, что скоро на земле не будет совсем людей.

III.

Прошло ещё много лет. И утром однажды Рахима разбудили глухие удары. Скалы вокруг его пещеры содрогались. Вдруг они с грохотом раскололись на много частей и полетели в пропасть.

Рахим увидел людей — это они взрывали скалы. В гневе вскочил он, готовый бежать вглубь гор. Но вдруг его взгляд упал на долину, которую раньше заслоняли скалы. Там, где раньше желтели мёртвые пески пустыни, в голубой долине зеленели сады и поля, подымались белые и голубые города. Всё было так, как на чудесном ковре. И Рахим, не помня себя, побежал вниз, чтобы поближе разглядеть свой ковёр.

Но, когда он сошёл с гор, он подумал: «Это просто почудилось мне; в синем утреннем тумане земля показалась мне ковром».

Но земля была так хороша, так благоухали сады, так зеленели поля, что он пошёл дальше.

Вскоре он утомился и захотел пить. И в это время он увидел арык. Это знакомый ему арык, но он был гораздо глубже и шире.

— Я хочу пить,— сказал Рахим.— Но разве можно пить бедняку из байского арыка? Меня опять посадят в тюрьму.

Но арык заплескался в берегах и сказал:

— Пей, добрый человек! По новому закону моя вода принадлежит всем дехканам, пей, сколько хочешь.

Рахим удивился, но выпил воды и пошёл дальше. Кругом шелестела и колыхалась пшеница. Рахим почувствовал голод.

— Я бы мог взять зёрен,— сказал он,— но хозяин опять посадит меня в тюрьму.

И тут пшеница вдруг зашелестела:

— Бери зёрна, добрый человек. По новому закону я принадлежу всем дехканам.

Рахим удивился и пошёл дальше.

Тут он увидел большое поле и на нём много людей. Земля была чёрная, жирная, а люди работали, смеялись и пели.

Рахим удивился и сказал:

— Чему они так радуются? Разве сладко работать на байском поле?

И вдруг ему сказало поле:

— По новому закону земля принадлежит всем дехканам, бая давно уже нет.

Рахим не поверил и спросил у людей:

— Кто хозяин этой земли?

Они сперва не поняли его, а потом сказали:

— Разве ты не знаешь? Мы все хозяева этой земли.

Рахим пошёл дальше, полный удивления.

IV.

Он вошёл в кишлак и увидел новые, разукрашенные паласами[1] дома. Один дом был больше и красивее всех. Рахим подошёл ближе и увидел множество детей. Посреди двора лежал голубой ковёр, и на нём играли самые маленькие дети. Рахим узнал свой голубой ковёр счастья.

Дети рассматривали вытканные на нём города и сады, болтали и смеялись.

Долго стоял Рахим и смотрел на детей. Он вспомнил всю свою жизнь, и маленькую дочку свою, и тяжёлую работу у бая. И сам не заметил Рахим, как заплакал.

— Что ты плачешь, старый человек? — спросили у него дети.

— Я плачу от радости,— ответил Рахим.— Что-то случилось со старой землёй. Всё на ней переменилось. Земля, вода и пшеница принадлежат всем дехканам, а дети играют на голубом ковре счастья.

И он спросил:

— Кто здесь у вас в кишлаке главный?

Дети повели его по кишлаку прямо к байскому дому.

Рахим вошёл, но вместо бая он увидел женщину, которая сидела и разговаривала с дехканами.

---

[1] *Пала́сы* — ковры без ворса.

Рахим вгляделся в её черты и вдруг узнал в ней свою пропавшую дочь. И дочь узнала его, обрадовалась и сказала:

— Садись, будь гостем, отец. Я сейчас рассужу этих спорящих дехкан.

Она стала говорить и судить и вскоре примирила обоих спорящих, и они ушли, оба довольные.

Старый Рахим слушал мудрые слова своей дочери и заплакал в этот день во второй раз. Дочь удивилась и спросила:

— Отчего ты плачешь, отец?

— От гордости,— ответил Рахим.— Кто бы мог подумать, что женщина, дочь бедняка, может быть где-нибудь главной!

— По новому закону,— ответила дочь,— каждый, кому доверяют дехкане, может быть главным.

Тогда Рахим живо вскочил и вскричал:

— Что же это за закон и откуда он взялся?

Дочь ничего не сказала отцу, но взяла его за руку и повела в свой дом. Она разостлала ковры, поставила кувшины, полные вина, принесла круглый котёл с пилавом, и блюда с жареным барашком, и дыни, и виноград, и спелые гранаты. Тут же положила она белые лепёшки. Потом дочь Рахима пошла по кишлаку из дома в дом, она звала всех дехкан к себе в гости. Пришли старые и молодые, мужчины и женщины, и дочь Рахима усадила их на ковры вокруг отца. Они ели и приветствовали Рахима. А один из них, знаменитый певец — маддах[1], ударил по струнам дутары[2] и запел. Он пел о боях за свободу, о жестокой борьбе, о бессмертном Ленине. Рахим слушал и вдруг увидел перед собой страну в дыму и огне, а дочь свою и дехкан своего кишлака и ещё много народа — на поле битвы. Они сражались, умирали и побеждали врага. А среди врагов увидел Рахим старого бая. Потом рассеялся дым, погас огонь, и на земле стали работать свободные люди. И Рахим видел, как зазеленели поля, как зацвели сады, выросли голубые города.

— И тогда был дан людям новый закон,— так закончил маддах свою песню.

И тут Рахим заплакал в третий раз в этот день.

— Почему же ты плачешь? — спросили его дехкане.

— Я плачу,— ответил Рахим,— от стыда, что все эти годы я не был с вами.

---

[1] *Маддáх* — народный певец.

[2] *Дутáра* — струнный инструмент, очень напоминающий мандолину.

Вопросы и задание.

1. Что вы узнали из этой легенды о жизни таджиков до революции?
2. Как изменилась их жизнь после революции?
3. Озаглавьте каждую часть.

ПОСЛОВИЦЫ НАРОДОВ СССР.

Труд, труд и труд — вот три вечных сокровища.
Храброму человеку никакое дело не трудно.
Без труда нет отдыха.
У кузнеца — руки золотые, у акына [1] — слова золотые.
Ветер горы разрушает, слово народы подымает.
Мужественный пеняет на себя, малодушный — на товарища.
Не хвали сам себя, пусть народ похвалит тебя.
Герой умирает раз, трус — тысячу раз.

Задания.

1. Сгруппируйте пословицы по темам, озаглавьте каждую группу.
2. Выберите три понравившиеся вам пословицы.

Горячий камень.

А. Гайдар

I.

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плёл корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришёл на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролёг кривой, рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

II.

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там потихоньку яблок. Но, зацепив штаниной

---

[1] *Акы́н* — народный певец.

за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что ещё хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клок от штанины, а по красным щекам текли слёзы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку во-свояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

III.

От стыда и горя Ивашка забрёл в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу, и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный! Это Ивашка смекнул сразу. Он сбросил башмак и торопливо стал оббивать каблуком с надписей глину.

И вот он прочёл такую надпись:

«Кто снесёт этот камень на гору и там разобьёт его на части, тот вернёт свою молодость и начнёт жить сначала».

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь — девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из первого класса перескочить сразу в третий — это другое дело!

Но всем давно известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

IV.

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нёс ведро извёстки, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчиком добрым, подумал: «Вот идёт человек, который очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжко».

Вот с какими хорошими мыслями подошёл к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чём дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку. Но уйти с караула на болото отказался, потому что были ещё на свете такие люди, которые могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придёт туда не надолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела.

Но рассердить старика отказом он не решился.

На следующее утро, захватив мешок и холщёвые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

V.

Измазавшись грязью и глиной, с трудом вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лёг у подножия горы на сухую траву.

«Вот! — думал он.— Теперь вкачу я камень на гору, придёт хромой старик, разобьёт камень, помолодеет и начнёт жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди её видели». На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза он такую жизнь видел. Это — когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофёр подвёз его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это — когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на весёлый праздник Первое мая.

«Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит»,— великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

VI.

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съёжившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришёл на гору старик.

— Что же ты, дедушка, не принёс ни молотка, ни топора, ни лома? — вскричал удивлённый Ивашка.— Или ты надеешься разбить камень рукой?

— Нет, Ивашка,— отвечал старик,— я не надеюсь разбить его рукою. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошёл к изумлённому Ивашке, погладил его по голове. И Ивашка почувствовал, что тяжёлая ладонь старика вздрагивает.

— Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен,— говорил старик Ивашке.— А на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу — но это тогда, когда мы ещё неумело валили заборы и строили баррикады, поднимали восстание против царя, которого ты видел только на картинках.

Мне вышибли зубы — но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни.

Шашкою в бою мне рассекли лицо — но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одолевает.

Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, как она сейчас,— могучей и великой. Это ли ещё, глупый Ивашка, не счастье? И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

— Да, дедушка! — тихо сказал тогда Ивашка.— Но раз так — то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своём болоте?

— Пусть лежит на виду,— сказал старик,— и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

VII.

С тех пор прошло много лет, но камень тот так и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут во-свояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была неспокойна совесть. «А что,— думаю,— дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!»

Однако постоял-постоял и во-время одумался.

«Э-э! — думаю, скажут, увидев меня помолодевшим, соседи.— Вот идёт молодой дурак! Не сумел, видно, он одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала».

И пошёл прочь — своей дорогой.

Вопросы и задания.

1. Придумайте заголовки к каждой части сказки.
2. Которая из них по своему содержанию самая важная и почему?
3. Отчего старик отказался начать жить сначала? Что хорошего было в его трудной жизни?
4. Почему Ивашка решил отдать камень старику-сторожу?
5. Почему Ивашка не воспользовался им сам?
6. Зачем старик заставил Ивашку втащить камень на гору?
7. Почему он и теперь лежит на горе целый?
8. Выделите, что в этом рассказе сказочного.

Ковёр-самолёт.

В. Лебедев-Кумач

Народ спокон веков мечтал о самолёте,
О сказочном ковре чудесной быстроты...
В могучем Сталинском Воздушном Красном Флоте
Воплощены теперь народные мечты.
Растут богатыри, и крепнут наши крылья,
Всё выше мы летим, всё дальше, всё быстрей!
Бледнеют сказки перед нашей яркой былью,
И нас не устрашит любой дракон и змей!

Две собаки.

И. Крылов.

Дворовый, верный пёс
Барбос,
Который барскую усердно службу нёс,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он с умиленья чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну, что, Жужутка, как живёшь
С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несёшь?»
— «На счастье грех роптать,— Жужутка отвечает: —
Мой господин во мне души не чает;

Живу в довольстве и добре,
И ем и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живёшь?» —
«Я,— отвечал Барбос,
Хвост плетью опустя и свой повеся нос,—
Живу попрежнему: терплю и холод,
И голод,
И, сберегаючи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну
под дождём;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот прекрасно!»
С насмешкой отвечал Жужу:
«На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

Вопросы.

1. Как обе собаки жили раньше, когда дружили?
2. Почему так резко изменилось их положение?
3. Какие из перечисленных качеств можете приписать Барбосу, какие Жужу: *труженик, работяга, преданный, верный, бездельница, угодливая, балованая, чванная?*
4. В каких случаях по отношению к человеку употребляется выражение: *на задних лапках ходит?*

Кукушка и Петух.

И. Крылов.

«Как, милый Петушок, поёшь ты громко, важно!»
— «А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
Во всём лесу у нас такой певицы нет!»
— «Тебя, мой куманёк, век слушать я готова».

— «А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то, жду я, не дождусь,
Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берётся голосок?
И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою невелички,
А песни — что твой соловей!»
— «Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поёшь ты лучше райской птички.
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку,—
Всё ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

Вопросы и задания.

1. Как кукушка и петух хвалят друг друга? А на самом деле как они поют?
2. Найдите ласковые слова, с которыми они обращаются друг к другу.
3. Почему они хвалили друг друга?
4. Кто разъяснил им, что они напрасно хвалят друг друга?
5. Какое выражение из этой басни применяется в жизни?
6. Разыграйте басню в лицах.

Ворона и Лисица.

И. Крылов.

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр,— Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!
Какие пёрышки! Какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло,—
И на приветливы лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

Вопросы и задания.

1. Прочитайте первые три строчки и скажите, от чего предостерегает Крылов?
2. Как вы понимаете выражения в басне: *на ель ворона взгромоздясь; вдруг сырный дух лису остановил; лисицу сыр пленил; с ним была плутовка такова?*
3. Как лисица льстила вороне? Отметьте ласкательные выражения в словах лисицы.
4. А какова ворона в действительности?
5. Для чего лисица льстила вороне?
6. Какая похвала лисицы помогла ей достигнуть цели? Перечитайте эти слова.
7. Какие людские пороки высмеивает Крылов в басне?

Крестьянин и Работник.

И. Крылов.

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

———

Старик-Крестьянин с Батраком
Шел пóд вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.

Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка родной, не выдай, милый!»
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес [1], со всей собравшись силой,
Что только было в нём,
Отнёс полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй,— говорит: — за что?» — «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

Вопросы и задание.

1. Какую помощь оказал работник хозяину?
2. Как отблагодарил хозяин батрака?
3. Объясните слова и выражения: *ахнуть не успел; повстречали носом к носу; взапуски, остолбенел, опешил.*

---

[1] *Геркуле́с* — человек, обладающий необыкновенной силой.

Крестьянин в беде.

И. Крылов.

К крестьянину на двор
Залез осенней ночью вор;
Забрался в клеть и, на просторе,
Обшаря стены все, и пол, и потолок,
Покрал бессовестно, что мог:
И то сказать, какая совесть в воре!
Ну так, что наш мужик, бедняк,
Богатым лёг, а голью встал такою,
Хоть по́-миру поди с сумою.
Не дай бог никому проснуться худо так!
Крестьянин тужит и горюет,
Родню сзывает и друзей,
Соседей всех и кумовей.
«Нельзя ли,— говорит,— помочь беде моей?»
Тут всякий с мужиком толкует
И умный свой даёт совет.
Кум Карпыч говорит: «Эх, свет!
Не надобно было тебе по миру славить,
Что столько ты богат».
Сват Климыч говорит: «Вперёд, мой милый сват,
Старайся клеть к избе гораздо ближе ставить».
— «Эх, братцы, это всё не так,—
Сосед толкует Фока: —
Не то беда, что клеть далёка.
Да надо на дворе лихих держать собак;
Возьми-ка у меня щенка любого
От Жучки: я бы рад соседа дорогого
От сердца наделить,
Чем их топить».
И словом, от родни и от друзей любезных
Советов тысячу надавано полезных,
Кто сколько мог,
А делом ни один бедняжке не помог.

На свете таково ж: коль в нужду попадёшься,
Отведай сунуться к друзьям:
Начнут советовать и вкось тебе и впрямь;

А чуть о помощи на деле заикнёшься:
То лучший друг
И нем, и глух.

Вопросы и задания.

1. Какая беда случилась с крестьянином?
2. Какие советы вместо помощи подавали «друзья»?
3. Какие вы знаете примеры истинной дружбы?
4. В каких словах автор говорит о лицемерной дружбе?
5. Объясните слова: *голь, тужит, славить.*

Пословицы.

Укажите, к какой басне относится каждая из пословиц:
1. Долг платежом красен.
2. На языке медок, а под языком ледок.
3. Друзья познаются в несчастии.

Материнская любовь.

С. Аксаков.

Положение моё становилось хуже и хуже. Припадки появлялись чаще, продолжались долее; я потерял аппетит, бледнел и худел с каждым днём; терял также и охоту заниматься ученьем: один только сон подкреплял меня. Наконец, отдали меня в больницу. Там поместили меня очень хорошо: дали особую небольшую комнату, назначенную для тяжёлых больных, которых на ту пору не было; там спал со мной дядька [1] Евсеич, переведённый в больничные служители.

Мать моя, уезжая в последний раз из Казани, заставила Евсеича побожиться, что он уведомит её, если я сделаюсь болен. Он давно порывался исполнить обещание, но его постоянно удерживали; теперь же он решился действовать, не спрашиваясь никого: один из грамотных дядек написал ему письмо, в котором, без всякой осторожности и даже несправедливо, он извещал, что молодой барин болен и что его отдали в больницу.

Можно себе представить, каким громовым ударом разразилось это письмо над моим отцом и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло в деревню во время совершенной распутицы, о

[1] *Дядька* — слуга. Во время крепостного права барчуки от няньки переходили на попечение дядьки.

которой около Москвы не могут иметь и понятия: дорога проваливалась на каждом шагу, и во всяком долочке[1] была зажора, то есть снег, насыщенный водою; ехать было почти невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло: она выехала в тот же день в Казань, со своею горничной Парашей и молодым мужем её, Фёдором; ехала день и ночь на переменных крестьянских лошадях, в простых крестьянских санях в одну лошадь; всех саней было четверо: в трёх сидело по одному человеку без всякой поклажи, которая вся помещалась на четвёртых санях: только таким образом была какая-нибудь возможность подвигаться шаг за шагом вперёд, и то — пользуясь морозными утренниками, которые на этот раз продолжались, по счастью, до половины апреля.

В десять дней дотащилась моя мать до большого села Мурзихи, на берегу Камы; здесь пошла уже большая почтовая дорога, крепче уезженная, и потому ехать по ней представлялось более возможности; но зато из Мурзихи надо было переехать через Каму, чтобы попасть в село Шуран, находящееся, кажется, в 80 верстах от Казани. Кама ещё не прошла, но надулась и посинела; накануне перенесли через неё почту на руках, но в ночь прошёл дождь, и никто не соглашался переправить мою мать и её спутников на другую сторону. Моя мать принуждена была ночевать в Мурзихе; боясь каждой минуты промедления, она сама ходила из дома в дом по деревне и умоляла добрых людей помочь ей, рассказывала своё горе и предлагала в вознаграждение всё, что имела. Нашлись добрые и смелые люди, понимавшие материнское сердце, которые обещали ей, что если дождь в ночь уймётся и к утру хоть крошечку подмёрзнет, то они берутся благополучно доставить её на ту сторону и возьмут то, что она пожалует им за труды.

Ветер разогнал облака, и к утру мороз высушил дорогу и тонким ледочком затянул лужи.

На заре шестеро молодцов, рыбаков по промыслу, выросших на Каме и привыкших обходиться с нею во всяких её видах, каждый с шестом или багром, привязав за спину нетяжёлую поклажу, взяли под руки обеих женщин, обутых в мужские сапоги, и отправились в путь, пустив вперёд самого расторопного из своих товарищей для ощупывания дороги. Дорога лежала вкось, и надобно было пройти около трёх вёрст.

---

[1] *Долóчек* — впадина в земле, небольшая низина.

Переход через огромную реку в такое время так страшен, что только привычный человек может совершить его, не теряя бодрости и присутствия духа. Фёдор и Параша просто ревели, прощались с белым светом и со всеми родными; но мать моя с каждым шагом становилась бодрее и даже веселее. Провожатые поглядывали на неё и приветливо потряхивали головами. Надобно было обходить полыньи, перебираться по сложенным вместе шестам через трещины; мать моя нигде не хотела сесть на чуман [1], и только тогда, когда вся опасность миновалась, она почувствовала слабость и почти лишилась чувств.

За двое суток мать моя доехала до Казани, остановилась где-то на постоялом дворе и через полчаса уже была в гимназии...

Не нахожу слов и не беру на себя рассказать, что чувствовал я, когда вошла ко мне моя мать. Она так похудела, что можно было не узнать её, но радость, что она нашла дитя своё не только живым, но гораздо в лучшем положении, чем ожидала, так ярко светилась в её всегда блестящих глазах, что она могла показаться и здоровою, и весёлою. Я забыл всё, что вокруг меня происходило, обнял свою мать и несколько времени не выпускал её из моих детских рук.

Вопросы и задание.

1. Что вы узнали из этого рассказа о силе материнской любви?
2. Укажите места в рассказе: а) когда вы испытывали страх за судьбу матери; б) когда радовались за неё.
3. Как мать была вознаграждена за свою неустрашимость, за беззаветную любовь к сыну?

В новой семье.

Л. Воронкова.

Колхозница Дарья Шалихина взяла на воспитание девочку, у которой отец был на фронте, а мать была убита фашистами.

Девочку звали Валентиной. В семье Дарьи было трое детей: Груша, Таиска и Романок.

Валентина прожила в семье Дарьи зиму и привыкла к своим новым родным.

I.

Однажды Валентинка проснулась среди ночи от какого-то далёкого неясного шума. Она прислушалась. Может, разбудить

[1] *Чума́н* — широкий лубо́к для катанья с гор или во́зки снега.

мать? Может, это фронт нагрянул? Может, идут по дорогам немецкие машины и шумят-шумят, а деревня спит и не слышит ничего?

Тёмная-тёмная ночь глядела в окна. По стёклам шуршал дождь.

Утром, проснувшись, она снова услышала тот же монотонный шум. Таиска умывалась. Она, смеясь, брызнула на Валентинку водой.

— Вставай! Пойдём реку смотреть — лёд пошёл! Слышишь, как шумит?

— Это река шумит? А, так, значит, это река шумит! Она ещё ночью шумела. А я подумала...

— Что подумала?

— Так, ничего.

Все нечаевские ребятишки высыпали на реку. Маленькие стояли на горе, пригретой солнышком. А ребятишки постарше и посмелее подошли к самой воде. Льдины плыли по реке, сталкивались, натыкались на берега и снова мчались куда-то. Река прибывала, вздувалась, начинала выступать из берегов.

Мальчишки стояли на берегу. Романок был с ними. Они стояли на самом краю и бросали палки на середину реки, чтобы посмотреть, как они крутятся в бурунчиках.

Вдруг мальчишки закричали. Край берега, на котором они стояли, отделился и медленно поплыл... Это был кусок льда, прибитый к земле. Ребята один за другим прыгали на берег. Только Романок, растерявшись, стоял и не знал, что ему делать. А полоска воды между ним и берегом потихоньку увеличивалась и увеличивалась.

— Прыгай! — кричали ребятишки.— Прыгай скорей!

— Прыгай! — взвизгнула Таиска.

Валентинка, увидев Романка на уплывающей льдине, такого маленького, жалкого и растерянного, забыла всё на свете. Она прыгнула в воду, сдёрнула Романка со льдины и вместе с ним выскочила обратно на берег.

Всё произошло очень быстро. Валентинка даже испугаться не успела. Она увидела уплывающую льдину, которая уже неслась по течению,— ведь Романок сейчас стоял бы на ней! Она заглянула в тёмную воду, в которую только что прыгнула. И ей стало до того жутко, что слёзы приступили к горлу.

Таиска подлетела, отшлёпала Романка и отогнала его от реки.

Потом подошла к Валентинке:

— Как же теперь домой-то идти? С тебя так и льёт. Полны валенки, небось. А ну-ка скинь!

Девочки помогли Валентинке снять валенки и вылили из них воду. Валентинка дрожала.

— Пойдём к бабушке Славиной! — сказала Варя.— Она добрая. Мы когда зимой в прорубь провалились, она нас сушила.

— И правда! — подхватила Таиска.— Пойдём!

Бабушка Славина одиноко жила в своей маленькой избушке. Ни родных, ни близких у неё не было. Но когда соседи заходили к ней за какой-нибудь нуждой или ребятишки забегали со своим горем, она всегда была рада помочь, чем только могла.

Бабушка велела Валентинке снять валенки и намокшее платье, дала ей свою шубейку и затопила печку. А на стол поставила чугунок со сладкой пареной брюквой.

— Ешьте! Мёд, а не брюква!

Девочки всё ещё переживали случившееся.

— А всё-таки у нас Валентинка смелая,— сказала Таиска.— Я ещё и опомниться даже не успела...

Алёнка поёжилась:

— Прямо в воду! Ух!.. А если б тут не мелко было? Если б тут яма была?

— Страшно! — прошептала Варя.

— Ну и что ж, что страшно! — ответила Валентинка:— если б Романок ваш был? И ты тоже прыгнула бы Мало ли что страшно! Конечно...

Она вдруг заплакала. Ей снова представилось, как бурная река уносит льдину и Романок стоит на этой льдине и смотрит на всех испуганными синими глазами. А льдину уже вертит, уже крутит в воде... Ой, что если бы это и в самом деле случилось?

— Ну, ведь не случилось же, ведь не случилось же! — повторяла Таиска. Но неожиданно всхлипнула и сама.

II.

Всё дальше отходил фронт. С тяжёлыми боями выбивала Красная Армия врагов со своей родной земли. Попрежнему каждый день колхозники поджидали почтальона. Нет ли письма из армии?

Мать стала частенько задумываться. Нет и нет письма с фронта...

Молчаливая печаль незаметно поселилась в доме. Никто о ней не говорил, но все чувствовали её, знали о ней. Все, кроме Романка, который ни минуты не сомневался, что всё на свете очень хорошо и ничего плохого вообще не бывает.

Но вот однажды дед пришёл обедать в каком-то необычайном настроении. Во-первых, он весело хмыкал и покрякивал, во-вторых, был что-то очень разговорчив.

— Ну, как дела, пострелята? Как дела, мать? Какая у тебя похлёбка нынче? С грибами? Хорошо, лучше некуда!

И садясь за стол, даже забурчал что-то похожее на песню.

Мать поглядела на него с улыбкой:

— Отец! Да что с тобой сегодня? По займу, что ли, выиграл?

Дед хмыкнул:

— По займу! Подумаешь, по займу! Не по займу, а кое-что побольше!

— Так чего же побольше? Медаль, что ли, получил?

— Медаль не медаль, а кое-что получил!

И вдруг не выдержал, достал из кармана голубой конверт:

— Вот оно!

— Письмо? — вскрикнула мать.

— Письмо?! — закричали ребятишки.

Мать хотела доставать из печки похлёбку, но забыла про неё и отставила ухват.

— Ну, что это ты, отец! Читай же скорее!

Дед бережно вынул письмо из конверта и надел очки. Ребятишки окружили его. Только Валентинка не подошла, осталась там, где стояла.

Дед читал письмо с фронта. Отец писал, что он жив и здоров, что бьют они врага из тяжёлых орудий, а фашисты, как крысы, забились под дома, в подвалы, и нелегко выбивать их оттуда.

Описывал отец, как был он в большом бою и как выгнали они врага из нескольких населённых пунктов.

А потом отец спрашивал, всё ли благополучно в доме, здоровы ли ребятишки, как учится Груша...

Груша подняла голову и гордо поглядела на Таиску и Романка. Вот как! Отец про неё отдельно спрашивает!

«...Как Таиска? Шибко ли озорует?»

Таиска даже подпрыгнула. И про неё отец тоже отдельно спрашивает!

«...Как наш Романок, наш будущий боец? Подрастает он или всё ещё такой же карапуз, из-под стола не видать?»

— И про меня! — крикнул Романок.— И про меня тоже!

А мать, не спуская глаз, глядела на деда и, казалось, ждала ещё чего-то в письме, очень важного, очень нужного...

«Дорогая моя жена Даша,— читал дальше дед,— ты писала мне, что взяла в дом сиротку Валентинку...»

Вот оно! Все сразу оглянулись на Валентинку. Валентинка насторожилась, а у матери на щеках вспыхнули красные пятна.

«...Должен тебе сказать,— читал дед,— что ты, Даша, у меня умница и хороший человек. Пускай сиротка найдёт в нашем доме свой родной дом, пускай она в нашей семье найдёт свою родную семью. Прикажи ребятишкам, чтобы они её не обижали. Пусть живёт и растёт на здоровье!»

Мать только теперь перевела дух.

— Вот и хорошо! — прошептала она.

А Романок подбежал к Валентинке и весело дёрнул её за платье:

— Слышала! И про тебя тоже!

— Слышала! — ответила Валентинка и, покраснев, так же гордо, как Груша и Таиска, поглядела на всех.

Вопросы.

1. Почему Таиска называет Валентинку смелой? А ещё что можно добавить о ней?
2. Как Валентинка, судя по её поступку с Романком, относилась к своей новой семье?
3. Какая большая радость была в семье?
4. Что отец спрашивал о каждом из детей?
5. Как он отнёсся к тому, что его жена взяла на воспитание сироту?
6. Как письмо отца подействовало на детей?

Большая берёза.

Н. Артюхова.

1.

— Эй, ты, Алёшка,— крикнул Володя.— Тебе, небось, не влезть на большую берёзу — маленький ещё!

— Я бы залез,— ответил Алёша хмуро.— Да не позволяют. Мама говорит, спускаться ещё труднее, чем лезть кверху.

— Эх, ты, маменькин сынок!

Володя скинул сандалии, прыгнул на высокий пень около дерева и полез кверху, обхватывая ствол руками и ногами.

Алёша смотрел на него с завистью. Зелёные пышные ветки росли на берёзе только на самом верху, где-то под облаками. Ствол был почти гладкий, с редкими выступами и обломками старых сучьев. Высоко над землёй он разделялся надвое, и оба ствола поднимались к небу, прямые, белые, стройные.

Володя уже добрался до развилки и сидел, болтая ногами.

— Лезь ко мне, маменькин сынок,— не унимался он.— Видно, без веток лазить не умеешь! Боишься!

— Неправда! — не выдержал Алёша.— Я до половины на шест влезаю.

— Почему же это только до половины? Не позволяют?

Алёша надулся и отошёл в дальний угол сада.

Володя посидел ещё немного на берёзе. Но дразнить было больше некого, а лезть выше по гладкому стволу он не решался.

Он спустился на землю и пошёл домой.

2.

Оставшись в саду один, Алёша снова подошёл к большой берёзе. Огляделся. На тропинке никого не было. Он полез на дерево, цепляясь за каждый выступ коры, за каждый сучок. Внизу ствол был слишком толст, Алёша не мог обхватить его ногами.

«Ему-то хорошо, длинноногому! — сердито подумал он.— А всё-таки я влезу выше его!»

И он продвигался всё выше и выше. Дерево было не таким гладким, как это казалось с земли. Было за что зацепиться рукой, на что поставить ногу.

Ещё немного, ещё чуточку — и он доберётся до развилины. Там можно будет передохнуть.

Вот и готово. Алёша сел верхом, как раньше сидел Володя. Однако долго рассиживаться нельзя. Пока никого нет, надо попробовать добраться до верхушки. Алёша встал и посмотрел кверху. Правый ствол был выше левого. Алёша выбрал его, обхватил руками и ногами и полез, как лазил по шесту.

— И вовсе не трудно! — приговаривал он сквозь зубы.— И вовсе не страшно!

Весело было смотреть сверху вниз на крышу дачи, на деревья сада, на липу, которая казалась отсюда маленькой, мягкой и

пушистой. Земля отодвигалась вниз и раскрывалась вширь. Вот за садом стал виден овраг, и поле за оврагом, и лес. Из-за пригорка вынырнула труба далёкого кирпичного завода.

И только добравшись до первых зелёных веток на верхушке берёзы, Алёша почувствовал, что ему очень жарко и что у него слегка кружится голова.

— Ау! — закричал он.— Ау!

3.

Мама стояла в кухне с полотенцем на плече и вытирала последнюю чашку. Вдруг из раскрытого окна показалось испуганное лицо Володи.

— Тётя Зина! Тётя Зина! — крикнул он.

— Что такое?

— Ваш Алёша залез на большую берёзу! Он может сорваться.

Чашка выскользнула из маминых рук и со звоном упала на пол.

— На какую берёзу?

— На большую! За калиткой!

Мама кинулась на террасу, выбежала за калитку.

— Где же он?

— Да вон же, на берёзе!

Мама посмотрела на белый ствол, на то место, где он разделялся надвое. Алёши там не было.

— Ты что шутишь, Володя? — спросила она.

— Да нет же, я правду говорю,— закричал Володя.— Он там, там, на самой верхушке! За ветками прячется.

И тут мама, в самом деле, увидела Алёшу. Она смерила глазами расстояние от его ветки до земли, и лицо у неё стало почти такое же белое, как этот ровный берёзовый ствол.

— С ума сошёл! — сказал Володя.

— Молчи! — ответила мама тихо и очень строго.— Иди домой и сиди там.

Она подошла ближе к дереву.

— Ну как, Алёша,— спросила она,— хорошо там наверху?

Алёша был удивлён, что мама не сердится и говорит таким спокойным, ласковым голосом.

— Да,— сказал он.— Только мне очень жарко, мамочка.

— Это ничего,— сказала мама,— посиди, отдохни немного

и начинай спускаться. Только не спеши. Потихонечку... Отдохнул? — спросила она через минуту.

— Отдохнул.

— Ну, тогда спускайся. Смело!

Алёша, держась за ветку, искал, куда бы поставить ногу.

В это время на тропинке показался незнакомый человек с корзинкой в руке. Видно, дачник. Он услыхал голоса, посмотрел наверх и закричал испуганно и сердито:

— Куда ты забрался, негодный мальчишка! Слезай сейчас же! Упадёшь!

Алёша вздрогнул и, не рассчитав движения, поставил ногу на сухой сучок. Сучок хрустнул и прошелестел вниз, к маминым ногам.

— Не так, Алёша,— сказала мама.— Становись на следующую ветку.

Потом повернулась к дачнику:

— Не беспокойтесь, пожалуйста, он очень хорошо умеет лазить по деревьям. Он у меня молодец!

Маленькая, лёгонькая фигурка Алёши медленно спускалась вниз.

Лезть наверх было, в самом деле, гораздо легче, чем спускаться. Алёша устал. Но внизу стояла мама, спокойная, уверенная. Она давала ему советы, говорила ласковые, ободряющие слова. Земля приближалась. Вот уже не видно ни поля за оврагом, ни заводской трубы. Алёша добрался до развилки.

— Передохни,— сказала мама.— Молодец! Ну, теперь ставь ногу на этот сучок... Нет, не туда, тот сухой, вот сюда, поправее... Так, так. Не спеши.

Земля была совсем близко. Алёша повис на руках, вытянулся и спрыгнул на высокий пень, с которого он начал своё путешествие.

Он стоял красный, разгорячённый и дрожащими руками стряхивал с коленок белую пыль берёзовой коры.

Незнакомый дачник покачал головой и сказал:

— Ну-ну! Парашютистом будешь!

А мама обхватила тоненькие, коричневые от загара, исцарапанные ножки сына и тихо сказала:

— Алёшка, обещай мне, что никогда, никогда не будешь так огорчать меня.

И вдруг заплакала громко, навзрыд и, не оглядываясь, быстро пошла к дому.

На террасе стоял Володя. Мама пробежала мимо него, через огород, к оврагу. Села на траву и закрыла платком лицо.

Алёша шел за ней, смущённый и растерянный.

Он сел рядом с ней на склоне оврага, взял её за руку, гладил по волосам и говорил:

— Ну, мамочка, ну, успокойся! Я не буду лазить так высоко, пока не вырасту... Ну, успокойся!

Он в первый раз видел, как плакала мама.

Вопросы и задание.

1. Почему Алёша нарушил приказ мамы и полез на берёзу?
2. Почему мама побледнела, но не показала виду, что боится за сына?
3. Как она помогала Алёше спускаться с берёзы?
4. Как дачник испугал мальчика?
5. Почему мама плакала?
6. Как подействовали мамины слёзы на Алёшу?

Составьте план рассказа. Расскажите подробно ту часть, которая вызвала у вас опасение за Алёшу.

Ванька.

А. Чехов.

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкапа пузырёк с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать. Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на тёмный образ, по обе стороны которого тянулись полки с колодками, и прерывисто вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьёй на коленях.

«Милый дедушка, Константин Макарыч! — писал он.— И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с рождеством и желаю тебе всего от господа бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался».

Ванька перевёл глаза на тёмное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ

Живарёвых. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка, лет 65-ти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами. Днём он спит в людской кухне или балагурит с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелёк Вьюн, прозванный так за свой чёрный цвет и тело, длинное, как у ласки. Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков... Теперь, наверное, дед стоит у ворот, щурит глаза на яркокрасные окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагурит с дворней. Колотушка его подвязана к поясу. Он всплёскивает руками, пожимается от холода и старчески хихикает.

— Табачку, нешто, нам понюхать? — говорит он, подставляя бабам свою табакерку.

Бабы нюхают и чихают. Дед приходит в неописанный восторг, заливается весёлым смехом и кричит:

— Отдирай, примёрзло!

Дают понюхать табаку и собакам. Каштанка чихает, крутит

мордой и, обиженная, отходит в сторону. Вьюн же из почтительности не чихает и вертит хвостом.

А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с её белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб; деревья, посеребрённые инеем, сугробы. Всё небо усыпано весело мигающими звёздами, и Млечный путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потёрли снегом...

Ванька вздохнул, умокнул перо и продолжал писать:

«А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятёнка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селёдку, а я начал с хвоста, а она взяла селёдку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмехаются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей,— то хозяева сами трескают.

А спать мне велят в сенях, а когда ребятёнок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку.

Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

Ванька покривил рот, потёр своим чёрным кулаком глаза и всхлипнул.

«Я буду тебе табак тереть,— продолжал он,— богу молиться, а если что, то секи меня, как сидорову козу. А ежели думаешь, должности мне нету, то я христа-ради попрошусь к приказчику сапоги чистить, али заместо Федьки в подпаски пойду. Дедушка милый, нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрёшь,— стану за упокой души молить, всё равно как за мамку Пелагею.

А Москва город большой. Дома всё господские, и лошадей много, а овец нету и собаки не злые. Со звездой тут ребята не ходят, и на клирос петь никого не пущают, а раз я видел в одной лавке, на окне крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоющие, даже такой есть один крючок, что пудового

сома удержит. И видал которые лавки, где ружья всякие, на манер бариновых, так что, небось, рублей сто кажное... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают.

Милый дедушка, а когда у господ будет ёлка с гостинцами, возьми мне золочёный орех и в зелёный сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи — для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. Он вспомнил, что за ёлкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собой внука. Весёлое было время! И дед крякал, и мороз крякал, а глядя на них, и Ванька крякал. Бывало, прежде чем вырубить ёлку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеивается над озябшим Ванюшкой... Молодые ёлки, окутанные инеем, стоят неподвижно и ждут, которой из них помирать. Откуда ни возьмись, по сугробам летит стрелой заяц. Дед не может, чтобы не крикнуть: «Держи, держи... держи! Ах, куцый дьявол!»

Срубленную ёлку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать её...

«...Приезжай, милый дедушка,— продолжал Ванька: — христом богом тебя молю, возьми меня отсюда. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят, и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя,— всё плачу. А намедни хозяин колодкой по голове ударил так, что упал и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой... А ещё

В ученье. *Художник В. С. Баюскин.*

В мастерской ремесленного училища. *Художник В. С. Баюскин.*

Детство прежде. *Художник В. С. Баюскин.*

Детство теперь. *Художник В. С. Баюскин.*

кланяюсь Алёне, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков. Милый дедушка, приезжай!»

Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он умокнул перо и написал адрес: «На деревню дедушке».

Потом почесался, подумал и прибавил: «Константину Макарычу».

Довольный тем, что ему не помешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу... Сидельцы из мясной лавки, которых он расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель.

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал...

Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам. Около печки ходит Вьюн и вертит хвостом.

Вопросы и задания.

1. Расскажите: а) о жизни Ваньки у сапожника; б) о том, как Ванька описывает большой город; что его заинтересовало в нём.
2. Выберите в рассказе слова, взятые из народной речи, и поставьте рядом с ними литературные выражения.
3. Что вспоминает Ванька о жизни в деревне?
4. Найдите в рассказе и перечитайте следующие отрывки: а) портрет деда; б) описание Вьюна и Каштанки; в) описание зимней ночи; г) в лес за ёлкой.
5. Почему Ванька просит дедушку взять его обратно домой?
6. Какое обещание даёт Ванька дедушке, если он возьмёт его от сапожника?
7. Почему дедушка не может выполнить просьбу Ваньки?
8. Что вы узнали об отношении барышни к мальчику? Поможет ли она ему?
9. Почему письмо Ваньки не дойдёт до дедушки?

Напишите сочинение на одну из тем:
1) Жизнь Ваньки в деревне.
2) Жизнь Ваньки в городе.

План сочинений.

Жизнь Ваньки в деревне.

1) Где и у кого жил Ванька?
2) Кто были его родные?
3) Какие удовольствия и забавы бывали у Ваньки зимой и летом в деревне?
4) Как Ванька относился к дедушке?
5) Что вынудило дедушку отдать Ваньку в город?
6) Как Ванька отнёсся к этому решению?

Жизнь Ваньки в городе.

1) Как Ванька описывает большой город?
2) Как ему жилось у сапожника?
3) Какую работу выполнял Ванька?
4) Как его учили?
5) Как к Ваньке относились хозяева, подмастерья?
6) Как он относился ко всем в мастерской?
7) Почему Ванька просит дедушку взять его домой?

Прежде и теперь.

Задания.

Рассмотрите картины «Детство прежде» и «Детство теперь» и составьте рассказ.

Рассмотрите картины «В ученье» и «В мастерской ремесленного училища».

1. Кто нарисован на первой картине?
2. В каких условиях учился мальчик ремеслу прежде?
3. Кто нарисован на второй картине?
4. В каких условиях живут и учатся ремеслу ребята теперь?

В ученье у чертёжника.

И. Груздев.

(Из книги о Горьком.)

Алёша снова вернулся к деду.

Бабушка встретила Алёшу ласково и тотчас ушла ставить самовар; дед насмешливо, как всегда, спросил:

— Много ли золота накопил?

— Сколько есть — всё моё,— ответил Алёша.

Дед ещё больше сердил его:

— Ну, Лексей, за то, что место себе сам нашёл да денег прикопил,— молодец! Поживи-ка у нас пока, а потом я тебя тоже на хорошее место поставлю.

— Куда ещё? — недовольно спросила бабушка.

— К тётке Матрёне, к сыну её... Чертёжником будет.

Дом, в который отвели Алёшу, находился на окраине города. Дом был новый, но какой-то худосочный, грязный. Перед домом был овраг, в него сваливали мусор с дворов, а на дне его всегда стояла лужа густой темнозелёной грязи. Место было донельзя скучное. После реки, полей и леса этот угол города возбуждал у Алёши злую тоску.

Спал он в кухне, у дверей на парадное крыльцо; голове его было жарко от кухонной печи, в ноги дуло с крыльца; ложась спать, он собирал все половики и складывал их себе на ноги.

Работал Алёша охотно — ему нравилось уничтожать грязь в доме, мыть полы, чистить медную посуду, отдушники, ручки дверей; но хозяйкам всё казалось мало. То и дело они шипели:

— Тащи самовар! Подотри здесь! Снеси это! Беги в лавку...

Они жаловались хозяину на дерзости, а хозяин строго говорил своему ученику:

— Ты, брат, смотри у меня!

Но однажды он равнодушно сказал жене и матери:

— Ездите на мальчишке, другой бы давно убежал али издох от такой работы...

Не стерпев обиды, Алёша сказал:

— Тряпичником-то лучше жить, чем у вас! Приняли в ученье, а чему учите? Помои выносить...

Алёша думал, что его прогонят, но случилось не так. Через день хозяин пришёл на кухню. В руках у него была трубка толстой бумаги, карандаш, угольник и линейка. Он сказал Алёше:

— Кончишь чистить ножи, нарисуй вот это!

На листе бумаги был изображён двухэтажный дом со множеством окон и лепных украшений.

— Вот тебе циркуль! — говорил хозяин.— Смеряй все линии, нанеси концы их на бумагу точками, потом проведи по линейке карандашом от точки до точки. Сначала вдоль — это будут горизонтальные, потом поперёк — это вертикальные. Валяй!

Алёша обрадовался чистой работе и началу учения. На бумагу и инструменты он смотрел со страхом и благоговением, ничего не понимая.

Однако тотчас же вымыл руки и сел за стол. Провёл на листе все горизонтальные, смерил — хорошо! Хотя три оказались лишними. Провёл все вертикальные; с изумлением увидел, что лицо дома нелепо исказилось. Окна перебрались на места простенков, а одно, выехав за стену, висело в воздухе, по соседству с домом. Парадное крыльцо поднялось на второй этаж, карниз очутился посредине крыши, слуховое окно — на трубе.

Алёша долго и со слезами смотрел на эти непоправимые чудеса, пытаясь понять, как они совершились. Потом решил кое-как исправить дело. Нарисовал на всех карнизах и на гребне крыши ворон, голубей, воробьёв, а на земле перед окном — людей под зонтиками. Затем исчертил всё это наискось полосками и отнёс работу учителю.

Тот высоко поднял брови, взбил волосы и угрюмо осведомился:

— Это что же такое?

— Дождик идёт,— объяснил Алёша.— При дожде все дома кажутся кривыми, потому что дождик сам кривой всегда. Птицы — вот это всё птицы — спрятались на карнизах. Так всегда бывает в дождь. А это — люди бегут домой, вот барыня упала, а это разносчик с лимонами...

— Покорно благодарю,— сказал хозяин и вдруг захохотал и закричал: — Ох, чтоб тебя вдребезги разнесло, зверь-воробей!

Пришла хозяйка, посмотрела и сказала мужу:

— Ты его выпори!

Но хозяин заметил:

— Ничего, я сам начинал не лучше...

Дал ещё бумаги и сказал:

— Валяй ещё раз! Будешь чертить это, пока не добьёшься толку.

И когда Алёша сделал исправную копию, хозяину очень понравилось.

— Вот, видишь, сумел же? Эдак, пожалуй, мы с тобой дойдём скоро и до настоящего дела...

И задал ему урок:

— Сделай план квартиры, как расположены комнаты, где двери, окна, где что стоит. Я указывать ничего не буду — делай сам!

Алёша пошёл в кухню и задумался: с чего начать?

Но на этом дело и кончилось. Подошла старуха-хозяйка и зловеще спросила:

— Чертить хочешь?

Схватив Алёшу за волосы, она оттащила его от стола, разорвала чертёж и отшвырнула инструменты.

Прибежал хозяин, приплыла его жена, и начали все друг на друга кричать, а когда всё кончилось и бабы разошлись плакать, хозяин сказал Алёше:

— Ты покуда брось всё это, не учись — сам видишь, вон что выходит!

Вопросы и задание.

1. Для чего поступил Алёша к чертёжнику?
2. Чем занимался Алёша у хозяев?
3. Что последовало после протеста Алёши, выраженного им словами: «Приняли в ученье, а чему учите?»
4. Что навевало на Алёшу «злую тоску» в том уголке города, где он жил?
5. Расскажите, как Алеша выполнил первое задание чертёжника. По поводу чего хозяин сказал Алёше: «Эдак, пожалуй, мы с тобой дойдём до настоящего дела»?
6. Что общего в ученье Алёши и Ваньки Жукова?

Как Горький читал книги.

По ***М. Горькому.***

— Максим, что бы ты сделал, если б вдруг сделался богат?
— Я бы книг накупил.
(Из повести «В людях».)

И грустно и смешно вспомнить, сколько тяжёлых унижений, обид и тревог принесла мне страсть к чтению.

Книги, которые я брал у соседки закройщицы, казались мне страшно дорогими, и, боясь, что старая хозяйка сожжёт их в печи, я старался не думать о них, а стал брать маленькие разноцветные книжки в лавке, где по утрам покупал хлеб к чаю.

Я читал эти плохие книжки и платил по копейке за прочтение каждой. Читал их в сарае, где колол дрова, или на чердаке, что было одинаково неудобно, холодно.

Иногда, если книга интересовала меня или надо было прочитать её скорее, я вставал ночью и зажигал свечу. Но старая хозяйка, заметив, что свечи за ночь становятся короче, стала измерять лучинкой и куда-то прятала мерки. Если утром в свече недоставало вершка или если я, найдя лучинку, не обламывал её на сгоревший кусок свечи, в кухне поднимался яростный крик.

Это огорчало меня, но желание читать всё крепло во мне.

Я всё-таки ухитрялся читать,— а старуха несколько раз уничтожала мои книги, и вдруг я оказался за них должен лавочнику огромную сумму в 47 копеек. Он требовал у меня денег и каждый раз спрашивал:

— Долг принёс?

— Нет.

— Как же? Что мне, к мировому подавать на тебя, а? Чтобы тебя описали, да — в колонию?

Мне негде было взять денег, жалованье моё платили деду — как быть?

Дня три я мучился, и хозяин заметил это и спросил:

— Ты что, Пешков, скучный стал, нездоровится, что ли?

Я откровенно рассказал ему все мои печали; он нахмурился.

— Вот видишь, к чему они ведут, книжки-то. От них — так или этак — непременно беда...

Дал полтинник и посоветовал строго:

— Смотри же, не проболтайся жене или матери, шум будет. С нового года выпишу газету, вот тогда и читай.

И вот, вечерами я читал вслух газету.

Из газет и старых журналов я узнавал о жизни других городов, других народов, и я читал не только вечерами, но и по ночам. Огня мне не давали, денег на покупку свеч у меня не было,— тогда я стал потихоньку собирать сало с подсвечников, складывал его в банку из-под сардин, подливал туда лампадного масла и, скрутив светильню из ниток, зажигал по ночам на печи дымный и тусклый огонь.

Вопросы.

1. У кого Горький брал книги для чтения?
2. Где их читал? Когда?
3. Какие неприятности были у Горького из-за книг?
4. Кто его выручил из беды? Как?

Ловля птиц.

По ***М. Горькому.***

(для изложения.)

Нужда всё больше давала себя знать, и Алёша решил заняться новым ремеслом — ловлей птиц. Купил сеть, круг, западни, наделал клеток.

И вот на рассвете Алёша сидит в овраге, в кустах, а бабушка с корзиной и мешком ходит по лесу, собирая последние грибы, калину, орехи. Птицы смешат Алёшу своими хитростями: лазоревая синица внимательно и подробно осмотрела западню, поняла, чем она грозит ей, и, зайдя сбоку, безопасно, ловко таскает семя сквозь палочки западни. Важные снегири глуповаты: они идут в сеть целой стаей. Когда их накроешь, они очень удивлены, выкатывают глаза и щиплют пальцы толстыми клювами. Клёст идёт в западню спокойно и солидно.

Алёше немножко жалко ловить пичужек, совестно сажать их в клетки, ему больше нравится смотреть на них, но желание заработать деньги побеждает сожаление.

Когда бабушка впервые продала пойманных Алёшею птиц за сорок копеек, это очень удивило её.

— Гляди-ко ты! Я думала — пустое дело, мальчишья забава, а оно вон как обернулось.

— Дёшево ещё продала...

— Да ну?

В базарные дни она продавала на рубль и более и всё удивлялась: как много можно заработать пустяками.

Вопросы и задание.

1. Что заставило Алёшу заняться ловлей птиц?
2. Как Алёша готовился к ловле птиц?
3. Как вели себя у западни снегири, синицы, клёсты?
4. Почему Алёша ловил птиц?
5. Где бабушка продавала их и чему удивлялась?

Напишите изложение по этому плану.

Воробей.

И. Тургенев.

(ДЛЯ ПИСЬМЕННОГО ИЗЛОЖЕНИЯ.)

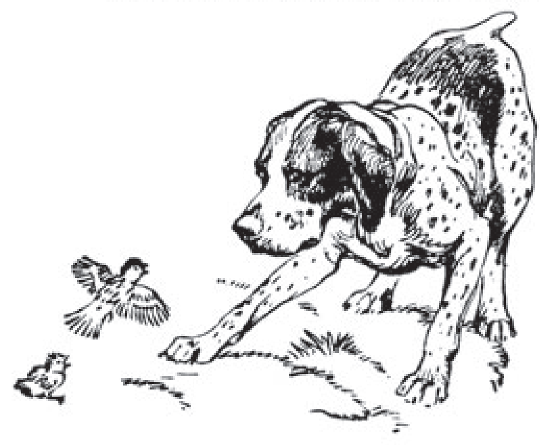
Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидал молодого воробья, с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою.

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака!

И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса — и удалился...

Вопросы и задания.

1. Расскажите: а) как молодой воробей выпал из гнезда; б) как старый воробей мужественно защищал его.
2. Почему Трезор попятился назад?
3. Сила какого чувства заставила воробья жертвовать собой?

Расскажите, что вы ещё читали о любви животных к своим детёнышам.

Составьте план рассказа и напишите изложение.

Верные друзья.

Р. Фраерман.

Я пошёл на охоту. Глухо было в сибирском лесу. Высокие сосны и кедры, покрытые снегом, окружали меня. Вдруг на просеке я увидел мальчика. Он, как и я, был на лыжах, а за плечами его также висело ружьё и сумка.

Но в сумке лежала не убитая дичь, не пойманный в ловушку драгоценный зверёк, а книги.

Это было так удивительно!

Мы разговорились. И я узнал от мальчика, что он сын колхозника и живёт в маленьком колхозе — на берегу лесного озера, что всего у них шесть-семь дворов, поэтому школы нет, и каждый день он ходит через весь лес в соседний колхоз учиться. Я спросил его:

— А не страшно тебе ходить одному?

Он ответил:

— Веселей было бы вдвоём. Но у соседей ребята ещё малые. Вот жду — подрастут, вместе ходить будем. А пока — один. Мать посылает меня при школе жить. А я не хочу. Хожу, потому что всем соседям это нужно. Я ведь книги из библиотеки ношу, газеты ношу. Через этот лес кто к нам на озеро побежит? А меня в колхозе каждый вечер ждут. Я им книги читаю. Вот я и хожу и кричу.

— А кричать-то зачем?

— А кричу, чтобы зверь с дороги сошёл: услышит, непременно сойдёт. Ружьё мне в колхозе дали, беспокоятся за меня. А я не боюсь.

И мальчик побежал дальше через лес.

А я пошёл без всякой дороги, думая о мальчике, о книгах.

И перед моими глазами неотступно стоял мальчик. Вот он — простой советский школьник, и я представлял себе, как он бе-

жит с тяжёлой сумкой через лес, сквозь пургу, криком предупреждая зверей и сам, наверное, испытывая страх. Едва ли даже подозревает он, добровольный маленький книгоноша, что ради книг, своих верных друзей, совершает подвиг, такой же большой для своих детских лет, какой совершали ради них люди великие, отдавая за них жизнь.

Вопросы.

1. Кто же были «верные друзья»?
2. Какие знания получают колхозники из книг, которые приносит мальчик?
3. Почему писатель назвал этот труд мальчика-книгоноши подвигом?

Мой друг.

С. Михалков.

В Казани он — татарин,
В Алма-Ата — казах,
В Полтаве украинец
И осетин — в горах.
Он в тундре — на оленях,
В степи — на скакуне,
Он ездит на машинах,
Он ходит по стране.
Живёт он в каждом доме,
В кибитке и в избе,
Ко мне приходит в гости,
Является к тебе.
Он с компасом в кармане
И с глобусом в руках,
С линейкою подмышкой,
Со змеем в облаках.
Он летом — на качелях,
Зимою — на коньках,
Он ходит на ходулях
И может на руках.
Он ловко удит рыбу
И в море и в реке,
В Балтийском и в Каспийском,
В Амуре и в Оке.

Он лётчик-испытатель
Стремительных стрекоз,
Он физик, он ботаник,
Механик и матрос.
Он честен и бесстрашен
На суше и в воде —
Товарища и друга
Не бросит он в беде.
В трамвай войдёт калека,
Старик войдёт в вагон —
И старцу и калеке
Уступит место он.
Он гнёзд не разоряет,
Не курит и не врёт,
Не виснет на подножках,
Чужого не берёт.
Его дворцы в столицах,
Его Артек в Крыму,
Всё будущее мира
Принадлежит ему!
Он красный галстук носит
Ребятам всем в пример,
Он — девочка, он — мальчик,
Он — юный пионер!

Вопросы.

1. Как сказано в стихотворении о том, что пионеров можно найти во всех уголках нашего Союза?
2. Как ведут себя пионеры, чем любят заниматься?
3. Где пионеры отдыхают и развлекаются?
4. Как советская власть заботится о пионерах?

Кем быть?

В. Маяковский.

У меня растут года —
будет мне семнадцать.
Где работать мне тогда,
чем заниматься?
Нужные работники —
столяры и плотники!
Сработать мебель мудрено:
сначала
мы
берём бревно
и пилим доски,
длинные и плоские.
Эти доски
вот так
зажимает
стол-верстак.
От работы
пила
раскалилась добела.
Рубанок
в руки —
работа другая:
сучки, закорюки
рубанком стругаем.
Хороши стружки,
жёлтые игрушки!
А если
нужен шар нам
круглый очень,
на станке токарном
круглое точим.
Готовим понемножку
то ящик,
то ножку.
Сделали вот столько
стульев и столиков!
Столяру — хорошо,
а инженеру —
лучше.
Я бы строить дом пошёл —
пусть меня научат.
Я
сначала
начерчу
дом
такой,
какой хочу.
Самое главное,
чтобы было нарисовано
здание
славное,
живое словно.
Это будет
перёд —
называется фасад.
Это
каждый разберёт:
это — ванна,
это — сад.

План готов,
и вокруг
сто работ
на тыщу рук.
Упираются леса
в самые небеса.
Где трудна работка,
там
визжит лебёдка,
подымает балки,
будто палки,
перетащит кирпичи,
закалённые в печи.
По крыше выложили жесть —
и дом готов, и крыша есть.
Хороший дом,
большущий дом
на все четыре стороны,
и заживут ребята в нём
удобно и просторно.
Инженеру хорошо,
а доктору —
лучше.
Я б детей лечить пошёл —
пусть меня научат.
Детям
я
лечу болезни —
где занятие полезней?
Я приеду к Пете,
я приеду к Поле.
«Здравствуйте, дети!
Кто у вас болен?
Как живёте?
Как животик?»
Погляжу
из очков
кончики язычков.
«Поставьте этот градусник
подмышку, детишки!»
И ставят дети радостно
градусник подмышки.
«Вам бы
очень хорошо
проглотить порошок
и микстуру
ложечкой
пить понемножечку...
Вам
в постельку лечь, поспать
бы...
Вам —
компрессик на живот,
и тогда
у вас
до свадьбы
всё, конечно, заживёт».
Докторам хорошо,
а рабочим —
лучше,
я б в рабочие пошёл —
пусть меня научат.
Вставай!
Иди!
Гудок зовёт —
и мы приходим на завод.
Народа — рота целая,
сто или двести.
Чего один не сделает —
сделаем вместе.
Можем
железо
ножницами резать,
краном висящим
тяжести тащим,
молот паровой
гнёт и рельсы травой.
Олово плавим,
машинами правим.
Работа всякого

нужна одинаково.
Я гайки делаю,
а ты
для гайки
делаешь винты.
И идёт
работа всех
прямо в сборочный цех.
Болты,
лезьте
в дыры ровные,
части
вместе
сбей
огромные.
Там
дым,
здесь —
гром.
Гро-
мим
весь
дом.
И вот
вылазит паровоз,
чтоб вас
и нас
и вёз
и нёс.
На заводе хорошо,
а в трамвае —
лучше.
Я б кондуктором пошёл —
пусть меня научат.
Кондукторам
езда везде —
с большою сумкой кожаной
ему всегда,
ему весь день
в трамваях ездить можно.
«Большие и дети,
берите билетик,
билеты разные,
бери любые —
зелёные,
красные
и голубые!»
Ездим рельсами.
Окончилась рельса,
и слезли у леса мы —
садись
и грейся.
Кондуктору хорошо,
а шофёру —
лучше.
Я б шофёром пошёл —
пусть меня научат.
Фырчит машина скорая,
летит, скользя.
Хороший шофёр я —
сдержать нельзя.
Только скажите,
вам куда надо,
Без рельсы
жителей
доставлю нá дом.
Е-
дем,
ду-
дим:
«С пу-
ти
уй-
ди!»
Быть шофёром хорошо,
а лётчиком —
лучше.
Я бы в лётчики пошёл —
пусть меня научат.
Наливаю в бак бензин,

завожу пропеллер.
«В небеса, мотор, вези,
чтоб взамен низин
рядом
птицы пели».
Бояться не надо
ни дождя,
ни града.
Облетаю тучку,
тучку-летучку.
Белой чайкой паря,
полетел за моря,
без разговору
пролетаю гору.
«Вези, мотор,
чтобы нас довёз
до звёзд
и до луны,
хотя луна
и масса звёзд
совсем удалены».
Лётчику хорошо,
а матросу —
лучше.
Я б в матросы пошёл —
пусть меня научат.
У меня на шапке лента,
на матроске —
якоря.
Я проплавал это лето,
океаны покоря.
Напрасно, волны, скачете —
на зависть циркачу,
на реях и по мачте
гуляю, как хочу.
Сдавайся, ветер вьюжный,
сдавайся, буря скверная,—
открою
полюс
Южный,
а Северный —
наверное.
Книгу переворошив,
намотай себе на ус —
все работы хороши,
выбирай
на вкус!

Вопрос и задания.

1. Перечислите, о каких работах и профессиях говорит Маяковский в этом стихотворении.
2. Прочитайте в стихотворении строчки о коллективном труде.
3. Распределите всё стихотворение между товарищами и прочитайте его по ролям.
4. А вы кем хотите быть? Как этого достигнуть?

Дружба.

В. Короленко.

(Из повести «Слепой музыкант».)

Однажды слепой мальчик Петрусь сидел на холмике над рекой и играл на своей дудочке. Солнце садилось, в воздухе стояла тишина. Мальчик только что перестал играть и откинулся на траву. Он забылся на минуту, как вдруг чьи-то лёгкие шаги вывели его из дремоты. Он с неудовольствием приподнялся на

локоть и прислушался. Шаги остановились. Походка была ему незнакома.

— Мальчик,— услыхал он вдруг голос девочки,— не знаешь ли, кто это тут сейчас играл?

Слепой не любил, когда нарушали его одиночество. Поэтому он ответил на вопрос не особенно любезно:

— Это я...

— Как хорошо ты играешь,— сказала девочка.

Слепой промолчал.

— Что же вы не уходите? — спросил он затем, слыша, что девочка продолжает стоять на месте.

— Зачем же ты меня гонишь?

— Я не люблю, когда ко мне приходят...

Девочка засмеялась.

— Вот ещё... Смотрите-ка. Разве вся земля твоя и ты можешь кому-нибудь запретить ходить по земле?

— Мама приказала всем, чтобы сюда ко мне не ходили.

— Мама? — переспросила задумчиво девочка.— А моя мама позволила мне ходить над рекой.

Мальчик не привык к таким настойчивым возражениям. Вспышка гнева прошла по его лицу: он приподнялся и заговорил быстро и возбуждённо:

— Уйдите, уйдите, уйдите...

Неизвестно, чем кончилось бы всё это, но в это время мальчика позвали к чаю. Он быстро сбежал с холмика.

— Ах, какой гадкий мальчик,— сказала девочка.

На следующий день, сидя на том же самом месте, мальчик вспомнил о вчерашнем. В этом воспоминании теперь не было досады. Напротив, ему даже захотелось, чтобы опять пришла эта девочка с таким приятным, спокойным голосом, какого он никогда ещё не слыхал. Знакомые ему дети все громко кричали, смеялись, дрались и плакали; но ни один из них не говорил так приятно. Ему стало жаль, что он обидел незнакомку, которая, вероятно, никогда более не вернётся.

Действительно, три дня девочка совсем не приходила. Но на четвёртый день Петрусь услышал её шаги внизу, на берегу реки. Она шла тихо, что-то вполголоса напевая про себя и, повидимому, не обращая на него внимания.

— Послушайте! — окликнул он её, слыша, что она проходит мимо.— Это опять вы?

Сначала девочка не ответила, так как она была обижена первым неласковым приёмом, но вдруг что-то в вопросе мальчика, повидимому, показалось ей странным, и она остановилась:

— Разве вы не видите, что это я?

Эти слова больно отозвались в сердце слепого. Он ничего не ответил и откинулся на траву. Но разговор уже начался, и девочка, всё стоя на том же месте, опять спросила:

— Кто тебя выучил так хорошо играть на дудке?

— Иохим [1] выучил,— ответил Петрусь.

— Очень хорошо. Только... отчего ты такой сердитый?

— Я... я... не сержусь на вас,— сказал мальчик тихо.

— Ну, так и я не сержусь... Давай играть вместе...

— Я не умею играть с вами,— ответил он потупившись.

— Не умеешь играть?.. Почему?

— Так.

— Нет, почему же?

— Так,— ответил он чуть слышно и ещё более потупился. Ему не приходилось ещё никогда говорить с кем-нибудь о своей слепоте, и ему так больно было услышать этот вопрос.

Девочка же всё не понимала, что он слепой.

— Какой ты смешной! — заговорила она, усаживаясь рядом с ним на траве.— Это ты, верно, оттого, что ещё со мной не знаком. Вот узнаешь меня, тогда перестанешь бояться. А я не боюсь никого.

Она говорила это весело, перебирая в то же время васильки и фиалки своего букета. Между тем слепому захотелось поближе узнать её. А так как узнавать наружность людей он привык только на ощупь, то, взяв левою рукой девочку за плечо, он правой стал ощупывать её волосы, потом веки и быстро пробежал пальцами по лицу, кое-где останавливаясь и внимательно изучая незнакомые черты.

Всё это было сделано так неожиданно и быстро, что удивлённая девочка не могла сказать ни слова; она только глядела на него широко открытыми глазами, в которых виден был страх. Только теперь она заметила, что в лице мальчика есть что-то необычайное. Лицо его было всё напряжённое, внимательное, а взгляд совсем неподвижный. Глаза мальчика глядели куда-то без всякого выражения, и в них странно переливался отблеск солнца. Девочке сделалось жутко. Высвободив своё плечо из руки мальчика, она вдруг вскочила на ноги и заплакала.

[1] Иохим служил у родителей мальчика.

— Что ты делаешь со мной, гадкий мальчик? — заговорила она гневно сквозь слёзы.— Зачем ты меня трогаешь? Что я тебе сделала?.. Зачем?..

Он сидел на том же месте с низко опущенной головой; в первый раз узнал он, что его слепота может внушать не одно сожаление, но и страх. И он очень страдал от этого. Он упал на траву и заплакал. Плач этот становился всё сильнее, рыдания потрясали всё его маленькое тело.

Девочке стало его жалко.

— Послушай,— заговорила она тихо,— о чём ты плачешь? Ты, верно, думаешь, что я пожалуюсь? Ну, не плачь, я никому не скажу.

Но услыша её участливый голос, мальчик ещё сильнее заплакал. Тогда девочка присела около него на корточки и стала успокаивать его, гладя рукой его волосы. Потом она приподняла его голову и стала вытирать платком его заплаканные глаза, точно мать, которая успокаивает огорчённого ребёнка.

— Ну, ну,— говорила она.— Я давно не сержусь. Я вижу, ты жалеешь, что напугал меня...

— Я не хотел напугать тебя,— ответил он, глубоко вздыхая, чтобы остановить рыдание.

— Ну ну, хорошо. Я не сержусь... Ты ведь больше не будешь,— говорила она, приподнимая его с земли и стараясь его усадить рядом с собою.

Теперь мальчик сидел, как прежде, лицом к стороне заката. В глазах его ещё стояли слёзы, но глаза эти были попрежнему неподвижны.

— Какой ты, право, странный...— сказала она с задумчивым участием.

— Я не странный,— ответил мальчик грустно.— Я... я... слепой!

— Слепо-ой? — протянула она нараспев.— Слепо-ой? — повторила она дрогнувшим голосом, и, задрожав вся от жалости, она вдруг обвила шею мальчика руками, прислонилась к нему лицом и сама горько и неутешно заплакала.

— Мне... жалко...— вымолвила она наконец.

Потом, успокоясь, она сказала:

— Солнышко село.

— Я не знаю, какое оно,— печально ответил мальчик.— Я его только... чувствую...

— Не знаешь солнышка?

— Да.

— А... а свою маму?.. тоже не знаешь?

— Маму знаю. Я всегда издалека узнаю её походку.

— Да, да, это правда. И я с закрытыми глазами узнаю свою маму.

Дети разговаривали уже спокойно.

— Знаешь,— заговорил слепой,— я ведь чувствую солнце и знаю, когда оно закатилось.

— Почему ты знаешь?

— Потому что... видишь ли... Я сам не знаю, почему...

— А-а,— протянула девочка.

Они оба замолчали.

— Я могу читать,— первый заговорил опять Петрусь,— и скоро выучусь писать пером.

— А как же ты? — начала было девочка и вдруг застенчиво смолкла, не желая напоминать ему об его слепоте. Но он её понял.

— Я читаю в своей книжке,— пояснил он,— пальцами.

— Пальцами? Я бы никогда не выучилась читать пальцами... Я и глазами плохо читаю.

— А я могу даже читать по-французски,— сказал слепой.

— Па-ны-ч-у-у-у! — послышался голос Иохима.

— Тебя зовут,— сказала девочка, поднимаясь.

— Да. Но мне не хотелось бы идти.

— Иди, иди. Я к тебе завтра приду. Теперь тебя ждут и меня тоже.

(Девочка, которую звали Эвелина, исполнила своё обещание и стала приходить каждый день в усадьбу к слепому Петрусю. Они гуляли и играли вместе. Скоро Эвелина стала учиться вместе с мальчиком. Уроки у Петруся пошли тогда такие оживлённые и весёлые! Слепой и его подруга помогали во всём друг другу и с тех пор сделались друзьями на всю жизнь.)

Вопросы и задание.

1. Как познакомились дети?
2. Почему девочка проявила к мальчику особую нежность и чуткость?
3. Как они подружились?

Разделите рассказ на части, составьте план и подготовьтесь рассказать — сначала подробно, а потом кратко.

Карагёз.

М. Лермонтов.

— Славная у тебя лошадь! — говорил Азамат: — если б я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!

— Да,— отвечал Казбич после некоторого молчания: — в целой Кабарде не найдёшь такой. Раз,— это было за Тереком,— я ездил с абреками [1] отбивать русские табуны; нам не посчастливилось и мы рассыпались кто куда. За мной неслись четыре казака: уж я слышал за собою крики гяуров [2], и передо мною был густой лес. Прилёг я на седло, поручил себя Аллаху, и в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети. Как птица нырнул он между ветвями; острые колючки рвали мою одежду, сухие сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгал через пни, разрывал кусты грудью. Лучше было бы мне его бросить у опушки и скрыться в лесу пешком, да жаль было с ним расстаться,— и пророк вознаградил меня. Несколько пуль провизжало над моей головою; я уж слышал, как спешившиеся казаки бежали по следам... Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой призадумался и прыгнул. Задние его копыта оборвались с противного берега, и он повис на передних ногах. Я бросил поводья и полетел в овраг; это спасло моего коня; он

[1] *Абре́к* — горец-разбойник на Кавказе во времена Лермонтова.
[2] *Гяу́р* — иноверец, не магометанин.

выскочил. Казаки всё это видели, только ни один не спустился меня искать: они, верно, думали, что я убился до смерти, и я слышал, как они бросились ловить моего коня. Сердце моё облилось кровью; пополз я по густой траве вдоль по оврагу, смотрю: лес кончился, несколько казаков выезжают из него на поляну, и вот выскакивает прямо к ним мой Карагёз; все кинулись за ним с криком; долго, долго они за ним гонялись, особенно один раза два чуть-чуть не накинул ему на шею аркана; я задрожал, опустил глаза и начал молиться. Через несколько мгновений поднимаю их и вижу: мой Карагёз летит, развевая хвост, вольный как ветер, а гяуры далеко один за другим тянутся по степи на измученных конях. Валлах! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидел в своём овраге. Вдруг, что ж ты думаешь, Азамат? во мраке слышу, бегает по берегу оврага конь, фыркает, ржёт и бьёт копытами о землю; я узнал голос моего Карагёза: это был он, мой товарищ!.. С тех пор мы не разлучались.

И слышно было, как он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна, давая ему разные нежные названья.

— Если б у меня был табун в тысячу кобыл,—сказал Азамат,— то отдал бы тебе его весь за твоего Карагёза.

Вопросы.

1. Что рассказал. Казбич о своём коне?
2. Сколько предлагал Азамат Казбичу за его коня? Почему он увеличил цену после рассказа Казбича?

Муму.

По ***И. Тургеневу.***

(ДЛЯ ИЗЛОЖЕНИЯ.)

Дело было к вечеру. Герасим[1] шёл вдоль реки и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с чёрными пятнами, который, несмотря на все старания, никак не мог вылезть из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил её одной рукой, сунул к себе за пазуху и пустился большими шагами домой.

---

[1] Герасим был крепостной крестьянин. Он был глухонемой от рождения. В то время, когда он нашёл собачку, он был дворником в городе.

Он вошёл в свою каморку, уложил спасённого щенка на кровати, прикрыл его тяжёлым армяком, сбегал сперва в конюшню за соломой, потом в кухню за чашечкой молока. Осторожно откинув армяк и разостлав солому, поставил он молоко на кровать. Бедной собачке было всего недели три, глаза у неё прорезались недавно; один глаз даже казался немножко больше другого; она ещё не умела пить из чашки и только дрожала и щурилась. Герасим взял её легонько двумя пальцами за голову и принагнул её мордочку к молоку. Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркая, трясясь и захлёбываясь. Герасим всю ночь возился с ней, укладывал её, обтирал и заснул, наконец, сам возле неё.

Он стал усердно ухаживать за своей питомицей. Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, но понемногу поправилась и выровнялась, а месяцев через восемь, благодаря неусыпным попечениям Герасима, превратилась в очень ладную собачку с длинными ушами, пушистым хвостом в виде трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, всё ходила за ним, повиливая хвостиком. Он и кличку дал ей: он назвал её Муму.

Все люди в доме её полюбили и также кликали Мумуней. Она была очень умна, ко всем ласкалась, но любила одного Герасима. Герасим сам любил её без памяти. Она будила его по утрам, дёргая за полу, приводила к нему за повод старую водовозку, с которой жила в большой дружбе; с важностью на лице отправлялась вместе с ним на реку, караулила его мётлы и лопаты, никого не допускала к его каморке. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла без разбору; тонкий голосок Муму никогда не раздавался даром: либо чужой близко подходил к забору, либо где-нибудь поднимался подозрительный шум или шорох... Словом, она сторожила отлично.

Вопросы и задания.

1. Прочитайте ещё раз:
   а) Каков по внешности был щенок, найденный Герасимом?
   б) Как изменился внешний вид собачки через восемь месяцев её жизни у Герасима?
2. Как помогала Муму своему хозяину?
3. Составьте план рассказа и напишите изложение.

Ваня-пастушок.

В. Катаев.

(Из повести «Сын полка».)

(В лесу Ваня встретил мальчика в форме кавалериста Советской Армии.)

I.

Мальчик этот был немного старше Вани. Ему было лет четырнадцать. А по виду и того меньше. Но что это был за мальчик!

Сроду ещё не видел Ваня такого роскошного мальчика. На нём была полная походная форма гвардейской кавалерии: шинель — длинная до пят, как юбка; круглая кубанская шапка чёрного барашка, с красным верхом; погоны с маленькими стременами, перекрещенными двумя шашками; шпоры и яркоалый башлык, небрежно закинутый за спину.

Лихо откинув чубатую голову, мальчик чистил небольшую казацкую шашку, почти до самой рукоятки втыкая клинок в мягкую лесную землю.

К такому мальчику даже страшно было подойти, не то что с ним разговаривать. Однако Ваня был не робкого десятка.

С независимым видом он приблизился к роскошному мальчику, расставил босые ноги, заложил руки за спину и стал его рассматривать.

Но военный мальчик и бровью не повёл. Не обращая на Ваню никакого внимания, он продолжал своё воинственное занятие.

Ваня молчал. Молчал и мальчик. Это продолжалось довольно долго. Наконец, военный мальчик не выдержал.

— Чего стоишь? — сказал он сумрачно.

— Хочу и стою,— сказал Ваня.

— Иди, откуда пришёл.

— Сам иди. Не твой лес.

— А вот мой.

— Как?

— Так. Здесь наше подразделение стоит.

— Какое подразделение?

— Тебя не касается. Видишь — наши кони.

Мальчик мотнул чубатой головой назад, и Ваня действительно увидел за деревьями коновязь, лошадей, чёрные бурки и алые башлыки конников.

— А ты кто такой? — спросил Ваня.

Мальчик небрежно, со щегольским стуком кинул клинок в ножны.

— Знаки различия понимаешь? — сказал мальчик насмешливо.

— Понимаю! — дерзко сказал Ваня, хотя ничего не понимал.

— Ну так вот,— строго сказал мальчик, показывая на свой погон, поперёк которого была нашита белая лычка.— Ефрейтор гвардейской кавалерии. Понятно?

— Да! Ефрейтор! — с оскорбительной улыбкой сказал Ваня.— Видали мы таких ефрейторов.

Мальчик обидчиво мотнул белым чубом.

— А вот представь себе, ефрейтор,— сказал он.

Но этого показалось ему мало. Он распахнул шинель. Ваня увидел на гимнастёрке большую серебряную медаль на серой шёлковой ленточке.

— Видал?

Ваня был подавлен. Но он и виду не подал.

— Великое дело! — сказал он с кривой улыбкой, чуть не плача от зависти.

— Великое не великое, а медаль,— сказал мальчик,— за боевые заслуги. И ступай себе, откуда пришёл, пока цел.

— Не больно модничай. А то сам получишь.

— От кого? — прищурился роскошный мальчик.

— От меня.

— От тебя? Молод, брат.

— Не моложе твоего.

— А тебе сколько лет?

— Тебя не касается. А тебе?

— Четырнадцать,— сказал мальчик, слегка привирая.

— Ге! — сказал Ваня и свистнул.

— Чего «ге»?

— Так какой же ты солдат?

— Обыкновенный солдат. Гвардейской кавалерии.

— Толкуй! Не положено.

— Чего не положено?

— Больно молод.

— Постарше тебя.

— Всё равно не положено. Таких не берут.

— А вот меня взяли.

— И оружие дали?

— А как же! Всё, что положено. Видал мою шашечку? Знатный, братец, клинок. Златоустовский. Его, если хочешь знать, можно колесом согнуть, и он не сломается. Да это что! У меня

ещё бурка есть. Бурочка что надо. На красоту. Но я её только в бою надеваю. А сейчас она за мной в обозе ездит.

Ваня проглотил слюну и довольно жалобно посмотрел на обладателя бурки, которая ездит в обозе.

— А меня не взяли,— убито сказал Ваня.— Сперва взяли, а потом сказали — не положено. Я у них даже один раз в палатке спал. У разведчиков, у артиллерийских.

— Стало быть, ты им не показался,— сухо сказал роскошный мальчик,— раз они тебя не захотели принять за сына.

— Как это за сына? За какого?

— Известно, за какого. За сына полка. А без этого не положено.

— А ты — сын?

— Я — сын. Я, братец, у наших казачков уже второй год за сына считаюсь. Они меня ещё под Смоленском приняли. Меня, братец, сам майор Вознесенский на свою фамилию записал, поскольку я являюсь круглый сирота. Так что я сейчас называюсь гвардии ефрейтор Вознесенский и служу при майоре Вознесенском связным. Он меня, братец мой, один раз даже вместе с собой в рейд взял. Там наши казачки ночью большой шум в тылу у немцев сделали. Как ворвутся в одну деревню, где стоял немецкий штаб, а немцы как выскочат на улицу в одних подштанниках! Вот было смеху! Мы их там больше чем полторы сотни набили. Рубали — всё равно как капусту.

Мальчик вытащил из ножен свою шашку и показал Ване, как они рубали немцев.

— И ты рубал? — с дрожью восхищения спросил Ваня.

Мальчик хотел сказать «а как же!», но, как видно, гвардейская совесть удержала его.

— Не,— сказал он смущённо.— Правду сказать, я не рубал. У меня тогда ещё шашки не было. Я только на тачанке ехал вместе со станковым пулемётом... Ну, и, стало быть, иди, откуда пришёл,— сказал вдруг ефрейтор Вознесенский, спохватившись, что слишком дружески болтает с этим неизвестно откуда взявшимся, довольно-таки подозрительным гражданином.— Прощай, брат.

— Прощай,—уныло сказал Ваня и побрёл прочь.

«Стало быть, я им не показался»,— с горечью подумал он. Но тотчас всем своим сердцем почувствовал, что это неправда. Нет, нет. Сердце его не могло обмануться. Сердце говорило ему,

что он крепко полюбился разведчикам. А всему виной командир батареи капитан Енакиев, который его даже в глаза никогда не видел.

И тогда у Вани явилась мысль идти добиться до какого-нибудь самого главного начальника и пожаловаться на капитана Енакиева.

Таким-то образом он, в конце концов, и набрёл на избу, где, по его предположению, помещался какой-то высокий начальник.

Он сидел на мельничном жорнове и, не спуская глаз с избы, терпеливо ждал, не покажется ли этот начальник.

Через некоторое время на крыльцо вышел, надевая замшевые перчатки, офицер и крикнул:

— Соболев, лошадь!

II.

Судя по той быстроте и готовности, с которой из-за угла выскочил солдат, ведя на поводу двух осёдланных лошадей, мальчик сразу понял, что это начальник, если не самый главный, то, во всяком случае, достаточно главный, чтобы справиться с капитаном Енакиевым.

Солдат вывел лошадей на улицу через ворота и поставил их перед калиткой. Офицер подошёл к своей лошади, но, прежде чем на неё сесть, весело потрепал её по крепкой атласной шее и дал ей кусочек сахару.

Судя по всему, у него было прекрасное настроение.

— Дяденька! — услышал он вдруг чей-то голос.

Он повернулся и увидел Ваню, который стоял перед ним, вытянув руки по швам, и, не мигая, смотрел синими глазами.

— Разрешите обратиться,— сказал Ваня, стараясь как можно больше походить на солдата.

— Ну, что ж, обратись,— сказал капитан весело.

— Дяденька, вы начальник?

— Да. Командир. А что?

— А вы над кем командир?

— Над батареей командир. Над солдатами своими командир. Над пушками своими.

— А над офицерами вы тоже командир?

— Смотря над какими. Над своими офицерами, например, тоже командир.

— А над капитанами вы тоже командир?

— Над капитанами я не командир.

Глубокое разочарование отразилось на лице мальчика.

— А я думал, вы и над капитанами командир!

— Для чего тебе это?

— Надо.

— Ну, а всё-таки?

— Если вы над капитанами не командир, то и толковать нечего. Мне надо, дяденька, такого командира, чтобы он мог всем капитанам приказывать.

— А что надо всем капитанам приказывать? Это интересно.

— Всем капитанам не надо приказывать. Одному только надо.

— Кому же именно?

— Енакиеву, капитану.

— Как, как ты сказал? — воскликнул капитан Енакиев.

— Енакиеву.

— Гм... Что же это за капитан такой?

— Он, дяденька, над разведчиками командует. Он у них самый старший. Что он им велит, то они все исполняют.

— Над какими разведчиками?

— Известно, над какими: над артиллерийскими. Которые немецкие огневые точки засекают. Ух, дяденька, и сердитый же их капитан! Прямо беда.

— А ты видел когда-нибудь этого сердитого капитана?

— То-то и беда, что не видел.

— А он тебя видел?

— И он меня не видел. Он только приказал меня в тыл отвезти и коменданту сдать.

Офицер прищурился и с любопытством посмотрел на мальчика.

— Постой. Погоди... Звать-то тебя как?

— Меня-то Ваня.

— Просто — Ваня? — улыбнулся офицер.

— Ваня Солнцев,— поправился мальчик.

— Пастушок?

— Верно! — с изумлением воскликнул Ваня.— Меня разведчики пастушком прозвали. А вы почём знаете?

— Я, брат, всё знаю, что у капитана Енакиева в батарее делается. А скажи-ка мне, друг любезный, каким это манером ты здесь очутился, если капитан Енакиев приказал отвезти тебя в тыл?

В глазах мальчика мигнули синие озорные искры, но он тотчас опустил ресницы.

— А я убежал,— скромно сказал он, стараясь всем своим видом изобразить смущение.

— Ах, вот как! Как же ты убежал?

— Взял да и убежал.

— Так сразу взял да так сразу и убежал?

— Нет, не сразу,— сказал Ваня и почесал нога об ногу,— я два раза от него убегал. Сначала я убежал, да он меня нашёл. А уж потом я так убежал, что он меня уж и не нашёл.

— Кто это он?

— Дяденька Биденко. Ефрейтор. Разведчик ихний. Может, знаете?

— Слыхал, слыхал,— хмурясь ещё сильнее, сказал Енакиев.— Только что-то мне не верится, чтобы ты убежал от Биденко. Не такой он человек. По-моему, голубь, ты что-то сочиняешь. А?

— Никак нет,— сказал Ваня вытягиваясь.— Ничего не сочиняю. Истинная правда.

— Слыхал, Соболев? — обратился капитан к своему коневоду, который с живейшим интересом слушал разговор своего командира с мальчишкой.

— Так точно, слыхал.

— И что же ты скажешь? Может это быть, чтобы мальчик убежал от Биденко?

— Да никогда в жизни! — с широкой блаженной улыбкой воскликнул Соболев. — От Биденко ни один взрослый не убежит, а не то что этот пистолет. Это он, товарищ капитан, извините за такое выражение, просто мало-мало заливает.

Ваня даже побледнел от обиды.

— С места не сойти! — твёрдо сказал он и метнул на коневода взгляд, полный холодного презрения и достоинства.

Потом весь вспыхнув и залившись румянцем, он стал быстро-быстро, пятое через десятое, рассказывать, как он обхитрил старого разведчика.

Когда он дошёл до места с верёвкой, капитан не стал более сдерживаться. Он смахнул перчаткой слёзы, выступившие на глазах, и захохотал таким громким, басистым смехом, что лошади навострили уши и стали тревожно подтанцовывать. А Соболев только крутил головой, прыскал в кулак и всё время повторял:

— Ай, Биденко! Ай, знаменитый разведчик! Ай, профессор!

Когда же Ваня стал рассказывать о встрече с военным мальчиком, капитан Енакиев вдруг помрачнел, задумался, стал грустным.

— Они меня, говорит, за своего сына приняли,— возбуждённо рассказывал Ваня про военного мальчика,— я у них теперь, говорит, сын полка. Я, говорит, с ними один раз даже в рейд ходил, на тачанке сидел вместе со станковым пулемётом. Потому что я своим, говорит, показался. А ты своим, говорит. верно, не показался. Вот они тебя и отослали.

Тут Ваня крупно глотнул воздух и жалобно посмотрел в глаза капитану своими наивными прелестными глазами.

— Только он это врёт, дяденька, что будто я своим не показался. Я-то своим показался, верно говорю. Они меня жалели. Да только они ничего поделать не могли против капитана Енакиева.

— Что ж, выходит дело, что ты всем «показался», только одному капитану Енакиеву «не показался»?

— Да, дяденька,— сказал Ваня, виновато мигая ресницами.— Всем показался, а капитану не показался. А он меня даже ни разу и не видел. Разве это можно судить человека, не видевши? Кабы он меня разок посмотрел, может быть, я бы ему тоже показался. Верно, дяденька?

— Ты так думаешь? — сказал капитан, усмехнувшись.— Ну, да ладно. Поглядим.

Он решительно поставил ногу в стремя и сел на лошадь.

— В ночное с ребятами ездил? — строго спросил он, улыбаясь глазами и разбирая поводья.

— Как не ездил! Ездил, дяденька.

— На лошади удержишься? А ну-ка, Соболев, бери его к себе.

И не успел Ваня моргнуть, как сильные руки коневода подхватили его с земли и посадили впереди себя на лошадь.

— К разведчикам!— скомандовал капитан Енакиев, и они помчались галопом.

— От Биденко ушёл, а от меня, брат, не уйдёшь,— сказал ординарец, крепко, но осторожно прижимая к себе мальчика.

— А я сам не хочу,— сказал Ваня весело.

Он чувствовал, что в его судьбе происходит какая-то очень важная, счастливая перемена.

Вопросы и задания.

1. Почему Ваня не хотел ехать в детский дом и сбежал по дороге?
2. Кого встретил Ваня в лесу?
3. Опишите внешний вид «роскошного» мальчика.
4. Как держались оба мальчика во время встречи?

Прочитайте по ролям отрывок «Капитан Енакиев» (за автора, за капитана, за Ваню, за Соболева).

Достаньте книгу В. Катаева «Сын полка» и прочитайте её.

Суворовцы.

Б. Лихарев.

Шелка знамён полощутся,
И барабаны бьют —
В рядах по Красной площади
Суворовцы идут.
Шинели ладно скроены,
Сверкает лак ремней,
Глядят, любуясь, воины
На милых сыновей.
Повсюду будьте первыми.
Суворовцам — салют! —
Пусть станут офицерами,
Как только подрастут.

А марш оркестра звонкого
Несётся, как река;
Мы видим Ваню Солнцева:
— Здорово, сын полка!
Тебя узнали сразу мы
По выправке лихой,
По туго подпоясанной
Шинели боевой.
Ряды равненьем спаяны,
И шёлк знамён горит.
— Ура родному Сталину! —
По площади гремит.

В гимназии.

Д. Ульянов[1].

Владимир Ильич учился в гимназии прекрасно, переходил из класса в класс с круглой пятёркой и первой наградой, окончил гимназию 17 лет с золотой медалью.

Когда задавали на дом сочинения, он никогда не писал их накануне подачи, наспех, просиживая из-за этого ночь, как это делало большинство его товарищей-гимназистов. Наоборот, как только объявлялась тема и назначался для написания срок,

[1] Д. Ульянов — Дмитрий Ильич Ульянов, младший брат Владимира Ильича Ленина.

Прибыл на каникулы. *С картины художника Ф. Решетникова.*

обычно двухнедельный, Владимир Ильич сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры согласно составленному плану.

Постепенно, день за днём, правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Затем, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал всё сочинение начерно, справляясь со своими пометками в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение.

Между прочим, Владимир Ильич никогда (в гимназии) не писал черновиков чернилами, исключительно карандашом. При этом он очинивал карандаш чрезвычайно тонко, с какой-то особой любовью, так что буквы получались, как тонкие нити. Как только карандаш тупился или ломался, он с новым усердием очинивал его вновь и вновь, доводя до идеального состояния.

Мне, мальчику 12—13 лет, очень нравилось следить за тем, как Владимир Ильич пишет сочинения; я пробирался в его отсутствие к первому листу черновика и удивлялся, как быстро первая половина листа заполнялась всё новыми и новыми строчками.

Преподавателем словесности у Владимира Ильича и ближайшим оценщиком его сочинений был директор гимназии. Он восхищался сочинениями Владимира Ильича и очень часто ставил ему не просто пять, а пять с плюсом. Не раз он говорил нашей матери, что ему особенно нравится в сочинениях Владимира Ильича продуманная система, обилие мыслей при сжатости, ясности и простоте изложения.

У матери долгое время хранились некоторые гимназические сочинения Владимира Ильича, но, к сожалению, в связи с многочисленными переездами из города в город, с жандармскими обысками и т. д. они все растерялись.

В своих ученических сочинениях (уже тогда) Владимир Ильич придерживался хорошего правила: чтобы мыслям было просторно, а словам тесно.

Гаврош.

В. Гюго.

I.

Дитя улицы.

Когда-то, лет сто назад, Париж был полон бездомных детей, как лес полон птичек. Птичек зовут воробьями, ребят «гаменами» [1].

В те времена на бульваре Тампль можно было часто встретить мальчика лет одиннадцати-двенадцати, настоящего гамена. На нём были длинные мужские штаны и женская кофта. Но штаны были не отцовские, а кофта не материнская. Чужие люди из жалости одели его в эти лохмотья. А были у него и отец, и мать. Но отец о нём не заботился, а мать его не любила, так что его смело можно было назвать сиротой.

Привольно он чувствовал себя только на улице. Это был бледный и болезненный мальчик, но проворный, ловкий, смышлёный и большой шутник.

Он постоянно был в движении: бродил, распевая песенки, по улицам, рылся в сточных канавах, смеялся, когда его называли шалопаем, и сердился, когда его обзывали бродягой.

У него не было ни крова, ни хлеба, некому было пригреть и приласкать его, но он не тужил. Однако, как ни был он заброшен, и ему иногда приходило в голову: «Пойду повидаю мать». Он расставался с привычными местами, с шумными площадями, бульварами, спускался к набережным, переходил мосты и в конце концов добирался до предместья, населённого беднотой.

Там, в убогой лачуге, жила семья весёлого мальчугана. Он приходил, видел вокруг горе и нищету, но, что всего печальнее — он не видел здесь ни одной приветливой улыбки; холоден был пустой очаг, и холодны были сердца.

Когда он появлялся, его спрашивали: «Откуда ты?». Он отвечал: «С улицы». Когда он уходил, его спрашивали: «Куда ты?» — «На улицу»,— отвечал он.

Мальчик жил, не видя любви и заботы, точно бесцветная травка, которая растёт в погребах. Он не страдал от этого и никого не винил. Он даже не знал точно, какие должны быть отец и мать.

Этого гамена звали Гаврош.

---

[1] *Гаме́н* — уличный мальчишка.

Гаврош опекает малышей.

В один студёный апрельский вечер Гаврош стоял на многолюдной улице перед ярко освещённой витриной большой парикмахерской. Он видел, что в парикмахерскую вошли два мальчика, меньше его: один лет семи, другой около пяти, оба неплохо одетые. Трудно было разобрать, чего они хотят — оба говорили разом. Младший не переставал плакать, а у старшего от холода стучали зубы. Парикмахер сердито обернулся, ничего не слушая, вытолкал ребят на улицу и крикнул им вдогонку:

— Шатаются зря, только холоду напускают!

Дети, плача, пошли дальше. Тем временем набежала туча, стал моросить дождь. Гаврош догнал ребят:

— О чём плачете, малыши?

— Нам негде ночевать,— ответил старший.

— Велика беда! — сказал Гаврош.— Стоит из-за такой ерунды плакать! Вот глупыши! — И ласковым, но покровительственным тоном добавил: — Идём со мной, мелюзга.

Они шли медленно. На углу улицы Балле какой-то высокий человек окликнул Гавроша:

— А, это ты, Гаврош? Куда держишь путь?

Гаврош указал на ребят: — Веду их на ночлег.

— А куда?

— К себе.

— Куда это?

— Да к себе!

— У тебя есть жильё?

— Конечно!

— Где же?

— В слоне,— ответил Гаврош.

— Как в слоне?

— Да обыкновенно — в слоне. Что ж тут непонятного?

В слоне.

В те времена на площади Бастилии стояло странное сооружение — огромный деревянный слон, оштукатуренный сверху. На спине у него помещалась башня, напоминающая домик; когда-то она была выкрашена в зелёный цвет, а дожди и непогода перекрасили её в чёрный.

Слон стоял в пустынном углу большой площади. Широкий

лоб, длинный хобот, клыки, башня на исполинской спине, ноги, похожие на четыре столба,— всё это превращало его ночью в страшное сказочное чудовище.

Гаврош подвёл своих питомцев. Он понимал, что малышей испугает такой великан, и потому сказал:

— Не бойтесь, ребятишки!

Сначала он сам прошмыгнул в отверстие решётки, окружавшей слона, а затем втащил детей. Перепуганные ребята покорно и доверчиво следовали за своим оборванным покровителем, который обещал им ночлег.

Гаврош указал своим гостям на лестницу и дыру.

— Полезайте,— сказал он.

Дети в испуге переглянулись.

— Струсили, малявки! — воскликнул Гаврош. И прибавил: — Ну, смотрите!

Он обхватил руками шероховатую ногу слона и мигом, без всякой лестницы, добрался до отверстия, вполз туда, как уж вползает в щель, и скрылся, а спустя минуту его бледное личико показалось в тёмной дыре.

— Ну,— кричал он,— ползите скорей, козявки! Увидите, как здесь хорошо! Влезай ты первый,— обратился он к старшему,— я втащу тебя за руки.

Дети жались друг к другу. Они и побаивались Гавроша и верили ему, а так как дождь превратился в ливень, то старший мальчик набрался, наконец, храбрости. Когда маленький увидел, что брат полез наверх, а он остался совсем один между лапами громадного зверя, ему стало страшно и хотелось заплакать, но он не посмел.

Старший неуверенно карабкался по перекладинам лестницы; Гаврош старался ободрить его, покрикивая:

— Не бойся. Вот так! Ну ещё! Поставь сюда ногу, крепче держись рукой! Смелей!

Как только мальчик очутился достаточно близко, Гаврош ухватил его за руку и с силой потянул к себе.

— Готово дело! — сказал он.

Мальчуган пролез в отверстие.

— А теперь подожди меня,— сказал Гаврош.— Присаживайтесь, сударь.

Сам он вылез из дыры так же, как влез туда, проворно, точно обезьяна, спустился вдоль ноги слона, спрыгнул в траву,

схватил пятилетнего малыша на руки, поставил его на середину лестницы и стал подниматься за ним, крикнув старшему:

— Я его поддерживаю, а ты тащи!

В одну минутку малыша подняли, подтянули, впихнули и втащили в отверстие; он даже пикнуть не успел.

Гаврош захлопал в ладоши и закричал:

— Вот мы и дома! Ура!

Это и был дом Гавроша.

Часто, проходя по площади Бастилии, разряженные господа бросали презрительный взгляд на слона и говорили: «Кому он нужен? Пора снести его!» Оказывается, он был нужен для того, чтобы уберечь от дождя, холода, снега, града, защитить от зимнего ветра, избавить от ночлега в грязи и слякоти, от ночлега на снегу маленького мальчика без отца, без матери, без пищи, без одежды, без крова.

— Прежде всего,— сказал Гаврош,— надо показать, что нас нет дома.

Гаврош нырнул куда-то в темноту; двигался он так уверенно, что видно было — он хорошо знает своё жилище.

Достав откуда-то доску, он закрыл ею дыру. Затем снова исчез во мраке.

Гаврош зажёг фитилёк, смоченный в смоле. Хотя такая свеча больше коптила, чем светила, всё же при этом огоньке можно было рассмотреть внутренность слона.

Гости Гавроша с удивлением и страхом озирались вокруг.

Младший мальчуган прижался к старшему и прошептал:

— Ой, как темно!

Слова эти возмутили Гавроша. А вид у ребят был такой испуганный, что Гаврош счёл нужным пробрать их.

— Это что за новости? Чем вы недовольны? Вам дворец нужен, что ли? Чего кукситесь, поросята вы этакие!

Встряска иногда помогает от страха. Немного успокоившись, дети прижались к Гаврошу.

Он был растроган их доверчивостью и по-отечески ласково обратился к младшему:

— Дурачок, темно на улице, а не здесь; там идёт дождь, а здесь дождя нет; там холодно, а здесь ни ветерка; на улице людно, а здесь нет ни души; там даже луны нет, а здесь горит моя свечка.

Теперь дети уже не с таким страхом оглядывали свой приют.

— Ну, живее! — торопил Гаврош, подталкивая их в дальний угол своей «квартиры», где помещалась его постель.

Постель у Гавроша была самая настоящая, с матрацем, одеялом и пологом.

Матрацем служила соломенная цыновка, одеялом — большая, почти новая и очень тёплая попона из грубой серой шерсти. А полог был сделан из сетки, мастерски укреплённой на трёх шестах. Тяжёлые камни прижимали сетку к полу, так что проникнуть внутрь было невозможно.

Гаврош отодвинул несколько камней и приподнял сетку.

— Ну, малыши, лезьте на четвереньках! — скомандовал он.

Гаврош бережно впихнул гостей в клетку, влез за ними сам, снова сдвинул камни и наглухо закрыл вход.

Все трое улеглись на цыновке. Клетка была низкая. Даже самый маленький из ребят не мог бы встать в ней во весь рост. Гаврош всё ещё держал в руке свечу.

— Теперь спите,— сказал он: — я тушу свечу.

— Сударь,— спросил старший мальчик, указывая на сетку,— зачем это?

— Это от крыс,— ответил Гаврош деловым тоном.— Спите!

Однако немного погодя, он вспомнил, что гости его очень неопытны, и решил объяснить подробнее:

— Это всё из зверинца в ботаническом саду. От диких зверей. Там сколько угодно сеток. Надо только вскарабкаться на стенку, влезть в окно и нырнуть в дверь, а там бери что хочешь.

Рассказывая, он успел укутать краем попоны младшего мальчика.

— Ой, как хорошо, как тепло! — пролепетал малыш.

Гаврош самодовольно оглядел одеяло:

— Одеяло тоже из ботанического сада. Я взял его в долг у обезьян.

Показав на толстую, искусно сплетённую цыновку, на которой они лежали, он добавил:

— А это я стянул у жирафа.

Немного помолчав, Гаврош продолжал:

— У зверей всего вдоволь. Я и взял у них всего понемногу, и они не рассердились. Я им сказал: это нужно слону.

Дети с изумлением и боязливым восторгом смотрели на Гавроша, на этого ловкого и смелого мальчика, такого же бездомного и заброшенного, как они, но в то же время всемогущего.

Младший мальчик тоже не спал, но не говорил ни слова. Он лежал с краю, и одеяло сползло с него; Гаврош снова заботливо укрыл малыша, а под голову вместо подушки подложил ему всякое тряпьё. Затем обратился к старшему:

— Правда, здесь недурно?

— Да, да! — ответил старший, с восхищением глядя на Гавроша.

Бедные ребята озябли и промокли, а теперь начали согреваться.

— Вот видишь! — сказал Гаврош.— И чего вы, спрашивается, скулили?

Указывая на малыша, он добавил:

— Ну, такому клопу ещё можно похныкать, а тебе, большому, стыдно реветь, ты ведь не телёнок.

— Мы не знали, куда нам деваться.

— Послушай,— наставительно продолжал Гаврош,— что бы ни случилось, никогда не скули. Я вас не оставлю. Увидишь, как мы весело заживём.

Он снова уложил детей и приказал:

— Ну, теперь хорошенько завернитесь в одеяло и спите. Я тушу свечку. Готовы?

— Да,— прошептал старший.— Мне очень хорошо, прямо как на перине.

Гаврош натянул им одеяло до самого носа, снова приказал: «Спите!» — и задул свою свечку.

Едва погас свет, как сетка, под которой лежали дети, затряслась, послышался странный шорох, какое-то дребезжанье, как будто медную проволоку царапали ногтями и грызли зубами. При этом со всех сторон раздался визг и писк.

Пятилетний мальчуган, услышав над головой такую возню, задрожал от ужаса, толкнул локтем старшего брата, но тот уже спал, как приказал ему Гаврош. Тогда малыш, не помня себя от страха, осмелился тихонько позвать Гавроша.

— Сударь!

— Ну? — спросонья проворчал Гаврош.

— Что это?

— Крысы,— ответил Гаврош и повернулся на другой бок.

А крысы не унимались: они бегали по сетке и старались прогрызть её. Малыш от страха не мог уснуть.

— Сударь! — снова окликнул он.

— Ну? — отозвался Гаврош.

— Что это такое — крысы?

— Это мыши!

Такое объяснение немного успокоило мальчика. Ему случалось видеть белых мышей, и их он не боялся.

— Сударь...— всё-таки заговорил он немного погодя.

— Ну?

— Почему у вас нет кошки?

— Была у меня кошка, а они её сожрали...

Мальчик снова затрясся от страха.

— Сударь?

— Ну?

— Кого сожрали?

— Кошку.

— Кто сожрал?

— Крысы.

— Мыши?

— Да, крысы.

Потрясённый мышами, которые едят кошек, мальчик не унимался:

— Сударь, а нас они не сожрут?

— Не бойся, они сюда не пролезут. Да и я ведь тут. На, возьми меня за руку. Молчи и спи!

Гаврош протянул мальчику руку, и ребёнок, прижавшись к его руке, успокоился. Кругом всё затихло.

Вопросы.

1. О каком времени говорится в рассказе?
2. Почему писатель сравнил Гавроша с воробьём?
3. Опишите наружность Гавроша и его одежду.
4. Где и как проводил он время?
5. Где Гаврош устроил себе жильё?
6. Что вы узнаёте из рассказа о родителях Гавроша?
7. Почему он стал беспризорным?

II.

Начало восстания.

Это было в 1832 году. В Париже начинались большие события. Измученные нищетой и непосильным трудом рабочие, ремесленники, всякий мелкий люд готовились восстать против правительства. В правительстве сидели банкиры и фабриканты. Они

заботились только о своей выгоде, их не трогало то, что народ терпит нужду и голод.

Уже в разных местах Франции вспыхивали бунты. Их подавляли, но они опять возобновлялись.

Огромный Париж походил на пушку, когда она заряжена: достаточно одной искры, чтобы раздался выстрел.

И вот однажды утром предместье Сент-Антуан приняло грозный вид. Каждый вооружался чем только мог. Рабочие, проходя по улице, говорили шопотом друг другу:

— Где у тебя пистолет?

— Под блузой. А у тебя?

— Под рубахой.

На улицах перед мастерскими толпился народ и шептался. Рабочие дожидались представителей восставших.

Вот показалась процессия. Несли знамёна. Дети размахивали зелёными ветками. Дальше грозными толпами тянулись рабочие: грузчики, каменщики, плотники, маляры, стекольщики, наборщики.

Буржуа [1] в испуге глядели на них с балконов и из окон домов.

Правительство было настороже и держало войска наготове: двадцать четыре тысячи солдат в городе и тридцать тысяч в его предместьях. Когда толпа и войска встретились, полетели камни, началась перестрелка. Драгуны пустили в ход сабли. Толпа разбежалась. Во всех концах Парижа поднялся воинственный клич:

— К оружию!

Рабочие разгромили оружейную фабрику и три оружейные лавки. В несколько минут тысячи рук расхватили и унесли сотни ружей, пистолетов и сабель. Восставшие катили бочки, мебель, доски. Не прошло и часа, как бесчисленные баррикады словно выросли из земли. К вечеру треть Парижа была в руках восставших. Буржуазию охватил страх. Везде запирались двери, окна и ставни.

Наступила ночь. Восстание грозным пламенем озаряло Париж.

По улицам шли толпы вооружённых рабочих.

Вот показался оборванный мальчуган. Это был Гаврош. Он присоединился к толпе рабочих и студентов.

---

[1] *Буржуа́* — зажиточный гражданин, принадлежащий к классу собственников.

Впереди всех шёл человек с обнажённой саблей в руке. Гаврош спокойно спросил:

— Куда мы пойдём?

— Идём с нами,— ответил он.

Гаврошу больше всех понравился человек в красном жилете. Товарищи звали его Багорелем.

Когда он увидел наклеенное на стене какое-то воззвание правительства, то сорвал его.

Гаврош был в восхищении. С этой минуты он глаз не сводил с Багореля.

Гаврош помогает строить баррикаду.

Шумная толпа углубилась в сеть старых улиц, мрачных, извилистых и узких.

Мимо проехала телега, нагруженная бочками с известью. Гаврош и Багорель быстро её опрокинули. Бочки годились для постройки баррикады, их уложили, навалили булыжник, вывороченный из мостовой. Скоро половина улицы оказалась загражденной стеной выше человеческого роста. Над баррикадой водрузили революционное знамя.

Гаврош, радостный и сияющий, бегал взад и вперёд, карабкался вверх, спускался, шумел, мелькал повсюду. Гаврош был, как вихрь. Он появлялся везде. Звонкий голос его не смолкал ни на минуту. Он смеялся над бездельниками, заставлял работать лентяев, ободрял уставших; одних забавлял, других сердил, третьим надоедал, всех тормошил.

— Смелее! Валите булыжники! Ещё! Побольше бочек! Ваша баррикада мала! Она ни к чорту не годится! Тащите сюда всё, что попало!

Ко всем приставал:

— Дайте мне ружьё! Мне нужно ружьё! Почему мне не дают ружья?

— Тебе ружьё? — засмеялся один из революционеров.

— А почему бы и нет? — ответил Гаврош.

Другой революционер пожал плечами:

— Когда у всех мужчин будут ружья, их дадут и детям.

Гаврош гордо отвернулся и сказал:

— Если тебя убьют раньше, чем меня, я возьму твоё.

Когда баррикада была готова и знамя водружено, кто-то притащил стол. Один из студентов на него взобрался.

Его товарищи принесли сундучок, набитый патронами. Студент, стоявший на столе, улыбаясь, стал раздавать патроны.

Время шло. Наступили сумерки. Надвигалось что-то грозное.

На баррикаде зажгли большой смоляной факел и поставили так, что весь свет его падал на знамя.

Ночь на баррикаде.

Наступила ночь, никто не появлялся. Слышен был лишь смутный гул и порой перестрелка.

Один из революционеров, тот самый, который смеялся над Гаврошем, когда он требовал ружьё, подошёл к нему и сказал:

— Послушай, ты — маленький, тебя не заметят. Выйди за баррикады, проскользни вдоль домов, походи по улицам. Вернёшься и расскажешь нам, что происходит.

— И малыши могут пригодиться,— с заносчивым видом ответил Гаврош.— Что же, я пойду.

Мальчуган отдал честь по-военному и убежал...

На башне пробило десять часов. Двое студентов с ружьями в руках сидели подле лазейки, оставленной между стенами домов и баррикадой. Они молчали, прислушиваясь и стараясь уловить звук самых глухих и отдалённых шагов.

Вдруг, среди мрачной тишины, раздался звонкий, юный, весёлый голос. Он распевал народную песенку:

...У них мундиры синие
И сабли на боку,
Огонь по линии!
Ку-ка-ре-ку!

— Это Гаврош,— сказал один из студентов.

— Он подаёт нам сигнал,— ответил другой.

Поспешные шаги нарушили тишину безлюдной улицы. На баррикаду ловко, как обезьяна, вскарабкался Гаврош. Он соскочил внутрь баррикады. Едва переводя дух, мальчуган сказал:

— Моё ружьё! Они идут!

Ему дали большое ружьё.

Сорок три человека, в том числе и Гаврош, стали на колени внутри баррикады.

Прошло ещё несколько минут, потом явственно раздался звук шагов, мерных, тяжёлых, многочисленных. Он прибли-

жался безостановочно, спокойно и грозно. Вдруг он смолк. Внезапно из темноты раздался зловещий голос:

— Кто идёт?

В ту же минуту послышалось бряцанье ружей. Начальник баррикады ответил звучно и гордо.

— Французская революция...

— Пли! — раздалась команда.

Страшный залп раздался над баррикадой. Красное знамя свалилось. Залп был так силен и густ, что срезало древко. Пули, отскочившие от карнизов домов, попали на баррикаду и ранили несколько человек. Атака была жестокая и заставила призадуматься самых отважных. Было очевидно, что придётся иметь дело с целым полком.

— Товарищи,— крикнул начальник баррикады,— поберегите порох! Не стреляйте, пока они не покажутся на улице! И прежде всего,— прибавил он,— поднимем знамя!

Осаждавшие бросились на баррикаду. Вскоре две трети её были заняты солдатами. Но перескочить через ограждение не решались. Они как будто боялись, что там их ждёт ловушка.

Большинство осаждённых взобралось на окна первого этажа и на чердак, откуда им было удобнее стрелять. Самые смелые гордо прислонились к стенам домов и смотрели на гвардейцев, стоявших у баррикады.

Офицер обнажил шашку и сказал:

— Положите оружие!

— Пли! — скомандовал начальник баррикады.

Два залпа раздались одновременно, и всё исчезло в едком, удушливом дыме.

Раздались стоны раненых и умирающих.

Когда дым рассеялся, стали видны сражавшиеся.

Внезапно раздался громовой голос:

— Уходите, или я взорву баррикаду!

Все обернулись в ту сторону, откуда донёсся голос. Начальник баррикады взял бочонок с порохом, воспользовался дымом, окутавшим баррикаду, и проскользнул вдоль неё до того места, где горел факел. В одно мгновенье он его вырвал и поставил на его место бочонок с порохом.

Теперь офицеры и солдаты с удивлением глядели, как он, стоя с факелом в руках, наклонил горящий факел к бочонку с порохом и закричал:

— Уходите или я взорву баррикаду!

Но на баррикаде никого уже не было. Покинув мёртвых и раненых, гвардейцы в смятении и беспорядке отступили в самый дальний конец улицы и исчезли в темноте. Это было настоящее бегство. Баррикада была освобождена.

Осаждённые расставили часовых и принялись перевязывать раненых.

Атака.

В той стороне, откуда ждали атаки, царила глубокая тишина. Начальник велел всем занять боевые посты.

Вдоль каменной стены раздались короткие, сухие звуки. Это заряжали ружья.

Ждать пришлось недолго. Стук цепей, зловещее громыхание, звон меди о мостовую, грохот — всё возвещало о приближении артиллерийских орудий.

Показалась первая пушка.

— Пли! — скомандовал начальник баррикады.

С баррикады раздался дружный залп. Дым, словно лавина, закрыл от взоров пушку и людей; через несколько секунд облако рассеялось, пушка и люди появились снова.

— Зарядите ружья! — скомандовал начальник.

В то время как революционеры вновь заряжали ружья, артиллеристы заряжали пушку.

Пушка выпалила, ядро полетело.

— Нагните головы ближе к стене! — крикнул начальник.— Станьте на колени вдоль баррикады!

Но залп раздался раньше, чем приказ успели выполнить. Двух человек убило и трёх ранило.

Артиллеристы быстро подкатили вторую пушку и поставили её рядом с первой.

Несколько секунд спустя оба орудия открыли пальбу.

— Необходимо обуздать эти пушки,— сказал начальник и крикнул: — Пли в артиллеристов!

Все давно были готовы: с баррикады принялись бешено и радостно палить. Шесть или семь залпов последовали один за другим; улица наполнилась ослепляющим дымом. Через несколько минут сквозь туман удалось различить две трети артиллеристов, лежавших под колёсами пушек. Оставшиеся в живых продолжали обслуживать орудия, но пальба стала реже.

— Как удачно! — сказал один из рабочих, обращаясь к начальнику баррикады.— Полный успех!

Начальник покачал головой и ответил:

— Ещё четверть часа такого успеха, и на баррикаде больше не останется и десятка патронов.

Маленький герой.

Гаврош слышал эти слова. Он взял корзинку для бутылок, вышел через лазейку и спокойно принялся опоражнивать в свою корзинку патронташи убитых.

— Что ты такое делаешь? — крикнули ему с баррикады. Гаврош поднял голову:

— Граждане, я наполняю корзинку.

— Не видишь ты, что ли, картечи?

Гаврош ответил:

— Дождик идёт, велика важность!

Начальник крикнул:

— Вернись!

— Сейчас,— сказал Гаврош,— и пустился бегом по улице.

Около двадцати мертвецов валялось вдоль улицы на мостовой. Десятка два патронташей: это запас пороха для баррикады. И Гаврош принялся пересыпать патроны в свою корзинку.

Улица была окутана дымом, словно туманом. Туман медленно поднимался и снова наползал. От него на улице среди бела дня было почти темно. Сражавшиеся по обе стороны этой короткой улицы едва могли различать друг друга.

Темнота пригодилась Гаврошу.

Под покровом дыма и благодаря своему маленькому росту он мог пробраться довольно далеко, не замеченный солдатами. Первые шесть или семь патронташей он опустошил, не подвергаясь большой опасности.

Он полз на животе, пробирался на четвереньках, держа корзинку в зубах, корчился, скользил, извиваясь, пробираясь от одного мертвеца к другому и опоражнивая патронташи.

От баррикады он был пока ещё недалеко, но его не решались звать, боясь привлечь к нему внимание. Он пробирался всё дальше и дополз до места, где стоявший от выстрелов туман был не так густ.

В ту минуту, как Гаврош освобождал от патронов убитого сержанта, в труп попала пуля.

— Чорт возьми! — воскликнул Гаврош.— Моих мертвецов убивают.

Вторая пуля ударила в мостовую подле него. Третья — опрокинула его корзинку.

Гаврош оглянулся и увидел, что стреляют с угла улицы.

Он поднялся, выпрямился во весь рост. Ветер развевал его волосы. Глядя на целившихся в него гвардейцев, Гаврош весело и громко запел песенку.

Потом поднял корзинку, положил обратно все выпавшие из неё патроны и, приблизившись к стрелкам, принялся опустошать другой патронташ. Четвёртая пуля просвистела мимо, а Гаврош всё пел.

И на пятую пулю он ответил песенкой.

Зрелище было страшное. В мальчика стреляли, а он дразнил стрелков. На каждый выстрел он отвечал куплетом. В него целились непрерывно и никак не могли попасть. Гвардейцы смеялись, стреляя в него. Он ложился, вскакивал, прятался в подворотне, исчезал, появлялся снова, спасался бегством, прибегал назад, грозил кулаком, опустошал патронташи и наполнял свою

корзинку. С баррикады со страхом следили за ним. Пули догоняли его, но он был проворнее пуль. Он играл в прятки со смертью.

Но, наконец, коварная пуля настигла мальчика. Гаврош пошатнулся и упал. Крики ужаса раздались на баррикаде. Гаврош приподнялся, струя крови лилась по его лицу, он протянул руки и, глядя в ту сторону, откуда раздался выстрел, снова запел.

Он не успел кончить своей песенки. Вторая пуля заставила его смолкнуть.

На этот раз он упал лицом на мостовую и больше не шевелился.

Маленький герой был убит.

Вопросы и задания.

1. Где это было и когда?
2. Какое положение было во Франции?
3. Кто строил баррикады? Как?
4. Как Гаврош помогал строить баррикады?
5. Когда началась осада баррикады? Как?
6. Почему осаждавшие баррикаду отступили?
7. Как вёл себя Гаврош во время атаки баррикады?
8. Почему автор называет Гавроша героем?
9. Какие ещё рассказы о детях-героях вы читали в этой книге?

Расскажите последовательно все главы очень кратко, последнюю главу расскажите подробно.

Заговор барабанщиков.

По ***П. Рыжову.***

(Быль.)

Это было в Париже в 1871 году в дни Парижской Коммуны.

С грохотом разорвались над укреплением Порт-Малью одна за другой три версальские гранаты.

Когда рассеялся дым, коммунары увидели шесть маленьких ребят, которые, взявшись за руки, плясали карманьолу [1].

— Прочь, бесенята! — крикнул дядюшка Гаво.— Скорей за бруствер [2]. Или вам захотелось получить на орехи?

[1] *Карманьóла* — танец с пением революционной песни (во время французской буржуазной революции).

[2] *Брýствер* — земляная насыпь на наружной стороне окопа для укрытия стрелков от неприятельского огня.

— Ого, дядюшка Гаво! Их свинцовые орешки всегда попадают кому-нибудь из больших,— ответил маленький Виксавьер.

В это время взорвалась четвёртая граната.

— Носилки!..— крикнул кто-то.

Четверо мальчиков кинулись с носилками к раненому, положили его с помощью коммунаров и понесли к перевязочному пункту.

Восьмилетние Поль и Жан оттащили в сторону окровавленную фуражку и ружьё.

Гранаты падали всё чаще, и всё чаще слышался взволнованный крик: «Носилки!».

— Они готовят атаку, командир.

— Да, повидимому, гражданин Гаво. И я уже послал Бено в штаб за подкреплением... Вот и он. Сюда, дядя Бено! Что сказал командующий — дали подкрепление?

— Приказ один — сопротивляться.

— Но мне нужны пушки. Пушки где?

— Пушек нет, командир. Их отправили в другое место.

— Вы сказали им, что у нас одна пушка и зарядов хватит только на 20 выстрелов?

— Сказал, командир. Но гранаты не подходят к нашей пушке.

Подошёл артиллерист и сказал:

— Дело будет жаркое, наша пушка не может сбить батарею противника.

Командир поднялся и взглянул из-за бруствера.

Вдали на поле версальцы[1] перестраивались в штурмовые колонны.

— Мы отступим к холму за нашим укреплением,— сказал командир.

Пятнадцать человек потащили орудие на новые позиции. Мальчики относили снаряды. Командир с улыбкой посмотрел на них.

— Пока у Парижа есть такие дети, нечего бояться версальцев,— заметил он.

Пушка, установленная на новом месте, редкими выстрелами прикрывала отступление коммунаров. Они отбегали, падали на колени, стреляли и снова отбегали по направлению к холму.

— А это всё придётся бросить,— указал дядюшка Гаво на

---

[1] *Версáльцы* — войска, действовавшие против революционного Парижа.

кучу провизии и целую повозку с ружьями,— да и Пегас там остался.

Пегас — полковой конь — стоял около повозки и дрожал при грохоте выстрелов.

Вдруг из рядов отступающих коммунаров выделилась маленькая фигурка с большим не по росту ружьём в руках и помчалась к покинутому укреплению.

— Стой!.. Стой!.. Вернись, Тьебо!..

Мальчуган, не отвечая, мчался во весь дух.

— Что ты делаешь?.. Ведь тебя убьют! — кричали ему.

Тьебо не слушал. Он спустился и кинулся к повозке с оружием. В один миг Пегас очутился в постромках. Тьебо вскочил в повозку, когда на бруствере показались головы двух версальцев. Он, не целясь, выстрелил из ружья и погнал лошадь на холм, за которым укрывались коммунары. Его встретили товарищи, в одно мгновение перевернули повозку, с грохотом высыпали оружие. Потом повозку снова подняли, четверо мальчиков вскочили в неё и погнали Пегаса к оставшемуся имуществу. Крики взрослых не могли остановить ребят. Тогда один из коммунаров прицелился из ружья.

— Что ты делаешь? — схватил его за рукав командир.

— Я убью лошадь, и они вернутся.

Несколько секунд он прицеливался и потом опустил ружьё: невозможно было попасть сзади в лошадь, не задев кого-нибудь из стоявших в повозке мальчиков.

Но на этот раз смелый план не удался. Версальцы заняли укрепление и окружили мальчиков. Коммунары видели, как боролся Тьебо, как отбивался саблей Виксавьер, как упал подстреленный Пегас и придавил Пьера.

Видеть, как их маленьких друзей схватил неприятель, и не прийти к ним на помощь — было не в правилах коммунаров. Послышались громкие требования контратаки. Эти требования перешли в сплошной крик, когда пришёл присланный в подкрепление батальон. Лавиной с холма кинулись коммунары, выбили из укрепления версальцев. Враги отступили и увели с собой четырёх маленьких коммунаров.

На следующий день мальчиков привели на допрос. За столом сидели толстый генерал, капитан и ещё несколько человек.

— Обвиняемый, как вас зовут?

— Тьебо.

— Сколько вам лет?

— Четырнадцать.

— Вы обвиняетесь в том, что участвовали в преступлениях Коммуны. Правда ли это?

— О! Мы вам порядочно всыпали!

— Обвиняемый признаёт свою вину.

— Следующий...

— Обвиняемый, как вас зовут?

— Виксавьер, тринадцать лет,— слышится дрожащий голосок.

— Почему вы пошли в «питомцы Коммуны»?

— Обо мне там заботились. Я сирота.

— Ты был схвачен в бою?

— Да... Мы без боя не сдаёмся!

— Обвиняемый признаёт свою вину.

— Следующий...

— Имя?

— Пострел.

— Как?

— Пострел!

Хохочет генерал, хохочут солдаты, улыбаются пленные.

— Что ты делал в укреплении?

— Мы лупили версальцев,— подмигивая глазами, говорит Пострел.

Снова смех.

— Хорошо, храбрецы,— говорит генерал,— держитесь вы молодцами. Капитан, я предлагаю всех четырёх к расстрелу.

Смех стихает мгновенно. Даже версальцы хмурятся и переминаются с ноги на ногу.

— Нет... на этот раз я буду милостивее,— отвечает капитан,— я предлагаю хорошенько выпороть и отдать мне в полк барабанщиками. Моего Луи вчера подстрелили.

— Ну, если они вам пригодятся, капитан, я, конечно, не возражаю. Только выпороть нужно хорошенько,— решает генерал.

Так решилась судьба четырёх маленьких пленников.

Прошло две недели. Мальчики сидели в парке на траве. Все четверо были одеты в форму двенадцатого линейного полка. У каждого за широкую кожаную перевязь с крючком для барабана были засунуты барабанные палочки.

— А ведь наше укрепление ещё держится,— шопотом сказал Виксавьер.

— Кто тебе сказал? — живо спросил Пьер.

— Я слышал вчера, два генерала разговаривали. Один говорит: «Надо укрепление взять во что бы то ни стало». А другой ему отвечает: «Целую неделю бьёмся, и ничего не выходит».

— Напрасно мы не послушались командира и дядюшку Гаво,— со вздохом проговорил Тьебо.

Пьер дёрнул его за рукав. Маленькие барабанщики вскочили и вытянулись во фронт. Капитан подошёл и сел на скамью.

— Из моего полка?

— Так точно,— хором ответили все четверо.

— Вот ты,— капитан показал пальцем на Тьебо,— беги и позови господ офицеров!

Тьебо отдал честь и побежал.

Капитан был весел и разговорился:

— Так вы кто такие?

— Барабанщики,— тихо сказал Виксавьер.

— А на чём барабаните?

— На кастрюлях,— ответил неугомонный Пострел.

Капитан захохотал.

Подошли офицеры.

— Господа,— сказал капитан,— получен приказ. Совершенно секретно. Ночью мы идём на приступ. Необходимо напасть врасплох и захватить укрепление Порт-Мальо. Всем солдатам обернуть оружие и сапоги тряпками. Курить, разговаривать нельзя. Мы их захватим сонных, как мух. А теперь идите, веселитесь.

Капитан ушёл с офицерами.

— Слышали? — спросил Тьебо.— Это наше укрепление. Наш батальон хотят захватить ночью спящим!

— Предупредить бы их,— тоскливо вырвалось у Пьера.

— Невозможно,— прошептал Виксавьер.

«Нас поведут в атаку и при нас перебьют наших товарищей...». Мысль эта сжимала клещами маленькие сердца.

Наступила ночь. Тихо в осаждённом Париже. Спят защитники. Часовой и тот не выдержал: склонился над ружьём.

А между тем враги приближаются. Не стучат солдатские башмаки, не слышно говора. Бесшумно двигается к Парижу

12-й полк. В первых рядах четыре маленьких барабанщика. Идут вместе с врагами против своих.

...Спят, крепко спят измученные коммунары.

Тихо-тихо крадётся полк солдат, вот уже близко... Что делать? и вдруг... барабаны грохнули «тревогу».— Тра-та-та, трррата-тра-та-та, тррррахта!..

Смятение в рядах наступающих! Что это?! Кто велел?! Ведь этот барабанный бой всё погубит!

А барабаны гремят и гремят... Они зовут: «К оружию, коммунары! К оружию, сыны народа!» Трах-та-та-рррр-тах-та! «Враг наступает, враг крадётся. К оружию, коммунары!»

Капитан бросился к барабанщикам и одним ударом уложил Пьера. Виксавьер громко заплакал и ещё сильнее заколотил в барабан. Капитан с размаху ударил его по голове саблей. Он упал. Тьебо и Пострел били в барабаны изо всех сил. Тра-та-та!.. Тра-та-та!..

— Что, взяли?! — кричал Пострел.— Да здравствует Коммуна! Хитрость вам не удалась! — Сражённые пулей упали Тьебо и Пострел.

В укреплении проснулись. Грянула батарея, раздалась ружейная пальба. Версальцы были отброшены.

На утро коммунары подобрали четыре маленьких трупа. Дядюшка Гаво сильно плакал и спрятал их барабанные палочки.

Несколько лет назад в нашу страну приехала делегация от французских рабочих. С ними был высокий седой старик-коммунар. Пятнадцатилетним юношей он сражался на баррикадах Парижа. Он привёз в Москву уцелевшее знамя Коммуны.

Старик-коммунар очень интересовался пионерами. Переводчик привёл его к пионерам Красной Пресни. Там старик рассказал историю про четырёх маленьких барабанщиков и, вынув из портфеля барабанные палочки, подал их вожатому.

Примечание. В Москве в музее находятся палочки маленьких барабанщиков и знамя.

Вопросы и задание.

1. Как дети помогали во время сражения?
2. Расскажите про то, как маленькие коммунары попали в плен.
3. Как дети держались на суде?
4. Какой жестокий план нападения готовили версальцы?
5. Как геройски погибли маленькие барабанщики?

И вот уже трещат морозы.

А. Пушкин.

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
. . . .
Опрятней модного паркета [1]
Блистает речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лёд;
На красных лапках гусь тяжёлый,
Задумав плыть по лону [2] вод,
Ступает бережно на лёд,
Скользит и падает; весёлый
Мелькает, вьётся первый снег,
Звездами падая на брег.

---

[1] *Паркéт* — дощечки для настилки пола. Паркетный пол натирается воском и блестит.

[2] *По лóну* — здесь: по поверхности.

Зима.

А. Пушкин.

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идёт волшебница-зима.
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки-зимы.

*
* *

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях [1] обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый [2] мальчик,
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

Вопросы и задания.

1. Укажите, какие действия живого существа приписаны поэтом зиме.
2. Почему зима названа волшебницей?
3. Как сказано о беге лошадки и о движении кибитки?

Составьте картинный план; озаглавьте каждую часть словами стихотворения.

---

[1] *Дро́вни* — крестьянские сани без кузова для перевозки грузов.
[2] *Дворо́вый ма́льчик* — сын крепостного крестьянина, работавшего в доме помещика.

Зимнее утро.

А. Пушкин.

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела,—
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит,
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Зима.

П. Вяземский.

Здравствуй, в белом сарафане
Из серебряной парчи! [1]
На тебе горят алмазы,
Словно яркие лучи.
Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Белоснежная лебёдка,
Здравствуй, матушка-зима!

Нам не страшен снег суровый.
С снегом — батюшка-мороз,
Наш природный, наш дешёвый
Пароход и паровоз.
Ты у нас краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!

Задания.

1. Перечитайте все названия, которые поэт даёт зиме.
2. Скажите, почему поэт говорит об одежде зимы: «в белом сарафане из серебряной парчи»?

[1] *Парчá* — материя, затканная золотыми или серебряными нитями.

Зимовье на Студёной.

Д. Мамин-Сибиряк.

I.

Старик лежал на своей лавочке, у печи, закрывшись старой дохой [1] из вылезших оленьих шкур. Было рано или поздно, он не знал, да и знать не мог, потому что светало поздно, а небо ещё с вечера было затянуто низкими осенними тучами. Вставать ему не хотелось: в избушке было холодно, а у него уже несколько дней болели и спина и ноги. Спать он тоже не хотел, а лежал так, чтобы провести время.

Да и куда ему было торопиться?

Его разбудило осторожное царапанье в дверь,— это просился Музгарко, небольшая пёстрая вогульская [2] собака, жившая в этой избушке уже лет десять.

— Я вот тебе задам, Музгарко! — заворчал старик, кутаясь в свою доху с головой.— Ты у меня поцарапайся.

Собака на время перестала скоблить дверь своей лапой и потом вдруг взвыла протяжно и жалобно.

— Ах, чтоб тебя волки съели! — обругался старик, поднимаясь с лавки.

Он в темноте подошёл к двери, отворил её и всё понял: отчего у него болела спина и отчего завыла собака.

Всё, что можно было рассмотреть в приоткрытую дверь, было покрыто снегом. Да, он ясно теперь видел, как в воздухе кружилась живая сетка из мягких, пушистых снежинок. В избе было темно, а от снегу всё видно: и зубчатую стенку стоявшего за рекой леса, и надувшуюся, почерневшую реку, и каменистый мыс, выдававшийся в реку круглым уступом.

Умная собака сидела перед раскрытой дверью и такими умными, говорящими глазами смотрела на хозяина.

— Ну, что же, значит, конец! — ответил ей старик на немой вопрос собачьих глаз.— Ничего, брат, не поделаешь... Шабаш [3].

Собака вильнула хвостом и тихо взвизгнула тем ласковым визгом, которым встречала одного хозяина.

---

[1] *Доха́* — шуба из шкур мехом внутрь и наружу.
[2] *Вогу́лы* — ныне *манси́* — немногочисленная народность, живущая на севере Советского Союза.
[3] *Шаба́ш* — конец.

— Ну, шабаш, ну, что поделаешь, Музгарко! Прокатилось наше красное лето, а теперь заляжем в берлоге.

На эти слова последовал лёгкий прыжок, и Музгарко очутился в избушке раньше хозяина.

— Не любишь зиму, а? — разговаривал старик с собакой, растопляя старую печь, сложенную из дикого камня.— Не нравится, а?

Колебавшееся в челе печки пламя осветило лавочку, на которой спал старик, и целый угол избушки. Из темноты выступили закопчённые брёвна, покрытые кое-где плесенью, развешанная в углу сеть, недоконченные новые лапти, несколько беличьих шкурок, болтавшихся на деревянном крюку, а ближе всего сам старик, сгорбленный, седой...

Пока старик растоплял печь, уже рассвело. Серое зимнее утро занялось с таким трудом, точно невидимому солнцу было больно светить. В избушке едва можно было рассмотреть дальнюю стену, у которой тянулись широкие нары, устроенные из тяжёлых деревянных плах. Единственное окно, наполовину залепленное

рыбьим пузырём, едва пропускало свет. Музгарко сидел у порога и терпеливо наблюдал за хозяином, изредка виляя хвостом. Но и собачьему терпению бывает конец, и Музгарко опять слабо взвизгнул.

— Сейчас, не торопись,— ответил ему старик, придвигая к огню чугунный котелок с водой.— Успеешь.

Музгарко лёг и, положив остромордую голову в передние лапы, не спускал глаз с хозяина. Когда старик накинул на плечи дырявый понито к[1], собака радостно залаяла и бросилась в дверь.

— То-то вот у меня поясница третий день болит,— объяснял старик собаке на ходу.— Оно и вышло, что к ненастью. Вона как снежок подваливает...

За одну ночь всё кругом совсем изменилось: лес казался ближе, речка точно сузилась, а низкие зимние облака ползли над самой землёй и только не цеплялись за верхушки елей и пихт. Вообще вид был самый печальный, а пушинки снега продолжали кружиться в воздухе и беззвучно падали на помертвевшую землю.

Старик оглянулся назад, за свою избушку,— за ней уходило ржавое болото, чуть тронутое кустиками и жёсткой болотной травой. С небольшими перерывами это болото тянулось вёрст на пятьдесят и отделяло избушку от всего живого мира. А какая она маленькая показалась теперь старику, эта избушка, точно за ночь вросла в землю!

К берегу была причалена лодка-душегубка. Музгарко первый вскочил в неё, оперся передними лапами на край, зорко посмотрел вверх реки, туда, где выдавался мыс, и слабо взвизгнул.

— Чему обрадовался спозаранку? — окликнул его старик.— Погоди, может и нет ничего.

Собака знала, что есть, и опять взвизгнула: она видела затонувшие поплавки закинутой в омуте снасти. Лодка полетела вверх по реке у самого берега. Старик стоял на ногах и гнал лодку вперёд, подпираясь шестом. Он тоже знал по визгу собаки, что будет добыча. Снасть[2], действительно, огрузла[3] самой серединой, и, когда лодка подошла, деревянные поплавки повело книзу.

---

[1] *Понйток* — верхняя одежда из крестьянского домашнего полусукна.
[2] *Снасть* — здесь: сеть для ловли рыбы.
[3] *Огрýзла* — опустилась вниз от тяжести.

— Есть, Музгарко...

Снасть состояла из брошенной поперёк реки бечевы с поводками из тонких шнуров и волосяной лесы. Каждый поводок заканчивался острым крючком. Подъехали к концу снасти, старик осторожно начал выбирать её в лодку.

Добыча была хорошая: два больших сига, несколько судаков, щука и целых пять штук стерлядей.

Щука попалась большая, и с ней было много хлопот. Старик осторожно подвёл её к лодке и сначала оглушил своим шестом, а потом уже вытащил. Музгарко сидел на носу лодки и внимательно наблюдал за работой.

— Любишь стерлядку? — дразнил его старик, показывая рыбу.— А ловить не умеешь... Погоди, заварим сегодня уху. К ненастью рыба идёт лучше на крюк. В омуте она теперь сбивается на зимнюю лежанку, а мы её из омута и будем добывать: вся наша будет. Лучить ужо поедем... Ну, а теперь айда домой! Судаков-то подвесим, высушим, а потом купцам продадим.

Старик запасал рыбу с самой весны: часть вялил на солнце, другую сушил в избе, а остатки сваливал в глубокую яму, вроде колодца; эта последняя служила кормом Музгарке. Свежая рыба не переводилась у него целый год, только нехватало у него соли, чтобы её солить, да и хлеба не всегда доставало, как было сейчас. Запас ему оставляли с зимы до зимы.

— Скоро обоз придёт,— объяснил старик собаке.— Привезут нам с тобой и хлеба, и соли, и пороху. Вот только избушка наша совсем развалилась, Музгарко.

II.

Осенний день короток. Старик всё время проводил около своей избушки, поправляя и то, и другое, чтобы лучше ухорониться на зиму. В одном месте мох вылез из пазов [1], в другом бревно подгнило, в третьем угол совсем осел и, того гляди, отвалится. Давно бы уж новую избушку пора ставить, да одному всё равно ничего не поделать.

— Как-нибудь, может, перебьюсь зиму,— думал старик вслух, постукивая топором в стену.— А вот обоз придёт, так тогда...

Выпавший снег все мысли старика сводил на обоз, который приходил по первопутку, когда вставали реки. Людей он только и видел раз в год. Было о чём подумать.

[1] *Пазы́* — щели между брёвнами.

Музгарко отлично понимал каждое слово хозяина и при одном слове «обоз» смотрел вверх реки и радостно взвизгивал, точно хотел ответить, что вон, мол, откуда придёт обоз-то, из-за мыса.

К избе был приделан довольно большой низкий сруб, служивший летом амбаром, а зимой казармой для ночлега ямщиков. Чтобы защитить от зимней непогоды лошадей, старик с осени устраивал около казармы из молодых, пушистых пихт большую загородку. Намаются лошади тяжёлой дорогой, запотеют, а ветер дует холодный, особенно с солнцевосхода. Ах, какой бывает ветер! Даже дерево не выносит и поворачивает свои ветви в тёплую сторону, откуда весной летит всякая птица.

Кончив работу, старик сел на обрубок дерева под окном избушки и задумался. Собака села у его ног и положила свою умную голову к нему на колени. О чём думал старик?

Первый снег всегда и радовал его, и наводил тоску, напоминал старое, что осталось вон за теми горами, из которых выбегала река Студёная.

Там у него был и свой дом, и семья, и родные были, а теперь никого не осталось. Всех он пережил: умрёт — некому глаза закрыть. Ох, тяжело старое одиночество, а тут лес кругом, вечная тишина, и не с кем слова сказать. Одна отрада оставалась: собака. И любил же её старик: гораздо больше, чем любят люди друг друга. Ведь она для него была всё — и тоже любила его. Не один раз случалось так, что на охоте Музгарко жертвовал своей собачьей жизнью за хозяина, и уже два раза медведь помял его за отчаянную храбрость.

— А ведь стар ты стал, Музгарко,— говорил старик, гладя собаку по спине.— Вот и спина прямая стала, как у волка, и зубы притупились, и в глазах муть... Эх, старик, старик, съедят тебя зимой волки! Пора, видно, нам с тобой и помирать.

Собака была согласна и помирать. Она только теснее прижималась всем телом к хозяину и жалобно моргала.

А он сидел и всё смотрел на почерневшую реку, на глухой лес, зелёной стеной уходивший на сотни вёрст туда, к студёному морю, на чуть брезжившие горы в верховьях Студёной,— смотрел и не шевелился, охваченный своей тяжёлой стариковской думой.

Вот о чём думал старик.

Родился и вырос он в глухой лесной деревушке Чалпан, засевшей на реке Колве. Место было глухое, лесистое, хлеб не родился, и мужики промышляли кто охотой, кто сплавом леса, кто

рыбной ловлей. Деревня была бедная, как почти все деревни в Чердынском крае, и многие уходили на промысел куда-нибудь на сторону: на солеваренные промысла в Усолье, на плотбища по реке Вишере, где строились лесопромышленниками громадные баржи, на железные заводы по реке Каме.

Старик был тогда совсем молодым, а звали его по деревне Елеской Шишмарём,— вся семья была Шишмари. Отец промышлял охотой, и Елеска с ним, ещё мальчиком, прошёл всю Колву. Били они и рябчика, и белку, и курицу[1], и оленя, и медведя,— что попадёт. Из дому уходили недели на две, на три.

Потом Елеска вырос, женился и зажил своим домом в Чалпане, а сам попрежнему промышлял охотой. Стала потихоньку у Елески подрастать своя семья — два мальчика да девочка; славные ребятки росли и были бы отцу подмогой на старости лет. Но в холерный год семья Елески вымерла...

Случилось это горе осенью, когда он ушёл с артелью других охотников в горы за оленями. Ушёл он семейным человеком, а вернулся бобылём[2]. Тогда половина народу в Чалпане вымерла; холера пришла на Колву с Камы, куда уходили на сплавы чалпанские мужики. Они и занесли с собой страшную болезнь, которая косила людей, как траву.

Долго горевал Елеска, но второй раз не женился: поздно было вторую семью заводить. Так он и остался бобылём и пуще прежнего занялся охотой.

В лесу было весело, да и привык уж очень к такой жизни Елеска. Только и тут стряслась с ним великая беда. Обошёл он медвежью берлогу, хорошего зверя подглядел и уже вперёд рассчитал, что в Чердыне за медвежью шкуру получит все пять рублей. Не в первый раз выходил на зверя с рогатиной да с ножом, но на этот раз сплоховал: поскользнулась у Елески одна нога, медведь насел на него. Рассвирепевший зверь обломал охотника насмерть, а лицо сдвинул ударом лапы на сторону.

Едва приполз Елеска из лесу домой, и здесь свой знахарь лечил его целых полгода; остался жив, а только сделался уродом. Не мог далеко уходить в лес, как прежде, когда ганивал сохатого[3] на лыжах вёрст по семидесяти, не мог промышлять наравне с другими охотниками,— одним словом, пришла беда неминучая.

---

[1] Ку́рицей здесь называется куропатка.
[2] *Бобы́ль* — одинокий человек.
[3] *Соха́тый* — лось.

В своей деревне делать Елеске было нечего, кормиться мирским подаянием не хотел, и отправился он в город Чердынь, к знакомым купцам, которым раньше продавал свою охотничью добычу. Может, место какое-нибудь отыщут Елеске богатые купцы. И нашли.

— Бывал на волоке с Колвы на Печору? — спрашивали его промышленники.— Там на реке Студёной зимовье,— так вот тебе быть там сторожем. Вся работа только зимой: встретить да проводить обозы, а там гуляй себе целый год. Харч мы тебе будем давать, и одежду, и припас всякий для охоты — поблизости от зимовья промышлять можешь.

— Далеконько, ваше степенство...— замялся Елеска.— Во все стороны от зимовья вёрст на сто жилья нет, а летом туда и не пройдёшь.

— Уж это твоё дело, выбирай из любых: дома голодать или на зимовье барином жить.

Подумал Елеска и согласился, а купцы высылали ему и харч и одежду только один год. Потом Елеска должен был покупать всё на свои деньги от своей охоты и рыбной ловли на зимовке.

Так он и жил в лесу. Год шёл за годом...

III.

До обоза, пока реки ещё не стали, старик успел несколько раз сходить на охоту.

Боровой рябчик поспел давно. Обозный приказчик всегда покупал у старика рябчиков с особым удовольствием, потому что из этих мест шёл крепкий и белый рябчик, который долго не портился, а это всего важнее, потому что убитые на Студёной рябчики долетали до Парижа. Их скупали купцы в Чердыне, а потом отправляли в Москву, а из Москвы рябчиков везли громадными партиями за границу.

Старик на двадцать вёрст от своей избушки знал каждое дерево и с лета замечал рябиные выводки: где они высиживались, паслись и кормились. Когда выводки поспевали, он знал, сколько штук в каждом, но для себя не прочил ни одного, потому что это был самый дорогой товар и он получал за него самый дорогой припас — порох и дробь.

Нынешняя охота посчастливилась необыкновенно, так что старик заготовил пар тридцать ещё до прихода обоза и боялся

только одного, как бы не ударила ростепель. Редко случалась такая ростепель на Студёной, но могла и быть.

— Ну, теперь мы с тобой на припас добыли! — объяснял старик собаке, с которой всегда разговаривал, как с человеком.— А пока обоз ходит с хлебом на Печору, мы и харч себе обработаем... Главное — соли добыть побольше. Ежели бы у нас с тобой соль была, так богаче нас не было бы вплоть до самой Чердыни.

О соли старик постоянно говорил: «Ах, кабы соль была,— не житьё, а рай». Теперь он рыбу ловил только для себя, а остальную сушил,— какая цена такой сушёной рыбе? А будь соль, тогда бы он рыбу солил, как печорские промышленники, и получал бы за неё вдвое больше, чем теперь. Но соль стоила дорого, а запасать её приходилось бы пудов по двадцати,— где же такую уйму деньжищ взять, когда с грехом пополам хватало на харч да на одежду.

Особенно жалел старик, когда летним делом, в петровки, убивал оленя: свежее мясо портится скоро,— два дня поешь оленины, а потом бросай! Сушёная оленина — как дерево.

Стала и Студёная. Горная холодная вода долго не замерзает, а потом лёд везде проедается полыньями. Это ключи из земли бьют. Запасал теперь старик и свежую рыбу, которую можно было сейчас морозить, как рябчиков. Лиха беда в том, что времени было мало. Того и гляди, что подвалит обоз.

— Скоро, Музгарко, харч к нам придёт.

...Хлеб у старика вышел ещё до заморозков, и он подмешивал к остаткам ржаной муки толчёную сухую рыбу. Есть одно мясо или одну рыбу было нельзя. Дня через три так отобьёт, что потом в рот не возьмёшь...

Обоз пришёл совершенно неожиданно. Старик спал ночью, когда заскрипели возы и послышался крик:

— Эй, дедушка, жив ли? Принимай гостей. Давно не видались!

Старика больше всего поразило то, что Музгарко прокараулил дорогих, жданных гостей. Обыкновенно он чуял их, когда обоз ещё был версты за две, а нынче не слыхал. Он даже не выскочил на улицу, чтоб полаять на лошадей, а стыдливо спрятался под хозяйскую лавку и не подал голоса.

— Музгарко, да ты в уме ли? — удивился старик.— Проспал обоз! Ах, нехорошо!

Собака выползла из-под лавки, лизнула его в руку и опять скрылась: она сама чувствовала себя виноватой.

— Эх, стар стал: нюх потерял,— заметил с грустью старик.— И слышит плохо на левое ухо.

Обоз состоял возов из пятидесяти. На Печору чердынские купцы отправляли по первопутку хлеб, соль, разные харчи и рыболовную снасть, а оттуда вывозили свежую рыбу. Дело было самое спешное, чтобы добыть печорскую рыбу раньше других,— шла дорогая печорская сёмга. Обоз должен сделать трудную путину в две недели, и ямщики спали только во время кормёжек, пока лошади отдыхали. Особенно торопились назад — тогда уж и спать почти не приходилось.

А дорога через волок была трудная, особенно горами. Дорога скверная, каменистая, сани некованые, а по речкам везде наледи да промоины. Много тут погублено хороших лошадей, а людям приходилось работать, как нигде: вывозить воза в гору на себе, добывать их из воды, вытаскивать из раскатов. Только одни колвинские ямщики и брались за такую проклятую работу, потому что гнала на Печору горькая нужда.

В зимовье на Студёной обоз делал передышку: вместо двухчасовой кормёжки лошади здесь отдыхали целых четыре. Казарму старик подтопил заранее, и ямщики, пустив лошадей к корму, завалились спать на деревянных нарах ямщичьим мёртвым сном. Не спал только молодой приказчик, ещё в первый раз ехавший на Печору. Он сидел у старика в избушке и разговаривал.

— И не страшно тебе в лесу, дедушка?

— А чего бояться? Привычное наше дело. В лесу выросли.

— Да как же не бояться: один в лесу...

— А у меня пёсик есть. Вот вдвоём и коротаем время. По зимам вот волки одолевают, так он мне вперёд сказывает, когда придут они в гости. И дошлая [1]: сама подманивает волков. Они бросятся за ней, а я их из ружья. Умнеющая собака: только не скажет, как человек. Я с ней всегда разговариваю, а то, пожалуй, и говорить разучишься.

— Откуда же ты такую добыл, дедушка?

— Давно это было, почитай годов десять. Вот по зиме, этак перед рождеством, выслеживал я в горах лосей. Была у меня собачка, ещё с Колвы привёз. Ну, ничего, правильный пёсик: и зверя брал, и птицу искал, и белку — всё как следует. Только иду я с ним по лесу, и вдруг вот этот Музгарко прямо как выскочит на меня. Даже испугал. Не за обычай это у наших промысло-

[1] *Дóшлая* — догадливая, опытная.

вых собак, чтобы к незнакомому человеку ластиться, как к хозяину, а эта так прямо ко мне и бросилась.

Вижу, что дело как будто неладно. А он этак смотрит на меня, умненько таково, а сам ведёт всё дальше. И што бы ты думал, братец ты мой, ведь привёл! В логовинке этак вижу шалашик из хвои, а из шалашика чуть пар.

Подхожу. В шалашике вогул лежит, болен, значит, и от своей артели отстал. Пряменько сказать, помирал человек. На охоте его ухватила немочь, другим-то не ждать. Увидал меня, обрадовался, а сам едва уже языком ворочает. Больше всё руками объяснял. Вот он меня и благословил этим пёсиком. При мне и помер, сердяга, а я его закопал в снег, заволок хворостом да бревном придавил сверху, чтобы волки не съели. А Музгарко, значит, мне достался...

Это по речке я его и назвал, где вогул помирал: Музгаркой звать речку, ну, я собаку так же назвал. И умный пёсик... По лесу идёт, так после него хоть метлой подметай,— ничего не найдёшь. Ты думаешь, он вот сейчас не понимает, что о нём говорят? Всё понимает.

— Зачем он под лавкой-то лежит?

— А устыдился, потому обоз прокараулил. Стар стал... Два раза меня от медведя ухранял: медведь-то на меня, а он его и остановил. Прежде я с рогатиной ходил на медведя, когда ещё в силе был, а как один меня починил, ну, я уже из ружья норовлю его свалить. Тоже его надо умеючи взять: смышлястый зверь.

— Ну, а зимой-то, поди, скучно в избушке сидеть?

— Привычное дело...

Славный этот приказчик, молодой такой, и всё ему надо знать. Елеска обрадовался живому человеку и всё рассказывал про свою одинокую жизнь в лесу.

— У меня по весне праздник бывает, милый человек, когда с тёплого моря птица прилетит. И сколько её летит: туча. По Студёной-то точно ей насыпано... Всякого сословия птицы: и утки, и гуси, и кулики, и чайки, и гагары. Выйдешь на заре, так стон стоит по Студёной. И нет лучше твари, как перелётная птица. Большие тыщи вёрст летит, тоже устанет, затощает и месту рада. Прилетела, вздохнула денёк и сейчас гнездо налаживает. А я хожу и смотрю.

И как наговаривают! Слушаешь, слушаешь, инда слеза проймёт. Любезная тварь — перелётная птица... Я её не трогаю. А как

гнёзда она строит, человеку так не састроить. А потом матки с выводками на Студёную почнут выплывать... Красота, радость... Плавают, полощутся, гогочут...

Неисчерпаемо здесь перелётной птицы. Праздником всё летечко прокатится, а к осени начнёт птичка грудиться [1] стайками: пора опять в дорогу. И собираются, как люди. Лопочут по-своему, суетятся, молодых учат, а потом и поднялись. Ранним утром снимаются с места; вожак в голове летит. Ан есть и такие, которые остаются: здоровьем слаба выйдет или поздныши выведутся. Жаль на них глядеть. Кричат, бедные, когда мимо них стая за стаей летит. На Студёной всё околачиваются. Плавают-плавают, пока забереги настынут, потом в полыньях кружатся. Ну, этих уж я из жалости пришибу. Што ей маяться-то, всё равно сгибнет. Лебеди у меня тут в болоте гнёзда вьют. Всякой твари своё произволенье, свой предел...

Одного только у меня нехватает, родной человек: который год прошу ямщиков, чтобы петушка мне привезли. Зимой-то ночи долгие, конца нет, а петушок-то и сказал бы, который час на дворе.

— В следующий раз я тебе привезу самого горластого, дедушка.

— Ах, родной, то-то уважил бы старика! Втроём бы мы тут как зажили! Скучно, когда по зимам мёртвая тишь встанет, а тут бы петушок, глядишь, и взвеселил. Тоже не простая тваринка, петушок-то: другой такой нет, чтобы часы сказывала...

...Приказчик оставил старому Елеске и муки, и соли, и новую рубаху, и пороху, а на обратном пути с Печоры привёз подарок.

— Я тебе часы привёз, дедушка,— весело говорил он, подавая мешок с петухом.

— Ах, кормилец, ах, родной! Да как я тебя благодарить буду?

Ушёл обоз в обратный путь, и остался старик с петушком. Радости-то сколько! Пёстренький петушок, гребешок красненький — ходит по избушке, каждое пёрышко играет. А ночью как гаркнет... То-то радость и утешение! Каждое утро стал Елеска теперь разговаривать со своим петушком, а Музгарко их слушает.

— Что, завидно тебе, старому? — дразнит Елеска собаку.— Только твоего и ремесла, что лаять. А вот ты по-петушиному спой!

---

[1] *Грýдиться* — собираться вместе.

Заметил старик, как будто заскучал Музгарко. Понурый такой ходит. Неможется что-то собаке. Должно полагать, ямщики сглазили.

— Музгарушка, да что это с тобой попритчилось? Где болит?

Лежит Музгарко под лавкой, положив голову между лапами, только глазами моргает. Всполошился старик: накатилась беда неожиданная. А Музгарко всё лежит, не ест, не пьёт и голосу не подаёт.

— Музгарушка, милый!

Вильнул хвостом Музгарко, подполз к хозяину, лизнул руку и тихо взвыл. Ох, плохо дело!

IV.

Ходит ветер по Студёной, наметает сажённые сугробы снега, завывает в лесу, точно голодный волк, а избушка Елески совсем потонула в снегу. Торчит без малого одна труба, да бьётся из неё синяя струйка дыму...

Воет пурга [1] уже две недели. Две недели не выходит из своей избушки старик и всё сидит над больной собакой. А Музгарко лежит и едва дышит: пришла Музгаркина смерть.

— Кормилец ты мой...— плачет старик и целует верного друга.— Родной ты мой... Ну, где болит?

Ничего не отвечает Музгарко, как раньше. Он давно почуял свою смерть и молчит... Плачет, убивается старик, а помочь нечем: от смерти лекарства нет.

Ах, горе какое лютое привалилось!

С Музгаркой умерла последняя надежда старика, и ничего, ничего не оставалось для него, кроме смерти. Кто теперь будет искать белку, кто облает глухаря, кто выследит оленя? Смерть без Музгарки, ужасная, голодная смерть. Хлебного припасу едва хватит до Крещенья, а там помирать... Воет пурга, а старик вспоминает, как жил он с Музгаркой, как ходил на охоту и промышлял себе добычу. Куда он без собаки! А тут ещё волки... Учуяли беду, пришли к избушке и завыли. Целую ночь так-то выли, надрывая душу. Некому теперь пугнуть их, облаять, подманить на выстрел.

Вспоминался старику случай, как одолевал его медведь-шатун. Шатунами называют медведей, которые во-время не залегли с осени в берлогу и бродят по лесу. Такой шатун — самый

---

[1] *Пургá* — снежный буран, метель.

опасный зверь. Вот и повадился медведь к избушке: учуял запасы у старика. Как ночь, так и придёт. Два раза на крышу залезал и лапами разгребал снег. Потом выворотил дверь в казарме и утащил целый ворох запасённой стариком рыбы. Донял-таки шатун Елеску до самого нельзя. Озлобился на него старик за озорство, зарядил винтовку пулей и вышел с Музгаркой. Медведь так и прянул на старика и, наверно, бы его смял под себя, прежде чем тот успел бы в него выстрелить, но спас Музгарко. Ухватил он зверя сзади и посадил, а Елескина пуля не знала промаха. Да мало ли было случаев, когда собака спасала старика.

Музгарко издох перед самым Рождеством, когда мороз трещал в лесу. Дело было ночью. Елеска лежал на своей лавочке и дремал. Вдруг его точно что кольнуло. Вскочил он, вздул огня, зажёг лучину, подошёл к собаке,— Музгарко лежал мёртвый. Елеска похолодел: это была его смерть.

— Музгарко, Музгарко...— повторял несчастный старик, целуя мёртвого друга.— Что я теперь делать буду без тебя?

Не хотел Елеска, чтобы волки съели мёртвого Музгарку, и закопал его в казарме. Три дня он долбил мёрзлую землю, сделал могилу и со слезами похоронил в ней верного друга.

Остался один петушок, который попрежнему будил старика ночью. Проснётся Елеска и сейчас вспомнит про Музгарку. И сделается ему горько и тошно до смерти. Поговорить не с кем. Конечно, петушок — птица занятная, а всё-таки птица ничего не понимает.

— Эх, Музгарко! — повторяет Елеска по нескольку раз в день, чувствуя, как всё начинает у него валиться из рук.

Бедным людям приходится забывать своё горе за работой. Так было и тут. Хлебные запасы приходили к концу, и пора было Елеске подумать о своей голове. А главное, тошно ему теперь показалось оставаться в своей избушке.

— Эх, брошу всё, пойду на Колву, а то в Чердынь проберусь,— решил старик.

Поправил он лыжи, на которых ещё молодым гонял оленей, снарядил котомку, взял запасу дней на пять, простился с Музгаркиной могилой и тронулся в путь. Жаль было петушка оставлять одного, и Елеска захватил его с собой: посадил в котомку и понёс. Отошёл старик до каменного мыса, оглянулся на своё жильё и заплакал: жаль стало насиженного, тёплого угла.

— Прощай, Музгарко...

Трудная дорога вела с зимовья на Колву. Сначала пришлось идти на лыжах по Студёной. Это было легко, но потом начались горы, и старик скоро выбился из сил. Прежде-то, как олень, бегал по горам, а тут на двадцати верстах обессилел. Хоть ложись и помирай... Выкопал он в снегу ямку поглубже, устлал хвоей, развёл огонька, поел, что было в котомке, и прилёг отдохнуть. И петушка закрыл котомкой... С устали он скоро заснул. Сколько он спал, долго ли, только проснулся от петушиного крика.

«Волки...» — мелькнуло у него в голове.

Но хочет он подняться и не может, точно кто его связал верёвками. Даже глаз не может открыть. Ещё раз крикнул петух и затих: его вместе с котомкой утащил из ямы волк. Хочет подняться старик, делает страшное усилие и слышит вдруг знакомый лай: точно где-то под землёй взлаял Музгарко. Да, это он... Ближе, ближе — это он по следу нижним чутьём идёт. Вот уже совсем близко, у самой ямы. Открывает Елеска глаза и видит: действительно Музгарко, а с Музгаркой тот самый вогул, первый его хозяин, которого он в снегу схоронил.

— Ты здесь, дедушка? — спрашивает вогул, а сам смеётся.

Дунул холодный ветер, рванул комья снега с высоких елей и пихт, и посыпался он на мёртвого Елеску; к утру от его ямки и следов не осталось.

Вопросы и задания.

1. Какова была жизнь Елески на Студёной (одиночество, трудность добывания пищи, охота, рыбная ловля)?
2. В чём состояла его служба на зимовье?
3. Как купцы обманули Елеску (подтвердить текстом)?
4. Какое значение имела собака в жизни старика? Как он добыл Музгарку?
5. Укажите случаи, когда Музгарко был его верным другом и спасителем.
6. Какое время года Елеска считал для себя праздником?
7. Отметьте шутливо-ласкательные слова Елески (*милый человек, правильный пёсик* и др.).
8. С каким ласковым и внимательным человеком из обоза он разговорился и как этот человек облегчил и скрасил его жизнь?
9. Почему смерть Музгарки была смертью старика?

Расскажите по следующему плану биографию Елески: а) жизнь в молодости; б) смерть близких; в) неудачная встреча с медведем; г) договор с купцами; д) жизнь на Студёной; е) значение Музгарки в жизни Елески; ж) гибель Елески.

Расскажите о жизни Музгарки.

Ночёвка в лесу.

П. Мельников-Печерский.

(ДЛЯ ПИСЬМЕННОГО ИЗЛОЖЕНИЯ.)

Путники решили ночевать. Лошадей выпрягли, задали им овса. Утоптали вокруг снег и сделали привал. Топоров оказалось два; работники начали сучья и валежник рубить, костры складывать вокруг привала и, когда стемнело, зажгли их.

Потап Максимыч вытащил из саней кожаный мешок, вынул из него хлеба, пирогов, капусты и медный кувшин с квасом. Поели путники и заснули крепким сном.

Но вот вдали, за версту или больше, заслышался вой; ему откликнулся другой, третий; вой всё ближе и ближе, смолк, и послышалось ворчание зверей, стук зубов.

— Волки...— боязливо прошептал Потап Максимыч, толкая в бок задремавшего Стуколова.

— А... Что?..— промычал, приходя в себя, Стуколов.— Что ты говоришь?

— Слышишь? Воют,— говорил смутившийся Потап Максимыч.

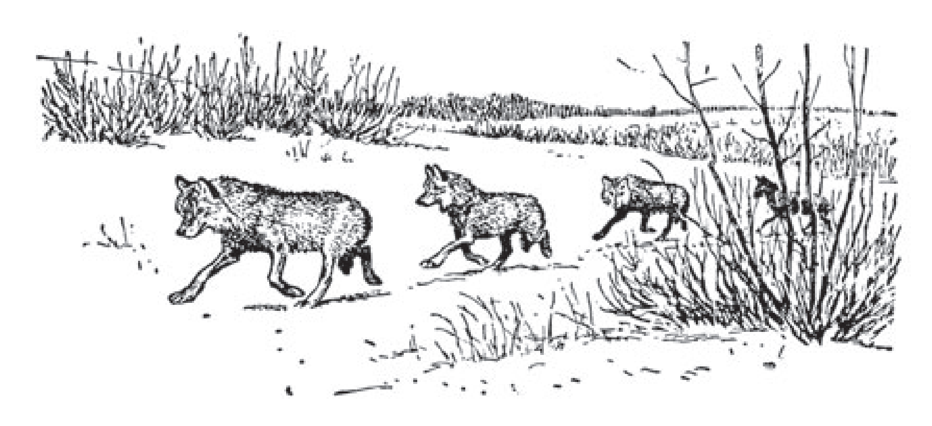
— Да, воют...— равнодушно ответил Стуколов.— Чуют мясо.

Зверей уже можно было видеть.

— Беда,— шопотом промолвил Потап Максимыч.

— Какая же беда? Никакой беды нет. А вот побольше огня надо. Эй, вы, ребята! — крикнул он работникам.— Проснись! Вали на костры больше.

Все встали и вместе навалили громадные костры. Огонь стал было слабее, но вот заиграли пламенные языки по хвое, и зарево разлилось пуще прежнего.

— Видимо-невидимо,— говорил Потап Максимыч, слыша со всех сторон волчьи голоса.

Теперь звери были видны уже хорошо.

Освещённые заревом, они сидели кругом, пощёлкивая зубами.

— Эх, ружья-то нет: пугнуть бы серых,— молвил Стуколов.

— Молчи ты, какое тут ружьё. Того и гляди сожрут...— тревожно говорил Потап Максимыч.

А волки всё близятся; было их до пятидесяти, если не больше. Смелость зверей росла с каждой минутой: не дальше как в ста саженях сидели они вокруг костров, щёлкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы с лакомым овсом, жались в кучу и, прядая ушами, тревожно озирались.

Без малого час времени прошёл, а путники всё ещё сидели в осаде. До света оставаться в таком положении было нельзя; тогда, пожалуй, и костры не помогут, да и нехватит заготовленного валежника и хвороста на поддержание огня.

Но Стуколов человек бывалый, недаром много ходил по белу свету. Когда волки были настолько близко, что до любого из них палкой можно было добросить, он расставил путников по местам и велел, по его приказу, разом бросать в волков из всей силы горящие лапы.

— Раз... два... три! — крикнул Стуколов. Выступив за костры, путники пустили по горящей лапе.

Завыли звери, но когда Стуколов, схватив огромную пылающую лапу, бросился с нею вперёд, волки порскнули [1] вдаль, и через несколько минут их не было слышно.

— Теперь не прибегут,— молвил Стуколов, надевая шубу и укладываясь в сани.

— Дошлый ты человек, Яким Прохорович,— молвил Потап Максимыч, когда опасность миновала.— Не будь тебя,— сожрали бы они нас.

Стуколов не отвечал... Завернувшись с головою в шубу, он заснул богатырским сном.

Вопросы и задание.

1. Почему Потап Максимыч называет Стуколова дошлым?
2. А вы что ещё можете добавить о нём?
3. Напишите изложение по плану: 1) Как путники готовились к ночёвке в лесу. 2) Приближение волков. 3) Костры. 4) Волков прогнали.

---

[1] *По́рскнули* — кинулись, быстро убежали.

Наступление на тайгу.

В. Ажаев.

Остров закрывала завеса утреннего густого тумана. Поднявшееся солнце ударило по нему золотыми мечами. Туман быстро рассеялся, растаял. Сначала, как в дымке, затем всё отчётливее и яснее проступила тайга.

Лишь прибрежная полоса земли была пока в руках строителей — на ней расположились они, как на отвоёванном участке, со всеми завезёнными сюда материалами, трубами, механизмами, запасами продовольствия.

За площадкой сразу начинался лес.

Он стоял мощной стеной, словно вышел людям навстречу, чтобы померяться с ними силами и не пустить их дальше. Деревья росли в несколько ярусов. Всех выше были стройные лиственницы и ясень, пониже — берёзы, кедры и ельник. В самом нижнем ярусе разросся кустарник. В целом это была единая, дикая, тесно сплетённая преграда из стволов и ветвей. Тайга угрюмо и настороженно молчала, как бы выжидая, что станут делать пришельцы дальше.

По льду нескончаемо шли машины с людьми. Царапая лёд гусеницами, ползли огромные тракторы с мощными бульдозе-

рами — стальными острыми плугами. Голоса людей и моторов сливались в одну грозную воинственную музыку штурма.

Первыми на тайгу двинулись двумя колоннами тракторы. Одну из колонн возглавлял Силин, другую — Ремнёв.

— Танки, вперёд! — озорно кричал Силин, блестя чёрными маленькими глазами.

Проскочив береговую площадку, его трактор, не останавливаясь, с ходу ударил острым углом бульдозера в ствол большой лиственницы, стоявшей впереди, словно на страже... Мотор угрожающе взревел, вся машина в напряжении затряслась. Это длилось мгновение, и дерево подалось, накренилось, упало, подломленное под корень. Трактор сделал рывок, смял кустарник, наскочил на следующее дерево, легко срезал и его. За трактором Силина, чуть левее, следовал второй, ещё чуть левее — третий... четвёртый... пятый... Колонна, ведомая Ремнёвым, шла таким же порядком в нескольких метрах влево от первой.

Рычали тракторы, оглушительно трещали, падая, деревья. Будто дымом сражения, лес окутался взметнувшейся в воздух снежной пылью. Тайга встревоженно гудела. Силин с пылающим от азарта и одушевления лицом оглядывался назад и кричал:

— Так её, тайгу!.. Вот... Врёшь, поддашься!.. Не устоишь... Вот так! Круши её, Силин!

Возле весёлого Беридзе топтался нивх[1] Никифор; он снова наведался к строителям в гости. Втянув голову в плечи и от этого сделавшись ещё меньше, он испуганно глядел на могучие машины, под напором которых падала громада леса. Олени с храпом рвались из рук нивхов, приехавших вместе с Никифором.

— Товарис,— дёрнул Никифор за рукав главного инженера.— Нельзя так тайга мять. Он злой — будет отомсти. Надо маленько оставляй деревья.

— Оставим маленько, хватит и тебе, и внукам твоим,— рассеянно отвечал Беридзе.

Машины скрылись из виду, но ещё можно было следить за ними по тому, как всё дальше и дальше, будто гигантским ножом, надвое рассекалась тайга.

Силин рвался вперёд. Его громадная, пышущая жаром, похожая на танк, машина вдруг ухнула в какую-то яму. Послы-

---

[1] *Нивхи* — народность, живущая в низовьях Амура и на Сахалине.

шался раздирающий звериный рёв. Тракторист наехал на медвежью берлогу; над поверженными деревьями поднялся большой бурый медведь, воздел кверху, как бы грозя своему погубителю, мохнатые лапы и рухнул.

— Скажи, какая беда: гусеницами мишку раздавил! Не попадайся под горячую руку! — воскликнул Силин, наклоняясь всем телом вперёд, как бы грудью своей желая сойтись с выросшей на пути непроходимой чащобой.

Хозяева тайги ещё не понимали, что они должны покориться человеку без сопротивления. На шум из зарослей выбежали целым стадом кабаны — они брели невдалеке, видимо, в поисках корма под снегом. Завидя несущееся на них гремящее чёрное чудовище, они замерли, насторожили уши, злобно захрюкали, задвигали челюстями и вдруг, к удивлению Силина, бросились навстречу.

— Какие герои! — сказал Силин.

В тайге образовалась широкая просека. Поваленные деревья с вывороченными разлатыми корнями хаотически загромождали её.

И не затих ещё рокот ворвавшихся в тайгу тракторов, как просеку заполнили люди и начали расчищать её под строительную площадку. Бригады лесорубов зазвенели топорами и пилами, готовя впрок брёвна для устройства накатной летней дороги и для столбов связи. Над просекой вспорхнула песенка Фантова и Шубина:

Лесорубы, отточите топоры. Раз... два...
Помахайте до вечерней до поры. Раз... два...
А когда придёт вечерняя пора. Раз... два...
Вы пойдите, отдохните до утра. Раз... два...

Плотники и с ними сварщики, подрывники ставили палатки. Полотняный городок рос на глазах.

Вопросы.

1. С какой целью приехали на остров люди?
2. Какое препятствие стояло перед строителями?
3. Как повели себя перед этим препятствием трактористы?
4. Как отнеслись к штурму тайги её обитатели и местный житель Никифор?
5. Как относился к прорубке просеки Силин?

Весна.

А. Пушкин.

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Вопросы и задания.

1. Какие изменения в природе описывает Пушкин в стихотворении?
2. Что говорит поэт о пробуждении деревьев, насекомых и птиц?
3. Почему весна названа «утром года»?

Найдите в стихотворении сравнения.

Объясните выражения: *вешними лучами, за данью полевой, из кельи восковой, в безмолвии ночей.*

Выучите стихотворение наизусть.

Весной.

А. Чехов.

С земли ещё не сошёл снег, а в душу уже просится весна. Если вы когда-нибудь выздоравливали от тяжёлой болезни, то вам известно блаженное состояние, когда замираешь от смутных предчувствий и улыбаешься без всякой причины. Повидимому, такое же состояние переживает теперь и природа.

Земля холодная, грязь со снегом хлюпает под ногами, но как кругом всё весело, ласково, приветливо! Воздух так ясен и прозрачен, что если взобраться на голубятню или на колокольню, то, кажется, увидишь всю вселенную от края до края. Солнце светит ярко, и лучи его, играя и улыбаясь, купаются в лужах вместе с воробьями. Речка надувается и темнеет; она уже проснулась и не сегодня-завтра заревёт. Деревья голы, но уже живут, дышат.

В такое время хорошо гнать метлой или лопатой грязную воду в канавах, пускать по воде кораблики или долбить каблу-

ками упрямый лёд. Хорошо также гонять голубей под самую высь поднебесную или лазить на деревья и привязывать там скворешни.

Да, всё хорошо в это счастливое время года.

Весна.

Е. Баратынский.

Весна, весна! Как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.
Весна, весна! Как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!
Шумят ручьи, блестят ручьи!
Взревев, река несёт
На торжествующем хребте
Поднятый ею лёд!
Ещё древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен, и душист.
Под солнце самое взвился
И, в яркой вышине
Незримый, жаворонок поёт
Заздравный гимн весне.

Задания.

1. Напишите сочинение на одну из тем:
1) Половодье.
2) Прилёт птиц.
3) Расцвет природы.

2. Прочитайте ещё раз стихотворения о весне и отметьте, как сказано в них: а) о весеннем солнце; б) о таянии снегов; в) о пробуждении насекомых; г) о первых цветах; д) о деревьях; е) о пении птиц.

Пользуйтесь образными выражениями стихотворений, когда будете писать сочинение.

Вскрытие реки.

С. Аксаков.

(для письменного изложения.)

С крыльца нашего дома была видна река Белая, и я с нетерпением ожидал, когда она вскроется. И, наконец, пришёл этот желанный день и час. Торопливо заглянул Евсеич в мою детскую и тревожно-радостным голосом сказал: «Белая тронулась!» В одну минуту, тепло одетый, я уже стоял на крыльце и жадно следил глазами, как шла между неподвижных берегов огромная полоса синего, тёмного, а иногда и жёлтого льда. Далеко уже уплыла

поперечная дорога, и какая-то несчастная чёрная корова бегала по ней, как безумная, от одного берега до другого. Стоявшие около меня девушки и женщины сопровождали жалобными восклицаниями каждое неудачное движение бегающего животного, рёв которого долетал до моих ушей, и мне стало очень его жалко. Река на повороте загибалась за крутой утёс,— и скрылись за ним дорога и бегающая по ней чёрная корова.

Вдруг две собаки показались на льду, но их суетливые прыжки возбудили не жалость, а смех в окружающих меня людях: все были уверены, что собаки не утонут, а перепрыгнут или переплывут на берег. Я охотно этому верил и, позабыв бедную корову, сам смеялся вместе с другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожидание и скоро перебрались на берег.

Через час я увидел новую, тоже невиданную мною картину: лёд трескался, ломался на отдельные глыбы; вода всплёскивалась между ними; они набегали одна на другую, большая и крепкая затопляла слабейшую, а если встречался сильный упор, то поднималась одним краем вверх, иногда долго плыла в таком положении; иногда обе глыбы разрушались на мелкие куски и с треском погружались в воду. Глухой шум, похожий по временам на скрип или отдалённый стон, явственно долетал до наших ушей.

Полюбовавшись несколько времени этим величественным зрелищем, я воротился к матери и долго с жаром рассказывал ей всё, что видел.

С этого дня Белая сделалась постоянным предметом моих наблюдений.

Задание.

Составьте план рассказа и напишите изложение.

Москва майская.

В. Лебедев-Кумач.

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля.
Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.

С добрым утром, милый город,
Сердце родины моей!
Май течёт рекой нарядной
По широкой мостовой,
Льётся песней необъятной
Над красавицей Москвой.

На берегу пустынных волн.

А. Пушкин.

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца [1];
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.
И думал он:
Отсель [2] грозить мы будем
шведу,
Здесь будет город заложён
На зло надменному [3] соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно;
Ногою твёрдой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Вопросы и задания.

1. О ком говорится в этом стихотворении?
2. Где это было? Какой город решил заложить на новом месте Пётр I?
3. Каких «дум великих полн» был Пётр I?
4. Что означает выражение *здесь нам суждено в Европу прорубить окно?*

Прочитайте описание вида, расстилающегося перед взором Петра. Нарисуйте к стихотворению словами картину, употребляя выражения и слова Пушкина.

Выучите стихотворение наизусть.

---

[1] *Чухóнец* — старое пренебрежительное название финна.
[2] *Отсéль* — отсюда.
[3] *Надмéнный* — самодовольный.

Михаил Васильевич Ломоносов.

На одном из островов по Северной Двине, в Архангельской губернии, расположилась деревня Денисовка.

В 1711 г. в этой деревне, в семье рыбака, родился сын. Мальчик этот был Михаил Васильевич Ломоносов. Он впоследствии стал известным учёным и поэтом.

Хорошо жилось Михаилу Васильевичу, пока он был ребёнком и пока была жива его мать. Рос он сильным, бойким, здоровым мальчиком. Жизнь его была наполнена детскими забавами: то он носится по деревне с другими мальчишками, то в бабки играет, то рыбу ловит. Но и тогда он уже выделялся среди своих сверстников своей наблюдательностью. Играет он иной раз с ребятами и вдруг среди весёлой игры остановится как вкопанный. Не поймут ребята, что с Мишей. Кажется, ничего не случилось особенного. А Миша уставился на падающие звёздочки снега и глаз

от них оторвать не может. Кто так чудно вырезал эти звёздочки? Отчего они падают из тучи? Отчего они, падая на руку, становятся водой? Как попала вода в тучу?.. Всё, мимо чего ни пройдёт мальчик, всё останавливает его внимание, всё занимает его. Буря, блеск молнии, звёзды, свет солнца, насекомые — всё вызывает в его детской головке бесчисленные вопросы, с которыми он обращается к отцу, к матери. Но родители его — люди тёмные: ничего объяснить ему не могут.

— Будешь учиться грамоте, из книжек всё узнаешь,— говаривала часто мать, лаская Мишу. И мальчик с нетерпением ждал того времени, когда можно будет всё узнать.

Вот, наконец, отдал отец Мишу учиться к крестьянину Ивану Шубному. Быстро научился мальчик читать, чем возбуждал зависть во многих своих сверстниках.

— Весной пойдёшь со мной в море,— сказал отец Михаилу.

На промысел уходили тогда почти все мальчики в десять-двенадцать лет. Уйдя с отцом в море, Михаил Ломоносов ко всему присматривался.

Про отца Михаила Ломоносова говорили, что он в рыбной ловле удачлив. А был он удачлив потому, что хорошо знал жизнь моря.

— На сей неделе треска близко к берегу не подойдёт,— говорил Василий Дорофеевич.

— Отчего? — спрашивал Михаил.

И отец объяснял ему, куда в такую погоду рыба должна направиться, чтобы найти хороший корм.

— Следи, куда чайка летит. Чайка — наш брат, рыбак,— говорил отец.

И он объяснял сыну, как, наблюдая за полётом морских птиц, можно проследить ход рыбы.

Мальчик был понятлив. Ему не нужно было повторять два раза одно и то же. Он запоминал сразу и навсегда.

Когда начинался лов, на судне было много работы. Мальчики помогали ставить и вытаскивать сети.

Михаил привыкал не поддаваться усталости. Особенно трудно бывало во время шторма в открытом море. Маленькое судно то взлетало вверх, то летело вниз... Волны перехлёстывали через борт, и мальчики должны были непрерывно вычерпывать воду. Широко расставив ноги, чтобы не упасть, Михаил целые часы проводил в упорной работе.

— Море упрямо. Ежели его не переупрямишь — пропадёшь,— говорил отец.

С каждым месяцем плавания в душе мальчика вырастало упорство. Оно росло незаметно. Чем труднее было дело, за которое приходилось браться, тем настойчивее доводил он его до конца.

В четырнадцать лет Ломоносов стал высоким, сильным и смелым подростком.

Но вот Ломоносов узнаёт, что один крестьянин привёз какие-то новые книги. Тотчас же отправляется он к нему. Больших трудов стоило ему упросить крестьянина дать ему книги. Не чувствуя под собою ног от радости, прибежал он домой и спрятал книги на дно своего ящика. Он знал, что отец не одобряет его стремления к чтению. В особенности же мачеха (в то время он уже лишился матери, и отец был женат во второй раз) нападала на него за чтение и часто отнимала у него книги. Поэтому мальчику иногда приходилось ждать, пока все в доме заснут, и тогда он мог приступить к своему любимому занятию.

Так и на этот раз дождался он ночи и стал читать новые книги и просидел над ними до рассвета.

Слышал Ломоносов от своего бывшего учителя, что в Москве есть школы, где всему учат и даже иностранным языкам. Мысль о Москве, где многому можно научиться, глубоко запала в душу Ломоносова. Шёл ли он с отцом на промысел, делал ли что-нибудь по хозяйству дома,— всё думалось ему о том, как бы пробраться в Москву, как бы попасть там в школу.

Но вот минуло Михаилу 16 лет, и мачеха стала говорить отцу, что пора Михаила женить, помощницу в дом брать. Отец завёл с сыном речь о женитьбе, но Михаил чуть не заплакал и высказал отцу свою сокровенную мысль, что ему учиться хочется и что не лежит его душа к крестьянской жизни. Тут напали на него и мачеха, и отец. Долго бранили его.

Михаил же Васильевич всё продолжал думать о Москве и решил переговорить с отцом.

Василий Дорофеевич не сразу его понял.

— Какого ещё тебе учения надобно? Лёгкой жизни захотел? — спросил он сурово.

Отец долго говорил с сыном и долго думал. Он знал, что Михаил настойчив. Раз задумал уйти, его не своротишь. Если не пустишь, уйдёт сам. Тогда, пожалуй, назад не вернётся.

«И пускать нельзя и не пускать нельзя»,— думал Василий Дорофеевич.

Он решил не мешать сыну, но и не снабжать его деньгами для жизни в городе.

Михаил стал собираться в путь.

Нельзя было пускаться в путь, не имея ни копейки. Помог Шубной: дал три рубля. Долго жить на такие деньги в Москве было невозможно. Михаил выехал из Холмогор с рыбным обозом.

С обозом добрался он до Москвы. Радостно забилось сердце Ломоносова, и слёзы появились на глазах, когда открылась перед ним Москва. Однако в Москве ему некуда было деться, и он провёл первую ночь в санях у рыбного ряда.

Рано утром в рыбный ряд случайно пришёл земляк Ломоносова. Он приютил у себя Михаила Васильевича и вскоре, при помощи одного знакомого, определил его в Заиконоспасское училище при монастыре.

Трудно приходилось Ломоносову в Москве.

Вот что писал он впоследствии о своей жизни в Москве своему другу:

«...Имея один алтын [1] в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. А школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришёл латыни учиться!»

Но за своими занятиями забывал Ломоносов и свою бедность, и насмешки товарищей, которых он вскоре обогнал, пройдя в один год курс трёх классов.

Ко времени окончания Ломоносовым училища в Заиконоспасский монастырь пришло из Петербурга требование о высылке из училища двенадцати лучших учеников во вновь образованную гимназию при петербургской Академии наук.

Вызывались ученики для изучения физики и химии. Конечно, Ломоносов оказался в числе двенадцати и с радостными надеждами отправился в Петербург.

В Петербурге Ломоносов пробыл недолго. Вместе с двумя товарищами он был отправлен учиться за границу.

---

[1] *Алты́н* — три копейки.

С обычным старанием принялся он за занятия. Профессор в своих письмах в академию давал похвальные отзывы о талантах и занятиях будущего учёного.

8 июля 1741 г. возвратился Ломоносов в Петербург. Радостно билось его сердце при виде родной земли. Он любил Россию.

Вернулся Ломоносов в Россию с богатым запасом знаний. Но самым любимым занятием Ломоносова были естественные науки, которым он посвящал всё своё свободное время.

Он написал исследования о происхождении электричества, о молнии, о зарнице, о северном сиянии, о происхождении гор, где искать руду металлов, о возможности угадывать погоду. Он также писал стихи, работал над грамматикой русского языка.

Ломоносов принимал живейшее участие в основании Московского университета, где первыми учителями являлись его ученики. Он не забывает и начальных училищ, сознавая необходимость образования для всего русского народа.

Много поработал Ломоносов на пользу русского народа, и память о нём останется вечной во всех концах нашей родины.

Вопросы и задания.

1. Какие черты характера развивались и укреплялись с детства у Ломоносова?
2. Какие явления природы поражали Ломоносова?
3. Почему он стремился в Москву?
4. Как учился Ломоносов?
5. С какими знаниями вернулся Ломоносов из чужих стран на родину?

Перечислите заслуги Ломоносова перед родиной.

Составьте самостоятельно план и подготовьтесь к рассказыванию статьи.

Полководец Суворов.

С. Григорьев.

I. Детские годы.

Отец Суворова Василий Иванович был небогатый помещик. Лето он с семьёй проводил в деревне. Для Александра здесь было приволье: лес, луг, река. Незаметно проходил день. Ложились рано. Однажды после ужина Александр по лестнице поднялся в свою комнату, лёг в постель.

Когда в доме затихло, он встал, взял огарок толстой восковой

свечи, зажёг его, потом из-под подушки достал книгу и стал читать. Это была любимая книга Александра про древнего полководца Ганнибала. С восторгом он читал, как Ганнибал с большим войском перешёл через Альпийские горы и напал на римлян. Всю ночь читал Александр.

Настало утро. Послышался рожок пастуха. Заскрипели двери. Дом пробуждался. Александр оторвался от книги, погасил свечу, быстро оделся и вышел во двор.

В избе, где жили дворовые, топилась печь. Стряпка пекла оладьи.

— Анисья, дай оладышек!

— Бери прямо со сковороды,— ответила она.

Оладышки обжигали пальцы.

Александр разрывал их на части и жевал. Потом побежал к конюшне и вывел своего любимого жеребчика, которого называл Шермак, вскочил на него и понёсся вихрем со двора.

— Александр! Куда?.. Не кормя коня? — крикнул отец, выходя на крыльцо, но мальчик не слышал.

Жеребчик нёсся через деревню, разогнал гусей, пересёк поле и спустился к реке. Река была глубокая. Седок понукал коня; наконец, конь поплыл на другой берег. Солнце было уже высоко, когда Александр возвратился домой.

Во дворе стояла тройка чужих лошадей, ела овёс. Дворовые, одетые в праздничные кафтаны, суетились. На крыльце сына поджидала мать.

— Матушка, кто это у нас? — спросил Александр.

— К нам приехал Ганнибал... он уже генерал,— ответила она.

— Ганнибал?.. Что ты сказала, матушка?.. верно, смеёшься надо мной. Какой он из себя?

— Чёрный, губы алые, зубы белые... самый настоящий негр. Идём одеваться.

Мать привела сына в комнату и нарядила его в башмаки с пряжками, белые панталоны, зелёный кафтанчик с золотыми пуговицами.

Александр был как во сне. Он любил сказки, а разве не сказка, что приехал полководец Ганнибал.

— Матушка, слышь ты, Ганнибал-то ведь давно умер, чуть не две тысячи лет тому назад.

— Сказки,— ответила мать,— идём, увидишь живого своими глазами, да веди себя учтиво.

Мать и сын вошли в комнату. За столом сидел важный старик с трубкой в зубах. На голове был напудренный парик по моде того времени. Отец обратился к гостю:

— А вот, отец и благодетель мой, изволь взглянуть на моего недоросля [1].

Александр не двигался с места. Лицо его выражало удивление.

— Подойди, будь вежлив,— шептала мать.

— Вы, сударь, Ганнибал? — наконец, спросил он.

— Не гневайся, Василий Иванович, на сына,— сказал гость,— не то что дети, но и взрослые видом моим бывали смущены. Что делать, если я чёрен? Сынок знает полководца Ганнибала, а про меня не слыхал.

— А почему, сударь, вы Ганнибалом прозываетесь?

— Быть мне Ганнибалом — воля царя Петра, моего воспитателя. Он так назвал меня в ожидании, что я совершу военные подвиги. Царь посылал меня за границу учиться, определил на службу в полк, и теперь я награждён чином генерала.

— Александр мой только военными делами и бредит,— заявил отец.

— Откуда же ты знаешь про войны Ганнибала? — спросил гость Александра.

— Я всю ночь читал книгу про Ганнибала, его мужество и храбрость.

— Так ты хочешь быть Ганнибалом?

Мальчик ответил:

— С вами, сударь, их уже два... Нет, я не хочу быть третьим Ганнибалом.

— Ты хочешь быть первым? Для этого надо много знать, много учиться.

— Испытайте, сударь, что я знаю.

Гость проэкзаменовал Александра и остался доволен его ответами. Мальчик считал очень быстро, знал немного по-французски и по-немецки, хорошо читал и без запинки отвечал на все вопросы Ганнибала из книжки о постройке крепостей. Память у Александра была отличная. Ганнибал поцеловал Александра и спросил:

— Так ты хочешь быть солдатом?

— Да,— ответил Александр.

---

[1] *Не́доросль* — несовершеннолетний дворянин.

Тут же написали прошение на имя императрицы Елизаветы Петровны «Об определении недоросля Александра Суворова солдатом в Семёновский полк».

Через несколько времени после отъезда генерала пришло извещение, что Александр Суворов зачислен солдатом в Семёновский полк без жалованья; для обучения его отпустили домой на два года.

Отец дал обязательство, что будет учить его за свой счёт арифметике, геометрии, иностранным языкам и началам военно-инженерного искусства.

II. Полковая школа.

В октябре Суворовы всей семьёй отправились в Москву.

Они ехали несколько дней. При въезде в Москву они нагнали свой деревенский обоз, отправленный заранее. С обозом привели Шермака. Александр вскочил на своего любимого коня и поскакал по городу. Он проехал мимо Кремля, направился к Покровским воротам и дальше к Семёновской заставе. На площади шло ученье солдат. Покрикивали командиры. Солдаты маршировали, показывали ружейные приёмы. Александр направил Шермака к полковой избе, привязал коня и вошёл.

Его впустили в кабинет командира полка.

Прямо от входа за большим столом сидел премьер-майор [1] Соковнин. Его окружали молодые офицеры.

— Здорово, богатырь! — молвил Соковнин.— Это отец тебя в полк послал?

— Нет! Я сам, господин премьер-майор.

— Давно ли в Москву возвратились?

— Сегодня утром.

— Вот как! И ты прямо в полк явился? Достойно похвалы! Чего же ты хочешь?

— Нести службу её величества, господин премьер-майор.

— Так тебе же надо сначала учиться. Если хочешь, я велю тебя зачислить в полковую школу...

Соковнин позвал писаря и приказал ему:

— Вели записать солдата Суворова в полковую школу... Да, погоди-ка! Ганнибал Абрам Петрович сказал мне, что ты горазд в науках. Уж не записать ли тебя прямо в инженерный класс?

---

[1] *Премьéр-майóр* — офицерский чин.

— Нет, господин премьер-майор, сначала в солдатский класс.

— Проводи малого в школу! — приказал Соковнин писарю.

Школа помещалась на полковом дворе в новой просторной двухэтажной избе.

Писарь ввёл Александра в солдатский класс. Шёл урок арифметики. За столом на скамьях сидели ученики — тут были и мальчики в вольном платье, и взрослые солдаты. Ученики писали грифелями на грифельных досках.

Меж столов расхаживал учитель в зелёном мундире. Так началась военная служба Александра Суворова.

Суворов усердно учился и в то же время много читал.

Вскоре полк перевели в Петербург. Александр покинул отцовский дом. В полку он жил в казарме, ел солдатскую пищу, стоял на часах, исполнял хозяйственные поручения. Домой писал кратко:

«Здоров. Учусь. Служу. Суворов».

Он был произведён в капралы[1]. Тогда ему шёл восемнадцатый год.

Соковнин оценил в молодом Суворове его знание службы, успехи в науках и взял его к себе ординарцем[2] — это было началом офицерской службы Суворова.

III. На службе.

Семёновский полк наполовину состоял из дворянских недорослей. Они больше занимались карточной игрой, унижались перед начальством и грубо обращались с солдатами. Солдаты были из крепостных крестьян. Суворов, наоборот, был прост в обращении, заботился о солдатах, рассказывал им о подвигах Ганнибала, других древних полководцев, а солдаты платили ему своими сказками, песнями, прибаутками.

Суворов знал, что героями становились не те полководцы, которые мечтали о славе, о чинах, а те, которые вместе с народом крепко стояли за свою родину.

Суворову было 25 лет, когда он получил первый офицерский чин. Когда Суворова назначили командиром Суздальского полка, солдаты с радостью ожидали нового полковника и много рассказывали о нём друг другу, сидя у костра.

---

[1] *Капрáл* — первое звание после рядового солдата.
[2] *Ординáрец* — офицер для поручений.

— Солдат должен дело знать не хуже офицера, так требует Суворов,— говорил старик-капрал.— Понял? — обратился он к молодому.

— Понять можно, дедушка! Да знать-то это нам откуда? Из деревни мы, мужики.

— Ну, хлопчик, если ты ему скажешь: «Не могу знать» — плохо тебе будет.

— Да как же я ему скажу, если и подлинно чего не знаю?

— А уж вывёртывайся, как знаешь.

— Ну, спроси меня чего-нибудь.

— Хорошо! Отвечай мне, будто я сам Суворов.

— Ладно!

— Что «ладно»? Вишь, развалился! Раз я — Суворов, встряхнись, стань стрелкой, гляди весело! Во-во, так. Не пальцами шевели, а мозгами... Гусёк! (Так звали молодого солдата.)

— Есть такой.

— Где вода дорога?

— Когда пить захочется, господин капрал.

Солдаты захохотали.

— Оно хоть и не так, а верно. Вода на пожаре дорога... Гусёк! Где железо дороже золота?

— На войне, дедушка!

— Так. Молодец, чудо-богатырь! Ну-ка ещё, Гусёк! Долга ли дорога до месяца?

Гусёк сдвинул шапку, посмотрел в небо, задумался; капрал повторил вопрос, обращаясь к старому солдату.

— Долга ли дорога до месяца?

— Два суворовских перехода, господин капрал,— ответил солдат.

Гусёк сорвал шапку с головы и ударил о землю: обидно стало, что не ответил.

— Эх, Гусёк, не догадался,— кричали молодые солдаты.— Постарайся, Ваня...

— А ты ещё ему скажи, когда Суворову «не могу знать» можно ответить,— посоветовал один из стариков.

— Бывает, что и так.

— Когда же это, дедушка?

— А вот Суворов спросил однажды солдата: «Что такое ретирада?» А «ретирада», надо вам, хлопцы, знать, означает отступление. Всем известно, что Суворов отступать не любит. На такой вопрос солдат и ответил: «Не могу знать!»

Суворов даже подпрыгнул.

— «Как?»

— «Да так! У нас в полку такого слова нет».

Суворов радостно сказал: «Хороший полк!» Обнял и поцеловал солдата.

— Вот он нас кое-чему и выучил. На ноги поставил,— закончил свой рассказ старый суворовский капрал.

Вопросы.

1. Что вы узнали о семье Суворова?
2. Чем интересовался Суворов в детстве?
3. Кем он хотел быть?
4. Когда его зачислили солдатом?
5. Какое он получил образование?
6. Как Суворов относился к ученью в военной школе? К военной службе?
7. Почему он не хотел прямо поступать в инженерный класс?
8. Как учили солдат в школе?
9. Почему Соковнин взял Суворова к себе ординарцем?
10. Как Суворов, сделавшись командиром, относился к солдатам?
11. Что солдаты рассказывали про Суворова?

Дедушка.

Н. Некрасов.

I.

Раз у отца, в кабинете,
Саша портрет увидал,
Изображён на портрете
Был молодой генерал.
«Кто это?» спрашивал Саша,
«Кто?..» — Это дедушка твой.—
И отвернулся папаша,
Низко поник головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова в ответ.
Внук, перед дедушкой стоя,
Зорко глядит на портрет:
«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умер он... жив? говори!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
«То-то... ты скажешь, смотри..!»

II.

«Дедушку знаешь, мамаша?»
Матери сын говорит.
— Знаю,— и за руку Саша
Маму к портрету тащит,
Мама идёт против воли.
«Ты мне скажи про него,
Мама! не добрый он, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сделай
Милость, скажи что-нибудь!»
— Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный.— На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхает, дрожит —
И зарыдала... А Саша
Зорко на деда глядит:
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Лучше пойдём-ка гулять..

III.

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
— Скоро увидишь ты деда!
Саше отец говорит...
Дедушкой только и бредит
Саша — не может уснуть:
«Что же он долго не едет?..»
— Друг мой! Далёк ему путь!
Саша тоскливо вздыхает,
Думает: «Что за ответ!»
Вот, наконец, приезжает
Этот таинственный дед.

IV.

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом, и семейство, и слуг...
Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу.
— Экой красавчик какой!
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал,— вдруг
Слёзы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук
Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?

Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцелуй старика.

V.

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоём.
Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но ещё бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода...

VI.

Выйдут на берег покатый
К русской великой реке —
Свищет кулик вороватый,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бечевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою —
Нивы, покосы, леса.

VII.

— Рад я, что вижу картину,
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби её сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенек крестьянских
Как на ладони на ней!
У лесу стадо пасётся —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поётся —
Жаль — неисходно горька!
Ропот: «Подайте же руку
Бедным крестьянам скорей!»
Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь ли в ней?..
Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их.
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих,—
Будет и в песне отрада,
Вместо унынья и мук.
Надо ли? — «Дедушка, надо!»
— То-то! попомни же, внук!..

VIII.

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет не трудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнётся так чудно,
Радостью весь расцветёт.
Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

IX.

— Скоро дадут им свободу,
Внуку старик замечал:
— Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видал:

Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошёл —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит.
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из тёмного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы;
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...

X.

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!..

XII.

— Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругом?
Вот он, наш пахарь угрюмый,
С тёмным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка,
С голоду еле жива!
Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
— «Эй! отдохни-ко, сердечный!
Я за тебя потружусь!»
Глянул крестьянин с испугом,
Барину плуг уступил,
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;
Саша за ним торопился,
Не успевал догонять:
«Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?
Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Как я работником стал!

XIII.

— Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.
Нынче полегче народу:
Стих, притаился в тени
Барин, прослышав свободу...
Ну, а как в наши-то дни!

. . . .

Словно, как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу,
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашёл:
«Кто им позволил жениться?
Стой!» и к попу подошёл...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!
И не перечил никто!..
Кто же, имеющий душу,
Мог это вынести?.. кто?..

XVI.

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши, как брата,
Ласково с ним говорил:
«Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышат зачем!

XVII.

А не доволен парадом,
Ругань польётся рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее приищет
Остервенившийся волк:
«Франтики! подлые души!
Под караулом сгною!»
Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?..
«Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи...

XVIII.

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
— Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдём отдохнуть.
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда,
Вечером шилом, иголкой
Что-нибудь бойко тачал.
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдёт от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была...

XIX.

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданьи
В дикой, далёкой глуши
И о чудесном влияньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал...
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь

Ты иногда по ночам...»
— Вырастешь, Саша, узнаешь—
Всё расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...
«Ну! Приучусь я к терпенью!»
Саша уныло сказал...

XX.

Часто каталися летом
Наши друзья в челноке,
С громким, весёлым приветом
Дед приближался к реке:
— Здравствуй, красавица
Волга!
С детства тебя я любил.—
«Где ж пропадал ты так
долго?»
Саша несмело спросил.
— Был я далёко, далёко...
«Где же?..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что ж, хорошо ли там было?»
Дед на ребёнка глядит:
— Лучше не спрашивай,
милый!
(Голос у деда дрожит.)
— Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумёртвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По году весточки ждёшь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,
Близким копаешь могилы,
Ждёшь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь...
«Что ж ты там, дедушка,
жил?..»
— Вырастешь, Саша,
узнаешь.—
Саша слезу уронил...

XXI.

«Господи! Слушать наскучит,
Вырастешь! — мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
Вырастешь — то же твердит!
То же и дедушка... Полно!
Я уже вырос — смотри!..»
(Стал на скамеечку чёлна)
«Лучше теперь говори!..»
Деда целует и гладит:
«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьётся, как голубь, оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Всё непременно узнать!»
Дедушка, внука целуя,
Шепчет: — Тебе не понять.
Надо учиться, мой милый!
Всё расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а всё же
Надо историю знать
И географию тоже.—
«Долго ли, дедушка, ждать?»
— Годик, другой, как
случится.—
Саша к мамаше бежит.
«Мама! хочу я учиться!»
Издали громко кричит.

XXII.

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),

Бойко на карте покажет
И Петербург, и Читу,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,

Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

Вопросы и задание.

1. Что узнал Саша от своих родителей о дедушке?
2. Какой вид имел приехавший дедушка? Почему Саша заплакал, вглядываясь в него?
3. Как относился дедушка к родной природе?
4. Как относился он к крестьянам?
5. Накануне какого исторического события происходит действие?
6. Что рассказывал дедушка Саше о жизни народа (крестьян и солдат) во времена его молодости?
7. О каком «славном походе» и какой «великой борьбе» вспоминал он?
8. Где провёл половину своей жизни дедушка? Что он рассказывал об этом внуку?
9. Какое отношение к труду выработалось у дедушки?

Расскажите, какие картины можно нарисовать к стихотворению Некрасова «Дедушка». Распределите темы рисунков между собой, нарисуйте и составьте альбом.

Кавказский пленник.

Л. Толстой.

(Быль.)

I.

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.

Пришло ему раз письмо из дома. Пишет ему старуха-мать: «Стара я уж стала и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с богом, поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и имение есть. Полюбится тебе, может, и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался. И в самом деле, плоха уж старуха стала; может, и не придётся увидать. Поехать, а если невеста хороша — и жениться можно.

Пошёл он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами... и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днём, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдёт от крепости, татары или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, и телега его с вещами шла в обозе.

Ехать было 25 вёрст. Обоз шёл тихо: то солдаты остановятся, то в обозе колесо у кого соскочит или лошадь станет, и все стоят — дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошёл. Пыль, жара, солнце так и печёт, и укрыться негде. Голая степь: ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперёд, остановился и ждёт, пока подойдёт к нему обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли — опять стоять. Жи-

лин и подумал: «А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая,— если и нападусь на татар, ускачу. Или не ездить?»

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с ружьём, и говорит:

— Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми.— А Костылин мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льёт. Подумал Жилин и говорит:

— А ружьё заряжено?

— Заряжено.

— Ну, так поедем. Только уговор — не разъезжаться.

И поехали они вперёд по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно. Только кончилась степь, пошла дорога промеж двух гор в ущелье. Жилин и говорит:

— Надо выехать на гору поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из горы, и не увидишь.

А Костылин говорит:

— Что смотреть? Поедем вперёд.— Жилин не послушал его.

— Нет,— говорит,— ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь под Жилиным была охотницкая (он за неё сто рублей заплатил в табуне жеребёнком

и сам выездил); как на крыльях взнесла его на кручь. Только выскакал,— глядь, а перед самым им, на десятину места, стоят татары верхами, человек тридцать. Он увидал, стал назад поворачивать; и татары его увидали, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

— Вынимай ружьё! — а сам думает на лошадь на свою: «Матушка, вынеси, не зацепись ногой; спотыкнёшься — пропал. Доберусь до ружья, а им не дамся».

А Костылин, заместо того чтобы подождать, только увидал татар, закатился что есть духу к крепости. Плетью ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит — дело плохо. Ружьё уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь. Пустил он лошадь назад, к солдатам — думал уйти. Видит, ему наперерез катят шестеро. Под ним лошадь добрая, а под теми ещё добрее, да и наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь, не удержит, прямо на них летит. Видит — близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружьё наготове.

«Ну,— думает Жилин,— знаю вас, чертей: если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой...»

А Жилин хоть невелик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь места не доскакал Жилин — выстрелили по нём сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нём два татарина сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар,— да ещё соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах, и зашатался. Схватили его татары, сняли с сёдел подпруги запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьётся ногами,— до земли не достаёт; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь чёрная — на аршин кругом пыль смочила.

Один татарин подошёл к лошади, стал седло снимать,— она

всё бьётся; он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепенулась — и пар вон.

Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие подсадили Жилина к нему на седло, а чтобы не упал, притянули его ремнём за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татарином, покачивается, тычется лицом в татарскую спину. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит.

Ехали они долго на гору, переехали вброд реку, выехали на дорогу и поехали лощиной.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переехали ещё речку, стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали собаки. Приехали в аул[1]. Послезали с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали камнями пулять в него.

---

[1] *Аýл* — татарская деревня.

Татарин отогнал ребят, снял Жилина с лошади и кликнул работника. Пришёл нагаец[1], скуластый, в одной рубахе. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказал что-то ему татарин. Принёс работник колодку: два чурбака дубовых на железные кольца насажены и в одном кольце пробойчик и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай,— толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз; полежал, ощупал в темноте, помягче где, и лёг.

II.

Почти всю эту ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит — в щёлке светиться стало. Встал Жилин, раскопал щёлку побольше и стал смотреть.

Видна ему из щёлки дорога — под гору идёт, направо сакля татарская, два дерева подле неё. Собака чёрная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подёргивают. Видит — из-под горы идёт татарка молоденькая, в рубахе цветной, распояской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой...

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает — хоть бы пришли проведать. Слышит — отпирают сарай. Пришёл красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза чёрные, светлые, румяный, борода маленькая, подстрижена; лицо весёлое, всё смеётся. Одет черноватый ещё лучше: бешмет шёлковый синий, галунчиком обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьяные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие, толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

Красный татарин вошёл, проговорил что-то, точно ругается, и стал; облокотился на притолку, кинжалом пошевеливает, как волк, исподлобья косится на Жилина. А черноватый — быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит — подошёл прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищёлкивает, всё приговаривает: «Корошо урус, корошо урус!»

Ничего не понял Жилин и говорит: «Пить, воды пить дайте!»

Чёрный смеётся. «Корош урус»,— всё по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтобы пить ему дали.

---

[1] *Нагайцы* — народность, говорящая на языке, близком к татарскому.

Чёрный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то: «Дина!»

Прибежала девочка — тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на чёрного похожа. Видно, что дочь. Тоже глаза чёрные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса чёрная и в косе лента, а на ленте привешены бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась, так что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьёт,— как на зверя какого.

Подал ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал её ещё куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой и опять села, изогнулась, глаз не спускает — смотрит.

Ушли татары, заперли опять двери.

Погодя немного, приходит к Жилину нагаец и говорит:

— Айда, хозяин, айда!

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит идти куда-то.

Пошёл Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя — так и воротит ногу в сторону. Вошёл Жилин за нагайцем. Видит — деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя с башенкой. У одного дома стоят три лошади в сёдлах. Мальчишки держат в поводу. Выскочил из этого дома черноватый татарин, замахал рукой, чтоб к нему шёл Жилин. Сам смеётся, всё говорит что-то по-своему, и ушёл в дверь. Пришёл Жилин в дом. Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. В передней стене пуховики пёстрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки — всё в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары: чёрный, красный и трое гостей. За спинами у всех пуховые подушки подложены, а перед ними на круглой дощечке блины просяные, и масло коровье распущено в чашке, и пиво татарское — буза — в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле.

Вскочил чёрный, велел посадить Жилина в сторонке не на ковёр, а на голый пол; залез опять на ковёр, угощает гостей блинами и бузой. Посадил работник Жилина на место, сам снял верхние башмаки, поставил у двери рядком, где и другие башмаки стояли, и сел на войлок поближе к хозяевам; смотрит, как они едят, слюни утирает.

Поели татары блины, пришла татарка в рубахе такой же, как и девка, и в штанах; голова платком покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшин с узким носком. Стали мыть руки татары, потом сложили руки, сели на коленки, подули во все стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потом один из гостей-татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

— Тебя,— говорит,— взял Кази-Мугамед,— сам показывает на красного татарина,— и отдал тебя Абдул-Мурату,— показывает на черноватого.— Абдул-Мурат теперь твой хозяин.

Жилин молчит. Заговорил Абдул-Мурат, и всё показывает на Жилина, и смеётся, и приговаривает: «Солдат урус, урус, корошо». Переводчик говорит: «Он тебе велит домой письмо писать, чтобы за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит».

Жилин подумал и говорит: «А много ли он хочет выкупа?»

Поговорили татары; переводчик и говорит:

— Три тысячи монет.

— Нет,— говорит Жилин,— я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину,— всё думает, что он поймёт. Перевёл переводчик, говорит: «Сколько же ты дашь?» Жилин подумал и говорит: «500 рублей». Тут татары заговорили часто, все вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут.

А красный только жмурится да языком пощёлкивает.

Замолчали они, переводчик говорит:

— Хозяину выкупа мало 500 рублей. Он сам за тебя 200 рублей заплатил. Ему Кази-Мугамед был должен. Он тебя за долг взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь — в яму посадят, наказывать будут плетью.

«Эх,— думает Жилин,— с ними, что робеть, то хуже».

Вскочил на ноги и говорит:

— А ты ему скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану...

Пересказал переводчик; опять заговорили все вдруг.

Долго лопотали, вскочил чёрный, подошёл к Жилину.

— Урус,— говорит,— джигит, джигит урус!

Джигит по-ихнему значит «молодец». И сам смеётся, сказал что-то переводчику, а переводчик говорит:

— Тысячу рублей дай!

Жилин стал на своём: «Больше 500 рублей не дам. А убьёте,— ничего не возьмёте».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришёл работник, и идёт за ним человек какой-то, высокий, толстый, босиком и ободранный, на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин — узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело было; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала и ружьё осеклось и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит. Перевёл переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги даст, того прежде отпустят.

— Вот,— говорит Жилину,— ты всё серчаешь, а товарищ твой смирный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо и обижать не будут.

Жилин говорит:

— Товарищ как хочет: он, может, богат, а я не богат. Я,— говорит,— как сказал, так и будет. Хотите — убивайте,— пользы вам не будет, а больше 500 рублей не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумаги лоскут и чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: «пиши». Согласился на 500 рублей.

— Погоди ещё,— говорит Жилин переводчику,— скажи ты ему, чтобы он нас кормил хорошо, одел, обул как следует, чтобы держал вместе,— нам веселее будет, и чтобы колодку снял.— Сам смотрит на хозяина и смеётся. Смеётся и хозяин. Выслушал и говорит:

— Одежду самую лучшую дам: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду, как князей. А коли хотят жить вместе, пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять,— уйдут. На ночь только снимать буду.— Подскочил, треплет по плечу.— Твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал,— чтобы не дошло. Сам думает: «Я уйду».

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрёпанные, солдатские. Видно — с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

III.

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин всё смеётся: «Твоя, Иван, хорош,— моя, Абдул, хорош». А кормил плохо — только и давал, что хлеб пресный из просяной муки, лепёшками печёный, а то и вовсе тесто непечёное.

Костылин ещё раз писал домой, всё ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придёт, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдёт, а другого не писал.

«Где,— думает,— матери столько денег взять за меня заплатить? И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться вконец. Сам выберусь».

А сам всё высматривает, выпытывает, как ему бежать.

Ходит по аулу, насвистывает, а то сидит, что-нибудь рукодельничает: или из глины кукол лепит, или плетёт плетёнки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с ногами и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу. Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь, Дина, увидала куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подаёт им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушёл в сарай и смотрит, что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

Наутро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает как ребёнка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась на неё, выхватила куклу, разбила её, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу ещё лучше, отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеётся, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» — думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думал — вода, а там молоко. Выпил он молоко. «Хорошо»,— говорит. Как взрадуется Дина!

— Хорошо, Иван, хорошо! — и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшинчик и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день, крадучи, молока носить. А то делают татары из козьего молока лепёшки сырные и сушат их на крышах, так она эти лепёшки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана, так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная и дождь час целый как из ведра лил. И помутились все речки. Где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил, а к колесу на двух концах кукол приделал.

Принесли ему девочки лоскутков; одел он кукол: одна — мужик, другая — баба; утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы, и татары пришли, языком щёлкают:

— Ай, урус! ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щёлкает. Жилин говорит:

— Давай, починю.

Взял, разобрал ножичком, разложил; опять сладил, отдал. Идут часы. Обрадовался хозяин, принёс ему бешмет свой старый, весь в лохмотьях, подарил...

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать — кто замок на ружьё или пистолет починить принесёт, кто часы. Привёз ему хозяин снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочек...

Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему, когда нужно, кличут: «Иван, Иван»; а которые всё, как на зверя, косятся...

IV.

Прожил так Жилин месяц. Днём ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придёт, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тёр, и прокопал он под стеной дыру, что впору пролезть. «Только бы,— думает,— мне место хорошенько узнать, в какую сторону идти. Да не сказывают никто татары».

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошёл после обеда за аул, на гору,— хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит:

— Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

Стал его Жилин уговаривать:

— Я,— говорит,— далеко не уйду,— только на ту гору поднимусь: мне траву нужно найти,— ваш народ лечить. Пойдём со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору — недалеко, а с колодкой трудно; шёл, шёл, насилу взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. За аулом, пониже — гора, и через неё ещё две горы, по ним лес; а промеж двух гор синеется ровное место, и на ровном месте далеко-далеко точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит — там точно, в этой долине, должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых алые; в чёрных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться — маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самая крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно — мулла прокричал. Стадо гонят — коровы ревут. Малый всё зовёт: «пойдём», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну,— думает Жилин,— теперь место знаю, надо бежать». Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были тёмные,— ущерб месяца. На беду к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они — гонят с собою скотину и приезжают весёлые. А на этот раз ничего не пригнали и привезли на седле своего убитого татарина... Приехали сердитые, собрались все хоронить.

На четвёртый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поехали человек десять, и красный поехал; только Абдул дома остался. Месяц только народился — ночи ещё тёмные были.

«Ну,— думает Жилин,— нынче бежать надо», и говорит Костылину. А Костылин заробел.

— Да как же бежать? — мы и дороги не знаем.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдём в ночь.

— А не дойдём,— в лесу переночуем. Я вот лепешёк набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо — пришлют денег, а то ведь и не соберут. А татары теперь злые за то, что русские ихнего убили. Поговаривают — нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

— Ну, пойдём!

V.

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтобы Костылину пролезть; и сидят они — ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину: «полезай». Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка была пёстрая собака и злая-презлая; звали Уляшин. Жилин уже наперёд прикормил её. Услыхал Уляшин — забрехал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепёшки кусок,— Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услыхал, загайкал из сакли: «Гайть, гайть, Уляшин!»

А Жилин за ушами почёсывает Уляшина. Молчит собака, трётся ему об ноги, хвостом махает.

Посидели они за углом. Затихло всё, только слышно — овца перхает в закуте да низом вода по камешкам шумит. Темно, звёзды высоко стоят на небе; над горой молодой месяц закраснелся, кверху рожками заходит. В лощинах туман, как молоко, белеется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу: «Ну, брат, айда!»

Тронулись; только отошли, слышат — запел мулла на крыше: «Алла Бесмилла! Ильрахман!» Значит — пойдёт народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдёт. Опять затихло.

— Ну, с богом! — Перекрестились, пошли. Пошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли лощиной. Туман густой да низом стоит, а над головой звёзды виднёшеньки. Жилин по звёздам примечает, в какую сторону идти. В тумане свежо, идти легко, только сапоги неловки — стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошёл босиком. Попрыгивает с камешка на камешек да на звёзды поглядывает. Стал Костылин отставать.

— Тише, говорит, иди: сапоги, проклятые, все ноги стёрли.

— Да ты сними, легче будет.

Пошёл Костылин босиком,— ещё того хуже: изрезал все ноги по камням и всё отстаёт. Жилин ему говорит:

— Ноги обдерёшь — заживут, а догонят — убьют, хуже.

Костылин ничего не говорит, идёт, покряхтывает. Шли они низом долго. Слышат — вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

— Эх,— говорит,— ошиблись мы,— вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо да влево, в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, у меня ноги в крови все.

— Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот как!

И побежал Жилин назад и влево, в гору, в лес. Костылин всё отстаёт и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам всё идёт.

Поднялись на гору. Так и есть—лес. Вошли в лес, по колючкам изодрали всё платье последнее. Напали на дорожку в лесу. Идут.

— Стой! — Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось. Тронулись они — опять затопало. Они остановятся — и оно остановится. Подполз Жилин, смотрит на свет по дороге,— стоит что-то: лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека не похоже. Фыркнуло — слышит. «Что за чудо!» Свистнул Жилин потихоньку,— как шаркнет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломает.

Костылин так и упал со страху. А Жилин смеётся, говорит:

— Это олень. Слышишь, как рогами лес ломит? Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше... А туда ли идут, нет ли,— не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих вёрст десять ещё будет, а приметы верной нет, да и ночью не разберёшь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:

— Как хочешь, а я не дойду: у меня ноги не идут.

Стал его Жилин уговаривать.

— Нет,— говорит,— не дойду, не могу.

Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

— Так я же один уйду,— прощай!

Костылин вскочил, пошёл. Прошли они версты четыре. Туман в лесу ещё гуще сел; ничего не видать перед собой, и звёзды уж чуть видны.

Вдруг слышат — впереди топает лошадь. Слышно — подковами за камни цепляется. Лёг Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

— Так и есть — сюда, к нам, конный едет.

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит — верховой татарин едет, корову гонит, сам себе под нос мурлычет что-то. Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.

— Ну, пронёс бог; — вставай, пойдём.

Стал Костылин вставать и упал.

— Не могу — ей богу, не могу, сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны,— он и рассолодел. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

— Ой, больно!

Жилин так и обмер.

— Что кричишь? Ведь татарин близко,— услышит. А сам думает: «Он и вправду расслаб; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится».

— Ну,— говорит,— вставай, садись на закорки — снесу, коли уж идти не можешь.

Подсадил на себя Костылина, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

— Только,— говорит,— не дави ты меня руками за глотку. За плечи держись.

Тяжело Жилину,— ноги тоже в крови и уморился. Нагнётся, подправит, подкинет, чтобы повыше сидел на нём Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услыхал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин,— едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружьё, выпалил,— не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

— Ну,— говорит Жилин,— пропали, брат! Он, собака, сейчас соберёт татар за нами в погоню. Коли не уйдём версты три — пропали.— А сам думает на Костылина: «И чорт меня дёрнул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушёл».

Костылин говорит:

— Иди один, за что тебе из-за меня пропадать?

— Нет, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватил опять на плечи, попёр. Прошёл он так с версту.

Всё лес идёт, и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали — не видать уж звёзд. Измучился Жилин.

Пришёл: у дороги родничок, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

— Дай,— говорит,— отдохну, напьюсь. Лепёшек поедим. Должно быть, недалеко.

Только прилёг он пить, слышит — затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат — голоса татарские: остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравливают. Слышат — трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась и забрехала.

Лезут и татары — тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три, встречает их Абдул-хозяин, с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уж не смеётся и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плётками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришёл. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: «Надо их дальше в горы услать», а старик говорит: «Надо убить». Абдул спорит, говорит: «Я за них деньги отдал; я за них выкуп возьму». А старик говорит: «Ничего они не заплатят, только беды наделают».

Разошлись. Подошёл хозяин к Жилину, стал ему говорить:

— Если,— говорит,— мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас запорю. А если затеешь опять бежать,— я тебя, как собаку, убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть. Там яма была аршин пяти — и спустили их в эту яму.

VI.

Житьё им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непечёное, как собакам, да в кувшине воду спускали... Костылин совсем раз-

болелся, распух, и ломота во всём теле стала; и всё стонет или спит. И Жилин приуныл: видит — дело плохо. И не знает, как выбраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает о вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на коленки лепёшка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: «Не поможет ли Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «Как придёт Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин,— затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, а догадывается, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит — зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, мористы висят, болтаются над ямой, глазёнки так и блестят, как звёздочки. Вынула из рукава две сырные лепёшки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

— Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На вот! — Стал ей швырять по одной.

А она головой мотает, не смотрит.

— Не надо! — говорит. Помолчала, посидела и говорит:

— Иван! тебя убить хотят.— Сама себе рукой на шею показывает.

— Кто убить хочет?

— Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

— А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает, что «нельзя». Он сложил руки, молится ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя,— говорит,— увидят, все дома.— И ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: «что́ будет?» Всё поглядывает вверх. Звёзды видны, а месяц ещё не всходил. Мулла про-

кричал; затихло всё. Стал уже Жилин дремать, думает: «побоится девка».

Вдруг на голову ему глина посыпалась; глянул кверху — шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползёт в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил,— шест здоровый. Он ещё прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх; звёзды высоко на небе блестят; и над самою ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет:

— Иван, Иван! — А сама руками у лица всё машет, что «тише мол».

— Что? — говорит Жилин.

— Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

— Ну, Костылин, пойдём, попытаемся последний раз: я тебя подсажу.

Костылин и слышать не хочет.

— Нет,— говорит,— уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться сил нет?

— Ну, так прощай, не поминай лихом.— Поцеловался с Костылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать и полез. Раза два он обрывался,— колодка мешала. Поддержал его Костылин,— выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху изо всех сил, сама смеётся.

Взял Жилин шест и говорит:

— Снеси на место, Дина, а то хватятся,— прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошёл. Слез под кручь, взял камень острый, стал замок с колодки выворачивать. А замок крепкий — никак не собьёт, да и неловко. Слышит — бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает: «Верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

— Дай я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики,— ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит — налево за горой зарево красное загорелось, месяц встаёт. «Ну,— думает,— до месяца надо лощину пройти, до лесу до-

браться». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, да надо идти.

— Прощай,— говорит,— Динушка. Век тебя помнить буду.— Ухватилась за него Дина, шарит по нём руками, ищет,— куда бы лепёшки ему засунуть. Взял он лепёшки.

— Спасибо,— говорит,— умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? — И погладил её по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка, прыгает. Только в темноте слышно, мониста в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, пошёл по дороге; ногу волочит, а сам всё на зарево поглядывает, где месяц встаёт. Дорогу он узнал. Прямиком идти вёрст восемь. Только бы до лесу дойти прежде, чем месяц совсем выйдет. Перешёл он речку,— побелел уже свет за горой. Пошёл лощиной, поглядывает: не видать ещё месяца. Уж зарево посветлело, и с одной стороны лощины всё светлее, светлее становится. Ползёт под гору тень, всё к нему приближается.

Идёт Жилин, всё тени держится. Он спешит, а месяц ещё скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался и месяц из-за гор — бело, светло, совсем как днём. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам, как вымерло всё. Только слышно, внизу речка журчит.

Дошёл до лесу,— никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепёшку съел. Нашёл камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошёл по дороге. Прошёл с версту, выбился из сил — ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится. «Нечего делать,— думает,— буду тащиться, пока сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветёт,— лягу в лесу, переднюю, и ночью опять пойду».

Всю ночь шёл. Только попались два татарина верхами, да Жилин издалека их услыхал, схоронился за дерево.

Уж стал месяц бледнеть, роса пала, близко к свету, а Жилин до края леса не дошёл. «Ну,— думает,— ещё тридцать шагов пройду, сверну в лес и сяду». Прошёл тридцать шагов, видит — лес кончается. Вышел на край — совсем светло; как на ладонке перед ним степь и крепость, а налево, близёхонько под горой, огни горят, тухнут, дым стелется, и люди у костров.

Вгляделся, видит: ружья блестят — казаки, солдаты.

Обрадовался Жилин, собрался с последними силами, пошёл под гору. А сам думает: «Избави, бог, тут, в чистом поле, увидит конный татарин, хоть близко, а не уйдёшь».

Только подумал — глядь: налево на бугре стоят трое татар. Увидали его, пустились к нему. Так сердце у него и оборвалось. Замахал руками, закричал что было духу своим:

— Братцы, выручай!.. братцы!..

Услыхали наши. Выскочили казаки верховые, пустились к нему — наперерез татарам.

Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится, кричит:

— Братцы! братцы! братцы!..

Казаков человек пятнадцать было.

Испугались татары,— не доезжаючи, стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам.

Окружили его казаки, спрашивают: «Кто он, что за человек, откуда?» А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

— Братцы! братцы!..

Выбежали солдаты, обступили Жилина — кто ему хлеба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним всё дело было, и говорит:

— Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. А Костылина только ещё через месяц выкупили за пять тысяч. Еле живого привезли.

Вопросы и задания.

1. Почему рассказ называется «Кавказский пленник»?
2. Как Жилин и Костылин попали в плен?
3. Кто к Жилину в плену проявил внимание и заботу?
4. Что помогло Жилину расположить к себе татар?
5. Когда особенно ухудшилось положение пленников?
6. Как удалось Жилину вернуться в крепость?
7. Найдите в рассказе описание природы.
8. Какие картины вы хотели бы нарисовать к рассказу?
9. Откуда видно, что Костылин был ленивый, трусливый, плохой товарищ? А Жилин был каков?

Выучите наизусть отрывки:
а) описание внешности Дины;
б) описание гор при закате солнца;
в) описание мельницы после дождя.

Расскажите отдельные места (эпизоды) с изменением формы рассказа, например от лица Жилина:
а) как я попал в плен;
б) моя жизнь в плену;
в) как я бежал из плена.

Напишите изложение на одну из тем:
1) Как Жилин попал в плен.
2) Как Дина помогла Жилину бежать из плена.

Илья Ефимович Репин.

(1844—1930)

Русский народ дал миру выдающихся учёных, писателей, художников.

С особенной гордостью и любовью мы отмечаем среди них великого художника Илью Ефимовича Репина. В Репине отразились лучшие черты характера русского человека и горячая любовь русского человека к родине.

Отец Ильи Ефимовича был казак. Он служил в Чугуевском полку и вместе с полком участвовал в войне против Наполеона. Чугуевский полк прошёл с войсками до Парижа. В 1817 г., когда войска вернулись на родину, по приказу Александра I из этих войск были созданы военные поселения.

Отец Репина, Ефим Васильевич Репин, так же как и его земляки, стал солдатом-поселенцем.

Тяжела была жизнь в военных поселениях.

От воли начальства зависела жизнь и смерть не только самих поселенцев, но и их детей. Дети зависели более от воли начальства, чем от воли родителей.

Звание военного поселянина было «очень презренное, ниже поселян считались разве ещё крепостные»,— вспоминает Репин.

В обстановке такого бесправия, забитости и недостатка в семье Ефима Васильевича Репина и его жены Татьяны Степановны в 1844 г. 24 июля в слободе Осиновке родился третий ребёнок — сын Илья, будущий великий художник. Вскоре отца угнали за сотни вёрст от Осиновки, и положение семьи стало ещё тяжелее.

«У нас было и бедно, и скучно,— вспоминает, далее, Репин,— и мне часто хотелось есть. Очень вкусен был чёрный хлеб с крупной серой солью, но и его давали понемногу. Мы всё беднели...»

«Скучно и тяжело вспоминать про это тяжёлое время нашей бедности,— добавляет Репин.— Все родные нас покинули, и некому было за нас заступиться... Только с возвращением домой батюшки жизнь наша переменилась...»

Будущий художник не получил в детстве школьного образования. Грамоте его учила мать и местный дьячок. Любовь к рисованию и живописи обнаружилась в нём очень рано. Илья Ефимович очень хорошо рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «На рождественские праздники к нам отпустили нашего двоюродного брата сироту Троньку... Тронька принёс с собою рисунки, изображающие Полкана, и я очень удивился, как он хорошо рисует. Под каждым рисунком он старательно подписывал название «Полкан» и свою фамилию: Трофим Чаплыгин... На другой день Трофим из плоской коробочки, завёрнутой в несколько бумажек, достал краски и кисточки... Трофим знал на-

звания всем этим краскам: жёлтая — гуммигуд, синяя — лазурь, красная — бакан и чёрная — тушь... Красок я ещё никогда не видал и с нетерпением ждал, когда Трофим будет рисовать красками... Мы взяли Устину[1] азбуку, чтобы её некрашенные картинки он мог раскрашивать красками. Первая картинка — арбуз — вдруг на наших глазах превратилась в живую... Но вот было чудо, когда срезанную половинку второго арбузика Трофим раскрасил красной краской так живо и сочно, что нам захотелось даже есть арбуз; и когда красная краска высохла, он тонкой кисточкой сделал по красной мякоти кое-где чёрные семечки,— чудо, чудо!.. Трофим оставил мне свои краски, и с тех пор я так в них впился... прильнув к столу, что меня едва отрывали для обеда...»

«Я отводил душу в рисовании и однажды вечером попросил Доняшу (подругу сестры Усти) посидеть смирно. При сальной свече лицо её, рыжее от веснушек, освещалось хорошо; только фитиль постоянно нагорал. Доняша сначала снимала пальцами нагар, но скоро её стал разбирать такой сон, что она клевала носом и никак не могла открыть глаза. Портрет вышел очень похожий, и когда вернулись мать с Устей, они много смеялись».

Репин очень быстро научился рисовать и писать акварелью[2].

С большой радостью он поступил в Чугуевскую топографическую[3] школу, где он учился чертить и раскрашивать географические карты. Об этом времени он вспоминает, как о самом светлом в своём детстве: «После долгих ожиданий я попал, наконец, в самое желанное место обучения, где рисуют акварелью и чертят тушью. Там большие залы..., длинные, широкие столы, на столах с большими досками были прилеплены географические карты; белые тарелки, стаканы с водой, где купаются кисти от акварельных красок, огромные кисти. А какие краски! Чудо, чудо! Больше всего мне нравилось, что на многих тарелках лежали большие плитки свежих красок,— казалось, они совсем мягкие и сами плывут на кисть».

Школа была скоро закрыта, и тринадцатилетний Репин вынужден был идти на работу к иконописцу. Он быстро освоил иконописное дело и через год уже брал самостоятельные заказы.

---

[1] Устя — сестра Репина.
[2] *Акваре́ль* — краски, растворимые в воде.
[3] *Топогра́фия* — наука об изображении земной поверхности на плане и карте.

Бурлаки. *С картины художника И. Е. Репина.*

Репин в этот период своей жизни усиленно работал над собой. Он читал Жуковского, Пушкина, Лермонтова. По картинкам в художественном журнале «Северное сияние» впервые познакомился с картинами русских художников.

Репин мечтал о поездке в Петербург и о дальнейшем образовании. 1 ноября 1863 г. осуществилась мечта Репина. С 17 рублями в кармане он прибыл в Петербург и стал добиваться приёма в Академию художеств.

Сразу в академию его не приняли, и ему пришлось некоторое время обучаться в художественной школе. В академию его приняли через год.

Исключительная работоспособность и любовь к своему делу помогли Репину развить свой талант и выдвинуться в ряды лучших художников того времени.

Первый большой успех и славу принесла Репину его замечательная картина «Бурлаки на Волге». Вот как у Репина возникла мысль нарисовать эту картину.

Лето 1868 г. Репин проводил в Петербурге. Он рассказывает, что всё лето упорно работал «от зари до зари». Однажды в воскресный день товарищи уговорили его прокатиться на пароходе по Неве. Была чудная погода. Пароход шёл быстро, и художники вскоре очутились за городом. Быстро мелькали перед ними роскошные дачи, коврами расстилались цветники пёстрых ароматных цветов, двигалась нарядная пёстрая публика. «И все такие праздничные, весёлые, всех так озаряет яркое солнце!» И вдруг Репин заметил, что навстречу пароходу по берегу что-то движется... Товарищ объяснил Илье Ефимовичу, что это бурлаки тянут баржу.

«Я никогда ещё не был на большой судоходной реке,— пишет Репин,— ни разу не замечал бурлаков... Приблизились. О боже, зачем они такие грязные, оборванные! У одного разорванная штанина по земле волочится и голое колено сверкает, у других локти повылезли, некоторые без шапок, рубахи-то, рубахи! Истлели... не узнать розового ситца... вот лохмотья! Лица угрюмые, иногда только сверкнёт тяжёлый взгляд из-под пряди сбившихся, висячих волос, лица потные блестят, и рубахи насквозь потемнели...»

Встреча эта произвела на Репина неизгладимое впечатление. «Бурлаки, как тёмная туча, заслонили весёлое солнце, я уже тянулся вслед за ними, пока они не скрылись из глаз».

Репин стремится перенести на полотно те чувства, которые возбудил в нём вид бурлаков. Чтобы картина была правдивой, художник поехал на Волгу, где он мог близко наблюдать жизнь народа. Целое лето он провёл в упорной работе: он зарисовывал картины волжской природы, рисовал портреты бурлаков и привёз в Петербург большой альбом набросков и мелких рисунков. По этим наброскам впоследствии и была нарисована знаменитая картина «Бурлаки на Волге».

Кисти Репина принадлежит много выдающихся картин, их можно видеть в музеях Москвы и Ленинграда, например: «Запорожцы», «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван» и др.

В своих картинах Репин показал силу и героизм русского народа.

Вопросы и задание.

1. Что натолкнуло Репина на мысль написать картину «Бурлаки»?
2. Как он работал над ней?
3. Что поучительного в жизни Репина?
4. Составьте план и расскажите статью по этому плану.

Вопросы к картине «Бурлаки».

1. Кто нарисован на картине?
2. Что бурлаки делают?
3. Откуда видно, что их труд тяжёлый?
4. Как одеты бурлаки?
5. Который из бурлаков сильнее?
6. Который самый слабый?
7. Какое время года изображено на картине?
8. В какую погоду особенно трудна была работа?
9. Кто сидит на барже?
10. Когда это было и где?
11. Как теперь передвигаются баржи?

Грачи полетели.

По ***С. Мстиславскому.***

Одним из помощников В. И. Ленина в деле строительства партии был Николай Эрнестович Бауман (по партийной кличке Грач). После ареста и 19-месячного заключения в Петропавловской крепости и ссылки он бежал за границу. Вернулся он в Россию в 1901 г.

Приехав в феврале 1902 г. в Киев на партийную конференцию, Бауман попал в полосу арестов. С большим трудом удалось ему ускользнуть от агентов охранного отделения и сесть в поезд, захватив всё же чемодан с нелегальной литературой.

Киев — Харьков — Курск — Воронеж: дальним объездом наметил себе обратную, на Москву, дорогу Грач, чтоб сбить со следа погоню. Харьков, Курск миновали благополучно. Поезд подходил уже к Воронежу.

Не раз во время пути проходила по вагонам дозором — будто для проверки билетов — вереница людей в жандармских и железнодорожных шинелях, и по его, Баумана, лицу нагло шарили охранные глаза. Как опознать осанистого, русобородого, пышнобрового, ясноглазого Грача в бритом — накруг и наголо — военном чиновнике, сутулящем свои узкие плечи. Навис над безбровыми, узкими, защуренными глазками, лакированный чёрный козырёк, глядит с красного околышка круглая кокарда солдата. Над головой, на сетке багажной, лежит шпага.

В коридоре, за дверью купе, чей-то голос крикнул:

— Воронеж!

Поп, сосед Грача, припал к мёрзлому стеклу.

Бауман неторопливо надел краснооколышную свою фуражку, шубу и отсел к двери. Перед каждой большой станцией он приводил себя так «в боевую готовность» — на случай, если бы пришлось спешно покинуть вагон.

Но и эта остановка благополучно пришла к концу.

Бауман поднялся и глянул на платформу.

Прямо против вагона стояла кучка людей в офицерских и солдатских шинелях. Жандармы... Перед ротмистром подпрыгивала тощая фигурка — шпик. Шпик говорил что-то с азартом, указывая кивками головы на вагон.

Просвистал впереди кондукторский свисток... Взревел паровоз... Вагон дёрнуло... Дрогнула и поплыла назад платформа. Грач видел: завертелся волчком шпик, ротмистр поднял руку в белой перчатке и крикнул в ту сторону, откуда дошёл свисток...

Бауман понял.

— За-дер-жать!

Подхватив шашку, бегом бежал жандармский унтер-офицер. Но поезд сильней набирал ход. Вдруг в просвет открывшегося входа выдвинулась из коридора высокая фигура. Серое пальто,

серебряные погоны, синяя фуражка с красным кантом. Шпоры. Ротмистр. Тот самый. Воронежский.

И сзади, из-под локтя, вороватым глазом своим — шпик.

Ротмистр скользнул взглядом по купе, повернулся, не закрывая дверки, шагнул к окну в проходе, достал портсигар и закурил.

Дело становилось серьёзным: по пустому делу охранники в поезд на ходу прыгать не станут.

Бауман, прикрывшись журналом, ждал.

Ротмистр неподвижно стоял у окна, пуская колечки синего дыма. Наконец, он переступил порог купе.

Расписание поездов валялось на диване. Грач взял, стал перелистывать и тотчас же почувствовал на себе наблюдающий ротмистрский глаз.

«Воронеж — Москва». Грач разыскал табличку.

...До Грязей — ни одной остановки. Взять его, стало быть, попытаются в Грязях... До Грязей — два часа тридцать минут. За это время надо найти выход.

Он засунул руки в рукава, привалился поуютнее к диванной спинке и закрыл глаза.

— Что это вы? — участливо спросил его сосед.— Натоплено, не продохнуть от жары, а вы в шубу кутаетесь...

Грач дёрнул плечами зябко.

— Лихорадка,— сказал он отрывисто.— Я в Мерве служил, в Туркестане: там за год — половина гарнизона, не меньше, вымирает от тропической лихорадки... Вот и я схватил...

— Лихорадка? — сосед бурно прихлопнул ладонями.— Я вас, батенька, в два дня вылечу. Вы что — хинин глотаете?.. Не помогает?.. Правильно! Разве от настоящей лихорадки аптечные снадобья могут помочь! Я вам народное средство порекомендую — это, знаете, наверняка... И средство самое простое: паутина.

Бауман не отзывался. Он продолжал сидеть, откинувшись на спинку дивана, не открывая глаз.

— Паутина?..— звонким голосом переспросил ротмистр.

— Так точно,— поспешил ответить сосед.— Обыкновенная, с вашего разрешения, паучья паутинка-с. Её очищают от пыли, свёртывают комочком этаким и — утром, натощак... Через неделю лихорадки и в помине нет. Изволите слышать?

Последняя фраза явно относилась к Бауману. Бауман ответил, не поднимая век:

— Слышу. Но сейчас я думаю не о паутине, а о приёмном покое. Если припадок усилится, я к Грязям буду пластом лежать... На носилках придётся выносить...

— Ну, что вы, батенька! — воскликнул укоризненно сосед.— Какие носилки, что вы! Чем бы вас развлечь? Вот уж и не знаю. От развлечения всякая болезнь, знаете, отходит... В картишки бы перекинуться, что ли... Хотя у меня, к сожалению, нет...

Поп кашлянул неожиданно:

— У меня, собственно, найдётся...

И он достал из кармана колоду карт. Сосед щёлкнул колодой. Опять звонко прозвучал ротмистрский голос:

— Разрешите, батюшка, я к оконцу пересяду.

— Пожалуйте! — с готовностью отозвался поп, и Бауман почувствовал у своего колена колени придвинувшегося к нему жандарма.

— А вы разве не присоединитесь?..

Бауман открыл глаза.

— Давайте,— сказал он слабым голосом.— Может быть, в самом деле, отвлекусь...

Сосед засуетился:

— Вот и чудесно! Как сядем? На чём играть? На диванчике, попросту?

— Зачем? Мы сейчас чемоданчик приспособим!

Жандарм пошарил разгоревшимися глазами по багажным полкам: — Это ваш, батюшка?

— Где уж нам! Этакий богатый человек! Это ихний.

Ротмистр усмехнулся.

— С вашего разрешения... очень на нём удобно будет... Не беспокойтесь, вы же больной... я сам!

Он потянул за ручку и еле сдержал, подхватив с помощью соседа рухнувший вниз чемодан.

— Ого! Тяжёлый какой! Правильно батюшка сказал: богатый вы человек, хе-хе!

Быстрые цепкие пальцы застучали по дну чемодана, обыскным, привычным приёмом.

— Заграничной работы... Сразу видно...

Чемодан стал торчком между диванами, перегородив проход. Офицер по-хозяйски положил на него руки, охватил ногами с боков и в первый раз посмотрел Бауману прямо в глаза.

Сорок экземпляров № 9 «Искры», сорок экземпляров № 10

«Искры», сто экземпляров брошюры «Женщины-работницы», сто пятьдесят — «Майские дни в Харькове».

Жандармские ноги крепко держали чемодан. Не выпустит. Придётся списать в расход литературу.

Сердце сжалось жгучей досадой. Со злости сказал жандарму:

— А вы что же... шинель не сняли? Ведь жарко, натоплено... У меня лихорадка, а почему вы?..

Ротмистр не ответил. Он кончил тасовать.

Игра началась.

Сроку — два часа тридцать минут. Колёса стучали. Шелестели карты. За окном бесконечный лес.

Ротмистр раз и другой оглянулся за Бауманом вслед за стекло, затянутое морозным узором.

— Что это вас там... так... отвлекает?

В голосе жандарма была явная издёвка. Может быть, именно это и дало мысли Баумана последний толчок. План действия наметился у него уже раньше, ещё когда он брал карту. Но окончательно решил он только сейчас. Он усмехнулся.

— Грачи полетели, господин ротмистр.

— Грачи?! — воскликнул поп.— Быть не может. Не ко времени.

Бауман повернулся к соседу.

— Меня опять зазнобило. Позвольте, я пересяду: очень от окна дует.

Он протиснулся мимо чемодана, пропуская соседа, и сел у двери. Опять дрогнули беспокойством тонкие ротмистрские губы.

План был. Только — момент поймать. Сроку — два часа тридцать. Главное сейчас — не выйти раньше времени из игры. А это легко могло случиться, потому что на руках у Баумана осталось после покупки билета всего пять рублей. И если их проиграть раньше времени...

Жандарм исступлённо метал, бил; на чемодане топорщились кредитки, в банке было уже около двухсот рублей.

Сосед Баумана положил две двадцатипятирублёвки. Незаметным движением Бауман сунул последнюю свою рублёвку под пухлый на самом виду лежавший бумажник, из которого выдвинулась уголком паспортная книжка.

— Сыграно в тёмную: деньги под бумажником.

Поп подумал, и положил на чемодан три сторублёвых бумажки. В купе стало как-то особенно тихо.

Бауман встал:

— Откройте за меня, будьте добры, при розыгрыше. Я отлучусь на минутку. Уборная направо?

— Фуражечку возьмите,— протяжно сказал поп.— Очень там дует.

— Не стоит. Я ж на секунду.

Он шагнул за дверь.

Коридор был пуст. Бауман, неслышно ступая по ковровой дорожке, пошёл вправо, миновал уборную... Площадка... Он рванул железную, тяжёлую, обмёрзлую дверь. Она поддалась не сразу. Но от второго бешеного напора дверь распахнулась. Дохнуло морозом. Замелькал перед глазами лес. Бауман соскользнул на нижнюю ступеньку, оттолкнулся, что было силы, и прыгнул.

Снег, глубокий, по верху пушистый и рыхлый, ослабил удар: Бауман скатился по откосу высокой насыпи в наметённый вдоль лесной опушки сугроб, нырнул головой и плечами, оправился и стал на ноги.

В купе жандарм, играя в равнодушие, положил трясущимися руками колоду на чемодан. Поп жадно приподнял баумановский бумажник и хихикнул, ткнув пальцем мятую рублёвку.

— Тоже... играть садится. А ещё — чиновник...

Он потянул к себе паспортную книжку и раскрыл.

— «Освальд Генрихович Мейзе». Немец. Ну, тогда понятно. Немец, он всегда прижимистый. Такая уж нация... Правда, господин офицер?

Но ротмистр не слушал. Гремя шпорами, он перешагнул через чемодан, размётывая полами шинели проигранный банк, и тотчас — на звон его шпор — в дальнем конце, у выхода из вагона, забряцали ответные шпоры: из служебного отделения поспешно вышли два жандармских унтера, за ними вывернулся шпик. Ротмистр нахмурился, повернул в противоположную сторону, к уборной. Следом за ним, обгоняя жандармов, побежал шпик. Ротмистр нажал ручку. Дверь в уборную открылась.

Пусто. Он обернулся. У агента от ужаса вылезли на лоб глаза. Офицер спросил коротко и глухо:

— Где?

И, не дождавшись ответа, ударил шпика тяжёлым и зверским ударом в зубы.

Вопросы.

1. Когда ротмистр догадался, что в вагоне сидит Бауман?
2. Почему жандарм усмехнулся при разговоре о чемодане?
3. Какими жестами он выразил уверенность, что «поймал»?
4. Что лежало в чемодане?
5. Когда настал самый напряжённый момент?
6. Каким приёмом с паспортом Бауман сумел на время ослабить напряжённое внимание ротмистра?
7. Как вёл себя ротмистр после ухода Баумана?
8. Почему автор назвал свой рассказ «Грачи полетели»?
9. Как бы можно было озаглавить рассказ иначе?

Первое мая.

По ***М. Горькому.***

I.

Листки, призывавшие рабочих праздновать Первое мая, почти каждую ночь наклеивали на заборах; они являлись даже на дверях полицейского управления, их каждый день находили на фабрике. По утрам полиция, ругаясь, ходила по слободе, срывая и соскабливая лиловые бумажки с заборов, а в обед они снова летали по улице, подкатываясь под ноги прохожих. Из города присылали сыщиков; они, стоя на углах, щупали глазами рабочих, весело и оживлённо проходивших с фабрики на обед и обратно. Всем нравилось видеть бессилие полиции, и даже пожилые рабочие, усмехаясь, говорили друг другу:

— Что делают, а?

Всюду собирались кучки людей, горячо обсуждали волнующий призыв. Жизнь вскипала, она в эту весну для всех была интереснее, всем несла что-то новое, одним — ещё причину раздражаться, злобно ругая «крамольников» [1], другим — смутную тревогу и надежду, а третьим, их было меньшинство,— острую радость сознания, что это они являются силой, которая будит всех.

Павел и Андрей почти не спали по ночам, являлись домой уже перед гудком, оба усталые, охрипшие, бледные. Мать знала, что они устраивают собрания в лесу, на болоте: ей было известно, что вокруг слободы по ночам рыскают разъезды конной полиции, ползают сыщики, хватая и обыскивая отдельных рабочих, разгоняя группы и порою арестуя того или другого. Понимая, что и сына с Андреем тоже могут арестовать каждую ночь, она почти желала этого — это было бы лучше для них, казалось ей...

[1] *Крамо́льники* — так называла царская власть революционеров.

II.

...И вот пришёл этот день — Первое мая.

Гудок заревел, как всегда, требовательно и властно.

По небу, бледноголубому, быстро плыла белая и розовая стая лёгких облаков, точно большие птицы летели, испуганные гулким рёвом пара. В окно, весело играя, заглядывал юный солнечный луч, мать подставила ему руку, и когда он, светлый, лёг на кожу её руки, другой рукой она тихо погладила его, улыбаясь задумчиво и ласково.

Второй гудок закричал тише, не так уверенно, с дрожью в звуке, густом и влажном. Матери показалось, что сегодня он кричит дольше, чем всегда.

Прибежал Федя Мазин, сверкающий, с красными пятнами на щеках. Полный трепета радости, он разогнал скуку ожидания.

— Началось! — заговорил он.— Зашевелился народ! Лезет на улицу, рожи у всех, как топоры. У ворот фабрики всё время Весовщиков с Гусевым Васей и Самойловым стояли, речи говорили. Множество народа вернули домой! Идёмте, пора! Уж десять часов.

III.

Когда она вышла на улицу и услыхала в воздухе гул людских голосов, тревожный, ожидающий, когда увидела везде в окнах домов и у ворот группы людей, провожавших её сына и Андрея любопытными взглядами,— в глазах у неё стало туманное пятно и заколыхалось, меняя цвета, то прозрачнозелёное, то мутносерое.

С ними здоровались, и в приветствиях было что-то особенное.

За углом улицы, в узком переулке, собралась толпа человек во сто, а в глубине её раздавался голос Весовщикова.

— Из нас жмут кровь, как сок из клюквы! — падали на головы людей неуклюжие слова.

— Верно! — ответило несколько голосов сразу гулким звуком.

— Старается хлопец! — сказал Андрей.— А ну, пойду помогу ему!..

Он изогнулся и, прежде чем Павел успел остановить его, ввернул в толпу, как штопор в пробку, своё длинное, гибкое тело...

С улицы всё больше подходило народа, и один за другим люди, молча, вытягивая шеи, поднимались на носки, втискивались в переулок.

— Полиция! — крикнул кто-то.

С улицы в переулок прямо на людей ехали, помахивая плётками, четверо конных полицейских и кричали: «Разойдись!».

Люди хмурились, неохотно уступая дорогу лошадям. Некоторые влезали на заборы.

— Посадили свиней на лошадей, а они и хрюкают — вот и мы воеводы! — кричал чей-то звонкий, задорный голос.

Андрей остался один посредине проулка; на него, мотая головами, наступали две лошади. Он подался в сторону, и в то же время мать, схватив его за руку, потащила за собой, ворча:

— Обещал вместе с Пашей, а сам лезет на рожон один!

— Виноват! — сказал Андрей улыбаясь.

Заревел гудок, поглотив своим чёрным звуком людской говор. Толпа дрогнула, сидевшие встали, на минуту всё замерло, насторожилось, много лиц побледнело.

— Товарищи! — раздался голос Павла, звучный, крепкий. Сухой, горячий туман ожёг глаза матери, и она одним движением вдруг окрепшего тела встала позади сына. Все обернулись к Павлу, окружая его, точно крупинки железа кусок магнита.

Мать смотрела в лицо ему и видела только глаза, гордые и смелые, жгучие...

— Товарищи! Мы решили открыто заявить, кто мы. Мы поднимаем сегодня знамя, знамя правды, свободы!

Древко, белое и длинное, мелькнуло в воздухе, наклонилось, разрезало толпу, скрылось в ней, и через минуту над поднятыми кверху лицами людей взметнулось красной птицей широкое полотно знамени рабочего народа...

— Да здравствует рабочий народ! — крикнул он.

Сотни голосов отозвались ему гулким криком.

Толпа кипела; сквозь неё пробивались ко знамени те, кто понял его значение: рядом с Павлом становились Мазин, Самойлов, Гусевы, наклонив голову, расталкивал людей Николай и ещё какие-то незнакомые матери люди, молодые, с горящими глазами, отталкивали её...

— Да здравствуют рабочие люди всех стран! — крикнул Павел. И, всё увеличиваясь в силе и в радости, ему ответило тысячеустое эхо потрясающим душу звуком...

Мать с горячей улыбкой на губах шла сзади Мазина и через голову его смотрела на сына и на знамя. Вокруг неё мелькали радостные лица, разноцветные глаза — впереди всех шёл её сын и Андрей. Она слышала их голоса — мягкий и влажный

голос Андрея дружно сливался в один звук с голосом сына её, густым и басовитым:

— Вставай, подымайся, рабочий народ,
Вставай на борьбу, люд голодный!..

И народ бежал навстречу красному знамени, он что-то кричал, сливался с толпой и шёл с нею обратно, и крики его гасли в звуках песни,— той песни, которую дома пели тише других,— на улице она текла ровно, прямо, со страшной силой. В ней звучало железное мужество, и, призывая людей в далёкую дорогу к будущему, она честно говорила о тяжестях пути...

Но вот мать в хвосте толпы, среди людей, которые шли не торопясь, равнодушно заглядывая вперёд с холодным любопытством зрителей, которым заранее известен конец зрелища. Шли и говорили негромко, уверенно:

— Одна рота у школы стоит, а другая у фабрики...

— Губернатор приехал...

— Верно?

— Сам видел,— приехал!..

Кто-то радостно выругался и сказал:

— Всё-таки бояться стали нашего брата! И войско, и губернатор.

— Родные! — билось в груди матери.

Но слова вокруг неё звучали мертво и холодно. Она ускорила шаг, чтобы уйти от этих людей, и ей легко было обогнать их медленный, ленивый ход.

IV.

И вдруг голова толпы точно ударилась обо что-то, тело её, не останавливаясь, покачнулось назад с тревожным тихим гулом. Песня тоже вздрогнула, потом полилась быстрее, громче. И снова густая волна звуков опустилась, поползла назад. Голоса выпадали из хора один за другим, раздавались отдельные возгласы, старавшиеся поднять песню на прежнюю высоту, толкнуть её вперёд:

— Вставай, подымайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный!..

Но не было в этом зове общей слитной уверенности, и уже трепетала в нём тревога.

Не видя ничего, не зная, что случилось впереди, мать расталкивала толпу, быстро подвигаясь вперёд, а навстречу ей пятились люди, одни — наклонив голову и нахмурив брови, другие — кон-

фузливо улыбаясь, третьи — насмешливо свистя. Она тоскливо осматривала их лица, её глаза молча спрашивали, просили, звали...

— Товарищи! — раздался голос Павла.— Солдаты такие же люди, как мы. Они не будут бить нас. За что бить? За то, что мы несём правду, нужную всем? Ведь эта правда и для них нужна. Пока они не понимают этого, но уже близко время, когда и они встанут рядом с нами, когда они пойдут не под знаменем грабежей и убийств, а под нашим знаменем свободы. И для того, чтобы они поняли нашу правду скорее, мы должны идти вперёд. Вперёд, товарищи! Всегда — вперёд!

Голос Павла звучал твёрдо, слова звенели в воздухе чётко и ясно, но толпа разваливалась, люди один за другим отходили вправо и влево к домам, прислонялись к заборам. Теперь толпа имела форму клина, остриём её был Павел, и над его головой красно горело знамя рабочего народа... И ещё толпа походила на чёрную птицу,— широко раскинув свои крылья, она насторожилась, готовая подняться и лететь, а Павел был её клювом.

В конце улицы — видела мать,— закрывая выход на площадь, стояла серая стена однообразных людей без лиц. Над плечом у каждого из них холодно и тонко блестели острые полоски штыков. И от этой стены, молчаливой, неподвижной, на рабочих веяло холодом; он упирался в грудь матери и проникал ей в сердце...

Мать оглянулась и увидела, что толпа, раньше густо наполнявшая улицу, стоит нерешительно, мнётся и смотрит, как от неё уходят люди со знаменем. За ними шло несколько десятков, и каждый шаг вперёд заставлял кого-нибудь отскакивать в сторону, точно путь посреди улицы был раскалён, жёг подошвы.

Падёт произвол...

пророчила песня в устах Феди...

И восстанет народ!

уверенно и грозно вторил ему хор сильных голосов.

Но сквозь стройное течение её прорывались тихие слова:

— Командует...

— На руку! — раздался резкий крик впереди.

В воздухе извилисто качнулись штыки, упали и вытянулись встречу знамени.

— Ма-арш!

Мать, не мигая, смотрела. Серая волна солдат колыхнулась и, растянувшись на всю ширину улицы, ровно, холодно двину-

лась, неся впереди себя редкий гребень серебристо сверкавших зубьев стали. Мать, широко шагая, встала ближе к сыну, видела, как Андрей тоже шагнул вперёд Павла и загородил его своим длинным телом.

— Иди рядом, товарищ! — резко крикнул Павел.

Всё ближе сдвигались люди красного знамени и плотная цепь серых людей.

Мать слышала сзади себя топот бегущих. Подавленные тревожные голоса кричали:

— Расходись, ребята!

— Власов, беги!..

— Назад, Павлуха!

— Бросай знамя, Павел! — угрюмо сказал Весовщиков.— Дай сюда, я спрячу!

Он схватил рукой древко, знамя покачнулось назад.

— Оставь! — крикнул Павел.

Николай отдёрнул руку, точно её обожгло. Песня погасла. Люди остановились, плотно окружая Павла, но он пробился вперёд. Наступило молчание, вдруг, сразу, точно оно невидимо опустилось сверху и обняло людей прозрачным облаком.

Под знаменем стояло человек двадцать, не более, но они стояли твёрдо, притягивая мать к себе чувством страха за них и смутным желанием что-то сказать им...

— Возьмите у него, поручик, это! — раздался ровный голос высокого старика.

Протянув руку, он указал на знамя...

Несколько солдат выскочили вперёд. Один из них взмахнул прикладом,— знамя вздрогнуло, наклонилось и исчезло в серой кучке солдат.

— Эх! — тоскливо крикнул кто-то.

И мать закричала звериным воющим звуком. Но в ответ ей из толпы солдат раздался ясный голос Павла:

— До свиданья, мама! До свиданья, родная...

— Жив! Вспомнил! — дважды ударило в сердце матери.

— До свиданья, ненько [1] моя!

Поднимаясь на носки, взмахивая руками, она старалась увидеть их и видела над головами солдат круглое лицо Андрея,— оно улыбалось, оно кланялось ей.

---

[1] *Нéнько* — украинское слово, ласкательное: мать родная.

— Родные мои... Андрюша!.. Паша!..— кричала она.

— До свиданья, товарищи! — крикнули из толпы солдат. Им ответило многократное, разорванное эхо.

Вопросы и задания.

1. Какое событие описывается в этом произведении? Как к нему готовились рабочие? Что делала полиция?

2. Какие речи произносили на улице Павел и его товарищи Андрей, Николай Весовщиков? Прочитайте их.

3. Что говорил Павел и его товарищи о труде и жизни рабочих?

4. Назовите черты Павла как вожака. Выделите из произведения отдельные отрывки (цитаты) о Павле. Найдите сравнения в этом отрывке и используйте их в рассказе о Павле.

5. Как М. Горький относится к Павлу и его товарищам?

Озаглавьте каждую часть рассказа.

Расскажите (напишите), как прошёл последний праздник Первого мая теперь в вашей местности (городе, селе).

Ленин идёт в Смольный.

Л. Савельев.

Вечером 24 октября Ленин послал членам Центрального Комитета большевистской партии письмо, в котором писал:

«Правительство[1] колеблется. Надо добить его, во что бы то ни стало!»

В тот самый момент, когда Ленин писал своё письмо, Сталин послал связного на конспиративную квартиру Ленина.

Центральный Комитет вызывал Ленина в Смольный.

Владимир Ильич быстро переоделся, вынул из стола седой парик и надел его на голову. Повязал лицо большим платком, как будто у него болели зубы. Надел пальто и надвинул поглубже, на самые глаза, засаленную кепку.

Связной сопровождал Владимира Ильича до Смольного. На всякий случай он захватил с собой револьвер. Если что-нибудь случится в пути, надо будет отвлечь юнкеров выстрелами, отдать свою жизнь, лишь бы спасти жизнь Ленина.

Вместе вышли они на улицу и вскочили в первый попавшийся трамвай.

---

[1] Речь идёт о Временном правительстве.

Владимир Ильич решил заговорить с кондукторшей, чтобы узнать, как широко успела уже распространиться весть о восстании.

— Куда едем? — спросил Ленин.

— В парк,— ответила кондукторша.

— Почему так рано в парк?

— А ты кто такой? — спросила в свою очередь кондукторша.

— Рабочий,— ответил Ленин.

— Тоже рабочий! — сказала с возмущением кондукторша.— Почему да куда — не знает сам, что делается. Буржуев бить будем! Вот куда едем...

Трамвай повернул в парк.

Ленин и сопровождавший его рабочий двинулись пешком по длинной Шпалерной улице...

И тут чуть было не случилось несчастье: из-за угла выехал конный патруль.

— Куда идёте? Предъявите пропуск! — крикнул начальник патруля.

— Идите вперёд, товарищ Ленин,— шепнул рабочий.— А я попробую занять их разговором.

Пошатываясь, точно пьяный, вышел рабочий на середину улицы и стал переругиваться с патрулем.

А сам держал в это время руку в кармане, где был спрятан револьвер.

Патрульным некогда было связываться с подгулявшим рабочим. Начальник махнул рукой, и патруль поскакал дальше.

Скоро Ленин был уже в Смольном.

Сталин сообщил ему о последних событиях и решениях Центрального Комитета.

Теперь все нити восстания были в руках Ленина и его ближайшего соратника Сталина.

В Смольном.

Л. Савельев.

Была полночь. Город тонул в густом мраке. Только в Смольном горели огни, весь он сиял своими бесчисленными, ярко освещёнными окнами. Сквозь осенний холодный туман здание его казалось необычайно величественным.

В Октябрьские дни Смольный стал боевым штабом пролетарской революции.

В одной из комнат Смольного находился Военно-Революционный Комитет. Здесь, в Смольном, было сосредоточено руководство восстанием. Здесь подписывали ордера на выдачу оружия, намечали, куда двинуть какие отряды, учитывали время их движения и наносили на карту Петрограда их маршруты.

Сюда, к Смольному, спешили из всех районов города вооружённые отряды и, получив боевое задание, отправлялись вновь в путь, шагая в ночной темноте, каждый по указанному маршруту.

К подъезду Смольного прибывали всё новые и новые автомобили, повозки, грузовики, шли со всех сторон вереницы людей.

Стоял не прерывающийся ни на минуту слитый гул тысяч голосов, звон железа и рёв машин.

Отсюда воля Ленина и Сталина, воплощающая в себе волю народа, распространялась по всему городу, по всей нашей стране, вносила порядок в движение тысяч и тысяч людей, вела их в бой.

Гениальный ленинский план вооружённого восстания осуществился на деле.

Петропавловская крепость находилась в руках восставших.

Уже захвачены были все мосты, кроме Дворцового и Николаевского.

Уже получены были известия: большевики Петергофа, Царского Села, Выборга сумели выполнить свой долг — остановить полки, вызванные Временным правительством. Эти полки не пройдут теперь в Петроград.

Захват телефонной станции.

Л. Савельев.

Это была удивительная и беспримерная в истории борьба.

Беспощадная и решительная, перекидывающаяся из одного места в другое. Это была борьба за то, кому владеть городом и всей страной: капиталистам или рабочим и крестьянам.

То тут, то там появлялись внезапно красногвардейские отряды, вылетали вдруг из темноты грузовики с вооружёнными рабочими и солдатами. Восставшие быстро окружали намеченное здание, устремлялись по лестницам наверх, обезоруживали его охрану.

Большевики наносили неприятелю неожиданные, молниеносные удары.

В пять часов вечера они одержали первую победу: овладели зданием Главного телеграфа. Неприятель очень скоро почувствовал свою потерю: телеграфный провод, тянувшийся от Зимнего к Главному телеграфу, тот самый провод, который связывал Временное правительство со всей страной, перестал вдруг работать.

В половине второго ночи в руки восставших перешёл Главный почтамт. В два часа ночи — электростанции и вокзалы. Ещё через несколько часов — Государственный банк и Центральная телефонная станция.

На рассвете восставшие овладели тюрьмой «Кресты», в которой были заключены арестованные Временным правительством большевики. Они томились здесь уже четвёртый месяц. И вот теперь двери камер распахнулись, узников выпустили на свободу. Они выходили бледные, похудевшие, целовались с освободившими их товарищами и сейчас же требовали себе винтовки и шли на улицы вместе с остальными — в бой.

В Военно-Революционный Комитет приходили известия о новых и новых успехах. Но эти успехи и победы давались нелегко.

Каждая из них требовала смелости, находчивости, решительности.

Большевики действовали в каждом случае по-разному. Когда против них выступали обманутые Временным правительством солдаты, большевики старались убедить их, привлечь на свою сторону. Против упорных защитников буржуазии, против юнкеров, большевики применяли силу, а иногда прибегали к хитрости. Вот, например, как была взята телефонная станция.

Когда восставшие ворвались в ворота телефонной станции, они увидели во дворе большой отряд юнкеров. Юнкера бежали им навстречу, готовясь стрелять. Они бежали рассыпным строем, а восставшим некуда было податься, они сгрудились толпой: проход во дворе был узок. Было ясно: восставшие попали как бы в ловушку, их сейчас всех перебьют.

Спасения, казалось, не было. И всё же большевики не повернули назад, не побежали. В этот опасный момент они не растерялись.

— Юнкера! — крикнул командир революционного отряда чётко и отрывисто, так, как обычно отдавали команду офицеры.— Юнкера, стой! Вынь патроны!

Юнкера остановились в удивлении. В пылу атаки, на бегу они не разобрались, откуда донёсся этот уверенный, властный голос. Некоторые стали нерешительно разряжать винтовки. Другие искали глазами своего начальника: он ли это отдал такое странное приказание?

Всего несколько секунд продолжалось замешательство. Но эти-то секунды и решили судьбу боя.

Восставшие успели выбежать из узкого прохода во двор и окружить юнкеров. Через несколько минут они уже обезоружили их.

Так была взята телефонная станция. И сразу же телефоны Смольного были вновь включены в сеть, а все телефоны Зимнего были выключены.

Враг был теперь лишён всех видов связи.

Вопрос и задание.

1. Почему большевики в первую очередь брали телефонную станцию, почту, вокзалы, телеграф, банк?

2. Расскажите, как была взята телефонная станция.

Ленин провозглашает советскую власть.

С картины художника В. А. Серова.

Встреча со Сталиным.

В. Чкалов.

2 мая 1935 года я стоял на аэродроме, вытянувшись «в струнку», спиной к мотору моего любимого самолёта. Лучшие наши конструкторы и лётчики выстроились для встречи.

Мы дружно ответили на приветствия товарища Ворошилова. Рядом с ним шли Сталин и Орджоникидзе...

Иосиф Виссарионович поздоровался со мной и начал задавать мне вопросы. Расспрашивая меня о моей работе, товарищ Сталин показал большое знание авиации.

Очевидно, Ворошилов уже рассказал ему о моих воздушных приключениях, потому что Иосиф Виссарионович спросил меня:

— Почему вы не пользуетесь парашютом, а обычно стараетесь спасти машину?

Я объяснил, что летаю на опытных, ценных машинах, которые надо беречь во что бы то ни стало. Во время испытания мысль направлена к тому, чтобы благополучно довести машину до земли.

— Ваша жизнь,— сказал товарищ Сталин,— дороже нам любой машины. Надо обязательно пользоваться парашютом, если есть в этом нужда!

О великом и простом человеке.

А. Яковлев.

Мне не раз приходилось встречаться по работе с товарищем Сталиным. Всё больше и больше раскрывался передо мной образ этого великого человека.

Во время разговора он мягко прохаживается по кабинету. Слушая собеседника, очень редко перебивает его, даёт высказаться до конца.

...Требовательность в работе — характерная черта Сталина. Не раз мне приходилось быть свидетелем такого разговора. Даётся какое-нибудь задание ответственному работнику.

Тот говорит: «Товарищ Сталин, срок мал, а дело это очень трудное».

Сталин в ответ:

— А мы здесь только о трудных делах и говорим. Потому-то вас и пригласили сюда, что дело трудное. Скажите лучше, какая вам нужна для этого помощь, и сделайте всё, что надо, и к сроку.

Сталин любит, чтобы на его вопросы давали короткий, прямой и чёткий ответ. Обычно тот, кто в первый раз бывает у него, долго не решается ответить на заданный вопрос, старается хорошенько обдумать ответ, чтобы не попасть впросак. Так и я в первое время, прежде чем ответить товарищу Сталину на какой-нибудь вопрос, мялся, смотрел в окно, на потолок.

А Сталин, смеясь, говорит:

— Вы на потолок не смотрите, там ничего не написано. Вы уж лучше прямо смотрите и говорите, что думаете. Это единственное, что от вас требуется.

Как-то на прямо поставленный вопрос я затруднился ответить — не знал, как воспримет мой ответ Сталин, понравится ли ему, что я скажу. Он заметил это и серьёзно сказал:

— Только, пожалуйста, отвечайте так, как вы сами думаете. Не старайтесь сказать то, что мне может понравиться. Не нужно этого. Мало пользы получится от нашего разговора, если вы будете угадывать мои желания. Не думайте, что если вы скажете невпопад с моим мнением, это будет плохо. Вы специалист. Мы с вами разговариваем для того, чтобы у вас кое-чему поучиться, а не только чтобы вас учить.

Как-то раз Сталин сказал:

— Если вы твёрдо убеждены, что правы, и сумеете доказать свою правоту, никогда не считайтесь с чьими-то мнениями, а действуйте так, как вам подсказывает разум и ваша совесть.

Сталин не терпит безграмотности.

Правильному, грамотному изложению мысли он придаёт очень большое значение:

— Если человек не может грамотно, правильно изложить свои мысли,— значит он и мыслит так же бессистемно, хаотично. Как же в порученном деле он наведёт порядок?

Сам Сталин и окружающие его работают с необычайной чёткостью.

...Замечательную школу проходит каждый, кто встречается по работе с товарищем Сталиным.

Сталину.

Я. Купала.

Тебе, наш учитель, мои все желанья,
И песни, и думы, и сердца порывы.
Кому это снилось, кто думал заране,
Что стану я вольным, что стану счастливым.
Кто мог бы поверить, что нынче я буду,
Как птица, как ветер над нивой богатой,
И жить, и дивиться великому чуду,
Которое ходит сегодня по хатам.
Что ты, наш учитель, как ясное солнце,
Глаза мне откроешь на землю и небо...
Свети ж, моё солнце, сияй мне в оконце,
Тебя я встречаю и солью, и хлебом!
Выходят стальные плуги
Пахать молодые поля.
Ни пана нигде, ни слуги,
Свободною стала земля.
Счастливое славя житьё,
Мой край растёт и цветёт.
Так пой же ты, счастье моё!
Так пой, белорусский народ!

Перевод М. Исаковского.

Памятник.

А. Кононов.

Это было в одном маленьком городке.

На самом краю города стояла школа — новый дом с колоннами. А перед школой, на высоком пригорке,— памятник Ленину.

Памятник был отлит из гладкого чёрного чугуна и поставлен на большой камень — гранит, так что каждый, кто приезжал в городок, прежде всего видел Ленина.

Вокруг памятника ребята-школьники посадили цветы — много цветов — и четыре молодые берёзки. Они хотели насадить целый сад, но не успели: началась война.

Прилетели фашистские самолёты и сбросили бомбы на мирный городок. Потом начали громить его из орудий.

Когда враг был уже совсем близко, жители стали уходить из города. Женщин с детьми увезли в безопасное место, мужчины взяли оружие и ушли в лес — стали партизанами.

А несколько человек не успели уйти.

Немцы вошли в город и увидели, что школа и лучшие дома от их бомб и снарядов сгорели, памятник Ленину разрушен и все улицы городка в развалинах.

Фашистский офицер прежде всего велел расклеить на воротах уцелевших домов приказ. В приказе объявлялось, что если в городе будет убит хоть один немецкий солдат, то немцы расстреляют за это десять первых попавшихся советских людей, всё равно — мужчин или женщин, взрослых или детей.

Расклеив приказ, фашисты начали грабить брошенные дома, грабили до поздней ночи.

Ночью последние жители стали потихоньку уходить из городка. Они пробирались поодиночке огородами и садами к дороге, которая вела в лес.

Выйдя в поле, они собрались вместе, и оказалось, что их — последних жителей сгоревшего городка — всего шесть человек.

Не сговариваясь, они остановились и оглянулись на знакомый пригорок, где ещё утром стоял памятник Ленину. А потом всё так же молча повернули назад, к пригорку.

Там они нашли камень, на котором стоял памятник: камень был расколот бомбой на две части. Шестеро советских людей подняли их, внесли на вершину пригорка и поставили рядом. Потом стали искать статую. Оказалось, что она уцелела, только найти её в темноте было трудно: её закрыла сваленная немецким снарядом берёзка. Берёзку подняли.

В это время немецкий часовой начал прислушиваться: ему показалось, что на пригорке раздался какой-то шорох. Он подошёл поближе, но кругом всё было спокойно. Только мёртвая берёзка шелестела на ветру своими листьями, да медленно подымался дым над сгоревшей школой и закрывал пустой пригорок.

Часовой постоял, подумал и опять ушёл — поближе к уцелевшим домам, где спали немецкие солдаты.

Тогда шестеро советских людей бережно взяли статую и неслышно поставили её на старое место — на гранитный камень. И камень стоял крепко, как будто его и не разбивала никогда фашистская бомба.

Потом — опять поодиночке — стали пробираться последние жители сгоревшего городка к лесу.

Наступило утро. Немецкий офицер решил осмотреть город и допросить оставшихся жителей. Он взял с собой двух солдат и пошёл по улицам.

И вдруг остановился, будто его ударили: на пригорке, невредимый, стоял Ленин.

Фашист от злости весь налился кровью, зачем-то выхватил револьвер и побежал к памятнику. За ним тяжело топали подкованными сапогами солдаты. У пригорка офицер опомнился, спрятал револьвер и приказал солдату подать ему гранату.

Но кинуть её не успел. Раздался далёкий выстрел, и рука у офицера повисла, перебитая пулей. Стреляли из леса.

Солдаты бросились на землю и выставили вперёд винтовки.

Немцы подняли тревогу. Сбежалась целая рота солдат. Офицеры выстроили их и повели к лесу.

А в это время в город с другого конца ворвался конный отряд партизан.

И немцев стали бить с двух сторон. Били до тех пор, пока всех не уничтожили.

Через день подошли к городу советские танки.

И первое, что увидели наши танкисты,— это памятник Ленину. У памятника на часах стоял старик-партизан, в руках у него было охотничье ружьё.

Нам тридцать лет!

С. Михалков.

(К тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции.)

Мой сын! Послушай мой рассказ
О нашей родине, о нас,
О тех, кто тридцать лет назад,
Подняв Москву и Петроград,
Под красным знаменем, в бою
Свободу отстоял свою
И отдал молодость борьбе,
Чтоб хорошо жилось тебе!

Ты ходишь в школу, в третий класс,
Как тысячи детей.
Немало школьников у нас,
И каждый — грамотей!

А раньше, много лет назад,
Страною правил царь,
И были не у всех ребят
Тетрадки и букварь.

Учились дети богачей:
Сынки купцов, дворян;
Немного в школы шло детей
Рабочих и крестьян.

Из года в год мужик пахал,
И сеял, и молол,
А хлеб мужицкий попадал
К помещику на стол.

Трудился из последних сил,
Недоедал бедняк,
А барин досыта кормил
Охотничьих собак.

На сотни вёрст — леса, поля,
Равнины и луга,
А всё — помещичья земля,
Где ни ступи нога!

В лугах — господская трава,
В лесах — господские дрова.
На всём лежит запрет,
А барин, знай себе, живёт
На свой помещичий доход,
И сладко ест, и сладко пьёт —
Ему и горя нет!

А в городах из года в год,
До гроба — весь свой век,
Работал так же на господ
Рабочий человек.

Но были люди на земле,
Что думали о тех,
Кому живётся в кабале
На свете хуже всех.

Они хотели, чтоб народ
Был сыт, обут, одет
И не работал на господ,
Как было сотни лет.

И тридцать лет тому назад
Настал свободы час —
Вооружился Петроград,
Восстал рабочий класс.

И тот, кто жизнь в борьбе провёл,
Кто испытал нужду,
На штурм дворцов народ повёл
В семнадцатом году.

Ты посмотри по сторонам:
Всё это — наше, это — нам:
И горы, и луга...
На сотни вёрст — леса, поля,
И всё — народная земля,
Где ни ступи нога!

Цветут сады не для господ —
Они для нас цветут!
И во дворце не граф живёт,
А школьники живут!

И из мешков зерно бежит
Не в закрома к купцу!
И Днепрогэс принадлежит
Не частному лицу!

Мы сеем хлеб, броню куём,
Мы в шахтах уголь достаём,
В дома проводим газ.
И этот уголь, эта рожь,
И газ, и дом, где ты живёшь,
И всё вокруг — для нас!
Не сосчитать всех гроз, всех бед,
Что мы перенесли,
Но день за днём мы тридцать лет
Боролись и росли.

В пустынях строил города
Советский человек,
Ему послушная вода
Меняла русла рек.
В труде не покладая рук
Он чудеса творил.
А сколько он постиг наук!
А сколько тайн открыл!

Он превращал руду в металл
Для славных мирных дел,
Чужой земли он не желал,
Вражды с ней не хотел.

А если шёл он воевать,
Так только потому,
Что нужно было отстоять
Отечество ему.

И тут уж не было преград,
Которых бы не брал
Советской Армии солдат,
Советский генерал!

Живи, учись, гордись, мой сын,
Что ты советский гражданин.
И, в жизни выбрав путь,
Везде — в сраженьях и в труде —
Всегда — и в счастье и в беде —
Об этом не забудь.
Мы далеко вперёд глядим,
Мы видим цель свою,
И то, что мы создать хотим,
Мы общей волей создадим
В своём родном краю!

Таня.

П. Лидов.

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили неизвестную девушку-партизанку.

Она из предосторожности скрыла своё настоящее имя и назвала себя Таней. Лишь после её смерти, после того, как Петрищево было освобождено от немцев, стало известно, кто эта девушка.

То была Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица X класса школы № 201 Октябрьского района города Москвы.

...Июнь 1941 года. Последние экзамены. Зоя переходит в десятый класс, а через несколько дней начинается война.

Страстно, горячо выступает Зоя на собрании комсомольской организации. Девушка уходит на строительство оборонительных укреплений. Как всегда, Зоя отдаёт и этому новому, необычному для неё делу всю себя. Работает сильно, по-мужски. Её ставят в пример товарищам — юношам и девушкам, комсомольцам и не комсомольцам.

Враг наступает. Зоя решила стать бойцом. Она идёт добровольцем в истребительный отряд.

И вот она в большой комнате, перед столом, за которым сидит командир отряда. Командир долго и испытующе вглядывается в лицо девушки.

— Не боитесь?

— Нет, не боюсь.

— В лесу, ночью, одной?..

— Нет, ничего.

— А если к немцам попадётесь? Если пытать будут?

— Выдержу!..

Командир принял Зою в отряд.

У деревни Обухово с группой комсомольцев-партизан Зоя перешла через линию фронта на занятую противником территорию.

Две недели они жили в лесах, ночью выполняли боевые задания, а днём грелись в лесу у костра и спали, сидя на снегу, прислонившись к стволу сосны.

Пищи было запасено на пять дней. Её растянули на пятнадцать. Последние сухари уже подходили к концу. Иных утомили трудности похода, но Зоя ни разу не пожаловалась на лишения. Пора было возвращаться, но ей казалось, что сделано мало. Она решила остаться, проникнуть одна в Петрищево, занятое немцами. Она знала, что идёт на очень трудное, очень опасное дело, может быть, на смерть.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Враг вышел на рубеж канала Москва — Волга.

Небольшая, окружённая лесом деревня Петрищево была битком набита фашистскими войсками. Тут стояла кавалерийская часть. В каждой избе разместили по десять-двадцать солдат. И те из колхозников кто не успел уйти с Советской Армией и не скрылся в леса, те, обобранные до нитки, голодные, были выброшены в холодные сени, а то и прямо на мороз.

В эту деревню и направилась Зоя. В первую ночь ей удалось уничтожить несколько занятых фашистами изб, конюшню немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей.

Комсомольцы-партизаны ждали Зою в условленном месте, но она не возвратилась. Её уже считали погибшей. Но она была жива и всё ещё считала, что сделала мало. Поэтому ушла из деревни, в которой немцы забили тревогу, и со свойственным ей упорством выжидала удобного момента, чтобы вернуться. Где

провела одна два дня и две ночи в этом ожидании? Этого мы не знаем. Но через два дня, когда стемнело, она снова пришла в деревню продолжать своё дело.

На этот раз Зоя пробралась к конюшне на краю села, в которой находилось свыше двухсот лошадей германской кавалерийской части. На Зое была шапка, меховая куртка, стёганые ватные штаны, сапоги, а через плечо — сумка. Подойдя к конюшне, она сунула за пазуху наган, который держала в руке, достала из сумки бутылку с бензином, полила из неё и потом нагнулась, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент подкрался часовой и обхватил её сзади руками. Зоя оттолкнула немца, выхватила револьвер, но выстрелить не успела.

Солдат выбил у неё из рук оружие и поднял тревогу.

Зою ввели в крайний дом и тут разглядели, что это девушка. В избу набились фашисты и, как передаёт хозяйка дома Мария Седова, всё повторяли: «Фрау партизан, фрау партизан» [1]. Здесь девушку раздели и били, а через двадцать минут босую, в одной сорочке и трусиках через всё селение повели в дом, где помещался штаб.

Офицер задавал вопросы, и Зоя (тут она назвалась Таней) отвечала на них без запинки, громко и дерзко.

— Кто вы? — спросил подполковник.

— Не скажу.

— Это вы подожгли конюшню?

— Да, я.

— Ваша цель?

— Уничтожить вас.

Зою спрашивали о том, кто послал её и кто был с нею. Требовали, чтоб выдала своих друзей. Через дверь доносились ответы: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет».

Четверо дюжих мужчин, сняв пояса, избивали девушку. Но Зоя не издала ни одного звука.

Позднее в своих показаниях немецкий офицер, присутствовавший на допросе, писал:

«Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство... Она посинела от мороза, раны её кровоточили, но она не сказала ничего».

---

[1] «Женщина-партизан».

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу.

В десять часов утра пришли офицеры. Один из них снова спросил Зою:

— Скажите, кто вы?

Зоя не ответила.

— Скажите, где находится Сталин?

— Сталин находится на своём посту,— ответила Зоя.

Зою одели. На грудь повесили отобранные у неё бутылки с бензином и доску с надписью: «Поджигатель». Так и вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружили десятеро конных с саблями наголо, больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

В последний момент Зоя, обращаясь к колхозникам и колхозницам, крикнула громким и чистым голосом:

«Товарищи! Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов! Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье — умереть за свой народ».

Зоя повернулась в сторону коменданта и крикнула ему и немецким солдатам:

«Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен: всё равно победа будет за нами!

Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придёт!..»

Вопросы.

1. Как боролась Зоя Космодемьянская с фашистскими захватчиками?
2. Как держала себя Зоя при допросе перед немецкими офицерами?
3. Что Зоя крикнула перед смертью врагам? К чему она призывала присутствующих при казни колхозников?
4. Как можно назвать Зою?

Серёжа Тюленин.

А. Фадеев.

(Из романа «Молодая гвардия».)

В романе «Молодая гвардия», два отрывка из которого помещены здесь, Фадеев описал события, которые происходили во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в г. Краснодоне. Немцы, оккупировавшие город, зверски расправлялись с жителями города, с ранеными советскими бойцами, находившимися в госпитале.

Молодые патриоты [1] Краснодона создали боевую организацию «Молодая гвардия». Молодогвардейцы клялись беспощадно мстить фашистским захватчикам за сожжённые и разорённые города и сёла, за кровь наших людей и отдать, если понадобится, для этого свою жизнь.

И они выполнили свою клятву. Они мстили за муки, которые терпела наша родина от фашистских захватчиков. Они отдали свои жизни за счастье и свободу нашей великой родины.

Правительство присвоило звание Героя Советского Союза руководителям «Молодой гвардии»: Олегу Кошевому, Сергею Тюленину, Ульяне Громовой, Ивану Земнухову, Любови Шевцовой.

В здании школы было так тихо, что каждый шаг Серёжки, казалось, слышен был не только в здании, но и во всём городе...

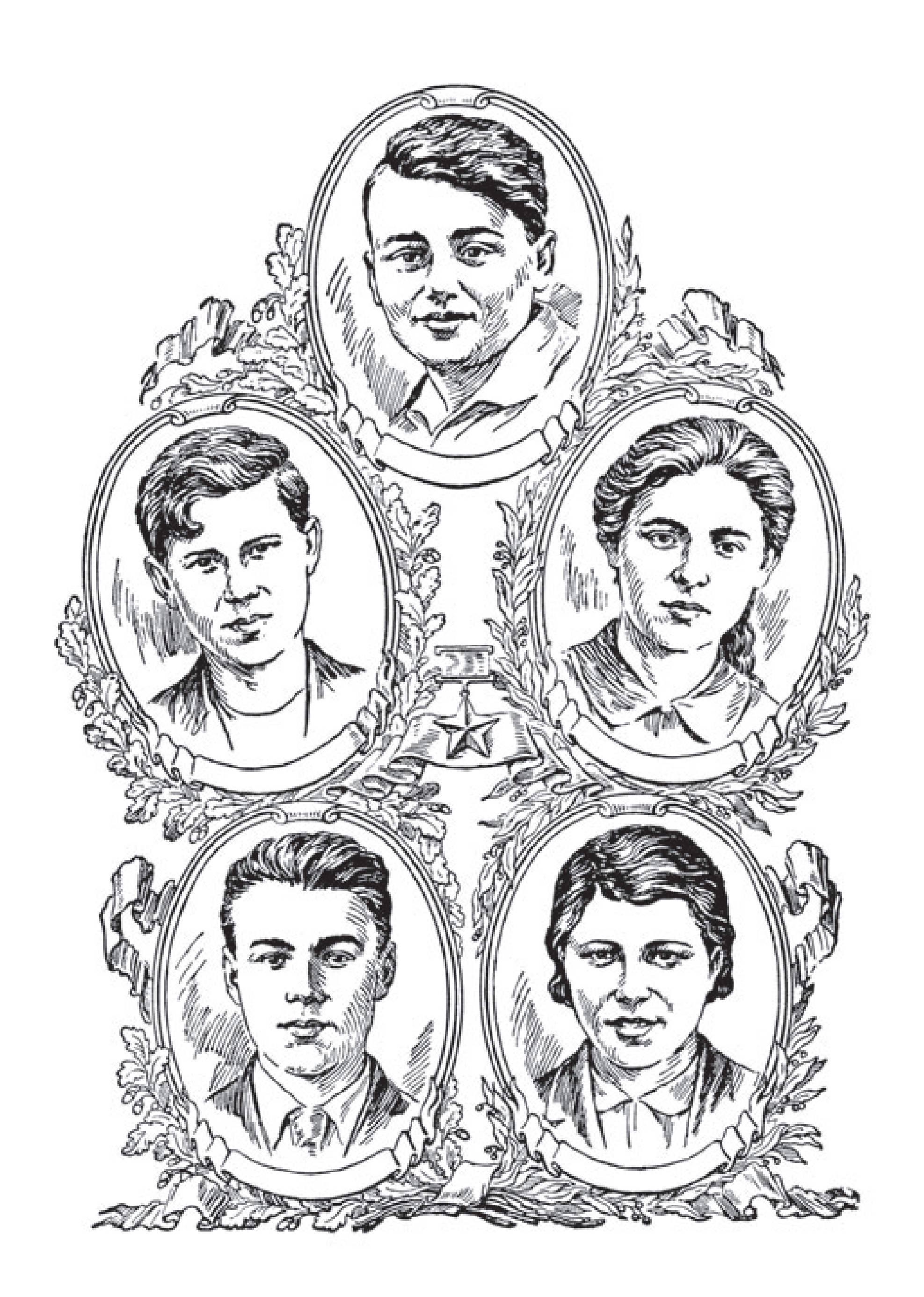
Некоторое время он посидел у оконца, сквозь которое теперь ничего не было видно, посидел просто для того, чтобы перевести дух.

Потом он нащупал пальцами гвоздики, которые держали раму окна, отогнул их и тихо вынул раму. Свежий воздух пахнул на него, на чердаке всё ещё было душно. После темноты школы и, особенно, этого чердака он уже мог различать то, что происходило перед ним на улице. Он слышал движение машин по городу и видел движущиеся, приглушённые огни их фар...

У главного входа в здание треста шла военная ночная жизнь. Подъезжали машины, мотоциклетки. Всё время входили и выходили офицеры и солдаты, бряцая оружием и шпорами, слышался чуждый, резкий говор. Но окна в здании треста были затемнены.

---

[1] *Патрио́т* — человек, любящий свою родину, преданный ей.

Так Серёжка просидел возле этого оконца часа два, не меньше. Всё уже стихло в городе. Движение возле здания тоже прекратилось, но внутри него ещё не спали. Серёжка видел это по полоскам света, выбивавшегося из-за краёв чёрной бумаги. Но вот в двух окнах второго этажа свет потух, и кто-то изнутри отворил одно окно, потом другое. Потух свет и в некоторых окнах первого этажа, и эти окна тоже распахнулись.

— Кто там? — раздался начальственный голос из окна второго этажа, и Серёжка смутно различил силуэт фигуры, перегнувшейся через подоконник.— Кто там? — снова спросил этот голос.

— Лейтенант Мейер,— ответил юношеский голос снизу.

— Я не советовал бы вам открывать окна в нижнем этаже,— сказал голос наверху.

Серёжка, не понимая, с бьющимся сердцем прислушивался к немецкой речи.

В окнах гасили свет, подымали шторы, и окна открывались одно за другим. Иногда из них доносились обрывки разговора, кто-то насвистывал. Иногда кто-нибудь чиркал спичкой, осветив на мгновение лицо, папиросу, пальцы, и потом огненная точка папиросы долго ещё видна была в глубине комнаты.

Немцы ложились спать. Всё затихло в здании и в городе.

Серёжка слышал биение своего сердца, казалось, оно стучит на весь чердак. Здесь было всё-таки очень душно. Серёжка весь вспотел.

Здание треста с открытыми окнами, погружённое во тьму и сон, смутно вырисовывалось перед ним. Он видел зияющие тьмой отверстия окон вверху и внизу. Да, это нужно было делать сейчас... Он сделал несколько пробных движений рукой, чтобы вымерить возможный размах и хоть приблизительно прицелиться.

Бутылки, которые он сразу как пришёл сюда, вынул из карманов и из-за пазухи, стояли сбоку от него. Он нащупал одну из них, крепко сжал её за горлышко, примерился и с силой пустил в нижнее растворенное окно. Ослепительная вспышка озарила всё окно и даже часть улочки между зданием треста и зданием школы, и в то же мгновение раздался звон стекла и лёгкий взрыв. Из окна вырвалось пламя. В то же мгновение Серёжка бросил в это окно вторую бутылку, она разорвалась в пламени с сильным звуком. Пламя уже бушевало внутри комнаты, едва не до второго этажа. Кто-то отчаянно выл и визжал в этой комнате, крики

раздались по всему зданию. Серёжка схватил третью бутылку и пустил её в окно второго этажа напротив.

Он слышал звук, как она разбилась, и видел вспышку такую сильную, что вся внутренность чердака осветилась, но в это время Серёжка был уже далеко от окна, он был уже у выхода на чёрную лестницу. Стремглав пронёсся он этой чёрной лестницей, вбежал в ближайшую комнату,— кажется, это была учительская,— быстро распахнул окно, выпрыгнул в парк и, пригибаясь, побежал в глубину его.

Теперь он понял, что надо упасть на землю и полежать одно мгновение тихо и прислушаться.

Слышно было, как мышка шуршит где-то неподалёку от Серёжки в траве. С того места, где он лежал, он не видел пламени, но оттуда, с улицы, доносились крик и беготня. Он вскочил и пробежал ещё дальше, на самый край парка. Он сделал это на случай, если будут оцеплять парк,— отсюда он уже мог уйти при всех условиях.

Теперь он видел огромное, всё более распространявшееся по небу зарево, отбрасывавшее свой багровый отсвет на макушки деревьев парка.

Зарево всё разрасталось, окрашивая небо над парком, и даже сюда доносилась суматоха, поднявшаяся в центральной части города. Нужно было уходить.

Вопросы и задание.

1. Зачем Серёжа Тюленин проник ночью в школу?
2. Что наблюдал Серёжа из окна на чердаке школы?
3. Расскажите, как Серёжа поджёг здание штаба.
4. Каким можно назвать поступок Серёжи Тюленина?

Листовки.

А. Фадеев.

(Из романа «Молодая гвардия».)

«Земляки! Краснодонцы! Шахтёры! Колхозники!

Всё брешут немцы! Сталин в Москве. Гитлер врёт о конце войны. Война только разгорается. Красная Армия ещё вернётся в Донбасс.

Гитлер гонит нас в Германию, чтобы мы на его заводах стали убийцами своих отцов, мужей, сыновей, дочерей.

Не ездите в Германию, если хотите в скором времени на своей родной земле, у себя дома обнять мужа, сына, брата!

Немцы мучают нас, терзают, убивают лучших людей, чтобы запугать нас, поставить на колени.

Бейте проклятых оккупантов! Лучше смерть в борьбе, чем жизнь в неволе!

Родина в опасности. Но у неё хватит сил, чтобы разгромить врага. «Молодая гвардия» будет рассказывать в своих листовках всю правду, какой бы она горькой ни была для России. Правда победит!

Читайте, прячьте наши листовки, передавайте их содержание из дома в дом, из посёлка в посёлок.

Смерть немецким захватчикам!

Молодая гвардия».

Откуда возник он, этот маленький листок, вырванный из школьной тетради, на краю кишащей людьми базарной площади, на щите, где в былые времена вывешивалась районная газета «Социалистическая родина», а теперь висят немецкие плакаты в две краски, жёлтую и чёрную.

И вдруг на одном из плакатов, как раз на том самом, где веером расположились фотографии, изображавшие парад немецких войск в Москве, немецких офицеров, купающихся в Неве — у Петропавловской крепости, немецких офицеров под руку с нашими девчатами на набережной Сталинграда,— как раз на этом плакате возник белый листок, аккуратно исписанный чернилами, разведёнными на химическом карандаше.

Полюбопытствовал сначала один человек, потом подошли ещё двое и ещё, и ещё, и вот уже кучка народу, больше женщин, стариков, подростков, собралась у щита, и все просовывают головы, чтобы прочесть листок.

Громадная толпа клубилась возле щита с листком. Передние стояли молча, но не отходили; неодолимая сила понуждала их снова и снова перечитывать этот листок. А задние, пытаясь протолкнуться к листку, шумели, сердились, спрашивали, что там написано. И хотя никто не отвечал и пробиться нельзя было, громадная и всё растущая толпа уже знала, о чём говорит этот маленький листок, вырванный из школьной тетради: «Неправда, что немецкие войска идут парадом по Красной площади! Неправда, что немецкие офицеры купаются у Петропавловской крепости! Неправда, что они гуляют с нашими девушками по сталинградским улицам! Неправда, что нет больше на свете Красной Армии, а фронт держат монголы, нанятые англичанами!» Всё это — неправда. Правда в том, что в городе остались свои люди, знающие правду, которые бесстрашно говорят эту единственную правду народу.

Человек с повязкой «полиция», неимоверно длинный, в клетчатых штанах, заправленных в яловочные сапоги, и в таком же клетчатом пиджаке, из-под которого свисала тяжёлая кобура с жёлтым шнуром, вошёл в толпу, возвышаясь над ней узкой головой в старомодном картузе. Люди, оглядываясь, узнавали Игната Фомина и расступались перед ним с мгновенным выражением испуга или заискивания.

Фомин, расставив длинные руки, навис над толпой. Пирожок на мгновение точно прилип к нему. Толпа раздалась и начала разбегаться. Пирожок выбежал вперёд.

Фомин мрачно шёл по базару в тяжёлых яловочных сапогах. Народ, забросив свои торговые дела, глядел ему в спину с выражением — кто испуга, кто удивления, а кто злорадства: на спине Фомина к его клетчатому пиджаку был прикреплён листок, на котором большими печатными буквами было выведено:

«Ты продаёшь наших людей немцам за кусок колбасы, за глоток водки и за пачку махорки. А заплатишь своей подлой жизнью. Берегись!»

Никто не остановил Фомина, и он с этим зловещим предупреждением на спине проследовал через весь базар в полицию.

Светлая курчавая голова Серёжки и чёрная головка Пирожка

то возникали, то исчезали в базарной толпе там, здесь, двигаясь среди вращающихся тел, как кометы по своим непонятным орбитам. Они не одни: вдруг вынырнет на каком-нибудь извороте русая головка Тоси Мащенко, тихой, скромно одетой девушки с умненькими глазами. А если здесь головка Тоси Мащенко, значит ищи поблизости её спутника, белую голову Стёпы Сафонова. Светлые пронзительные глаза Серёжки скрещиваются в толпе с тёмными бархатными глазами Витьки Лукьянченко, скрестятся и разойдутся. И долго кружит вокруг ларьков и столиков Валя Борц со своими светлорусыми золотистыми косами; в руках у неё корзинка, прикрытая суровым рушником, а что она продаёт и что покупает, этого не видит никто.

И люди находят листовки у себя в кошолке, в пустом мешке, а то и прямо на прилавке под сахарным кочаном капусты или под арбузом, серо-жёлтым, темнозелёным или словно расписанным иероглифами,— иногда это даже не листовка, а просто узкая полоска бумаги, на которой выведено печатными буквами что-нибудь такое:

«Долой гитлеровских двести грамм, да здравствует сталинский килограмм!»

И дрогнет сердце у человека.

Вопросы.

1. О чём писали в листовках молодогвардейцы?
2. Как они распространяли эти листовки?

Рассказ о сыне.

Е. Кошевая.

Ему было всего шестнадцать лет. Он мечтал стать инженером. Очень любил литературу, много читал, сочинял стихи. Увлекался шахматами, спортом. Очень хорошо танцевал, обожал музыку. Но любовь к книгам у Олега была особенной, безграничной.

Рослый, широкоплечий, он выглядел старше своих лет. Его все находили красивым. У него были большие карие глаза, длинные ресницы, ровные широкие брови, высокий лоб, русые волосы. Олег никогда не болел. Он был на редкость здоровым мальчиком.

Закончить среднюю школу Олег не успел: он перешёл в десятый класс, когда началась война.

В июле 1942 года фронт приблизился к Краснодону. Олег и мой брат пытались уехать на восток, но сумели добраться только до Новочеркасска и там попали в окружение. Дороги были отре-

заны. Пришлось им возвращаться обратно, в Краснодон. Здесь уже были немцы. Во-всю свирепствовал немецкий «новый порядок»: расстрелы, массовые аресты, порки.

Олег по возвращении сильно изменился: стал молчаливым, скрытным, часто уходил из дому или приводил к себе товарищей, и они по нескольку часов, запершись, сидели в комнате. Долго я не могла понять, в чём дело. Как-то раз, случайно вернувшись домой в неурочный час, застала у себя нескольких ребят. Они что-то писали и, увидев меня, торопливо спрятали бумагу. Я попросила сказать, чем они занимаются. Ребята отмалчивались. Я настаивала. Тогда Олег заявил:

— Мы пишем листовки.

А товарищей он успокоил:

— Не бойтесь, мама нас не выдаст.

Я заинтересовалась:

— Что же вы будете делать с листовками?

— Пойдём в театр и будем их там распространять.

Я попросила показать листовку. Олег немедленно протянул мне исписанный лист бумаги. Там было сказано, чтобы родители прятали своих сыновей и дочерей и не давали угонять их в Германию.

Вскоре ребята ушли. А я весь вечер места себе не находила, всю ночь глаз не сомкнула: боялась и за сына, и за его товарищей. Ночевать Олег не пришёл. А на другой день явился сияющий.

— Поздравь, мама, все до одной листовки распространили, а две штуки даже вложили полицейским в карманы!

Так начинала свою работу подпольная краснодонская организация «Молодая гвардия».

Олег получил кличку «Кашук». От своего милого Кашука я узнавала о дальнейших шагах организации и оказывала сыну посильную помощь. Совершенно незаметно для себя самой я втянулась в деятельность организации. Ребята не только перестали опасаться меня, но иногда даже давали отдельные поручения.

С первых чисел сентября мы каждый вечер слушали по радио у себя на квартире сводки Советского Информбюро. Ребята разузнали, что у одного местного жителя, инженера, сохранился радиоприёмник. Олег отправился к инженеру и, не таясь, сказал, что хочет слушать Москву и просит дать ему приёмник. Инженер отнёсся к просьбе Олега сочувственно и передал ему приёмник.

Сперва Олег слушал радиопередачи сам, записывал сводки Информбюро и относил их товарищам, а те уже переписывали и распространяли по городу. Когда включался приёмник, окно мы плотно закрывали, а после приёма разбирали аппарат, складывали в корзину и уносили в подвал. Немцы так и не дознались, откуда население города узнаёт о действительном положении вещей на фронте.

Рано утром 7 ноября, в XXV годовщину Октябрьской революции, Олег, красный от волнения, пришёл ко мне и сказал:

— Ты пойди посмотри, что в городе делается.

Я вышла на улицу — и ахнула. Над несколькими наиболее крупными домами развевались красные советские флаги. Народ высыпал на улицы и с восхищением рассматривал неизвестно откуда появившиеся флаги.

— Олег,— спросила я,— это твоя работа?

Он засмеялся:

— Нет, мама, это не я.

— А кто же?

— Да вот есть такие ребята, которые вывесили,— уклончиво ответил он.

Началось настоящее паломничество к флагам. Полицейские метались по городу, разгоняя зрителей. Говорят, что у флагов были сделаны надписи: «Заминировано». Видимо, поэтому немцы не решались их снять. Флаги висели целый день и лишь к ночи исчезли.

...Вечером моя мать вышла за чем-то во двор, но через минуту вбежала в дом с криком:

— Пожар!

Мы с Олегом вышли на улицу. Зарево пожара охватило полнеба. Мать догадалась:

— Пожар на Садовой. Не «биржа» ли, часом, горит?

Олег хитро усмехнулся:

— Точно, бабунька, угадали, это «биржа» горит, а управа ещё не горит... А ей тоже гореть полагается...

С этими словами он оделся и ушёл.

Мне ясно стало, чьих рук это дело: без Олега и его друзей тут не обошлось.

Как после я узнала, здание «биржи» сгорело дотла, и там погибли списки людей, предназначенных к отправке на работы в Германию.

И на этот раз немцы не нашли виновников.

Несколько дней спустя Олег пришёл ко мне какой-то особенно возбуждённый и торжественно объявил:

— Поздравь меня, мамочка. Я принял присягу и дал клятву, что буду до последнего дыхания бороться с немцами. У нас есть своя организация.

Постепенно Олег и его товарищи превращали свою организацию в организацию вооружённого сопротивления немцам. В склад «Молодой гвардии» стали поступать винтовки и гранаты, добытые у немцев. С этих пор дороги для гитлеровских машин стали не безопасны.

Забеспокоились немецкие коменданты. Они увеличили штат полиции. Молодогвардейцы преследовали немцев днём и ночью. Это они, молодогвардейцы, портили телефонную и телеграфную связь. Это они, когда немцы пытались вывезти из Краснодона хлеб, сожгли шесть стогов хлеба и четыре стога сена. Это молодогвардейцы отбили 500 голов скота, которых немцы приготовили для отправки в Германию, а также перебили солдат, сопровождавших скот.

Смертельно опасной была работа у молодогвардейцев. Чуть что не так, малейший промах, оплошность, случайность — и всё могло пойти прахом. А расплата известная: смерть.

---

1 января 1943 года начались массовые аресты молодёжи. Каждую минуту могли прийти и за Олегом. Оставаться в городе больше нельзя было. Пять человек и Олег в том числе решили уходить и пробиваться к частям Советской Армии.

Я сказала Олегу:

— Не бери с собой комсомольский билет, давай я его спрячу, здесь он будет цел, а когда придёшь, я тебе его отдам.

Олег ответил мне:

— Ты знаешь, мама, я всегда тебя слушал, всегда ты мне хорошие советы давала. Но сейчас не послушаю и комсомольского билета не оставлю. Какой же я буду комсомолец, если билет свой дома оставлю?

Тогда я зашила комсомольский билет в пиджак и ещё нитками переплела, чтобы не выпал. Несколько бланков комсомольских удостоверений Олег сам зашил в пальто.

...Отправились ребята. Десять дней скитались они, стремились перейти линию фронта, а на одиннадцатый день пришли обратно. Нигде им не удалось пробиться.

В последний раз я видела своего Олега 11 января — измученного, обмороженного. Домой он прийти не мог: там ждали его немецкие жандармы. Он пошёл к соседке. Мне сказали об этом, и я побежала к Олегу. Надо было его куда-то прятать. Я решила отправить сына в соседнее село. Нарядила его девочкой и пошла с ним. Больно мне было смотреть на Олега: чуяло материнское сердце — быть беде. Не выдержала, расплакалась:

— Увижу ли тебя, сынок?

А он утешает:

— Не плачь, мама. Жив останусь. Себя береги. А меня немцы не поймают. Скоро наши придут, недалеко уже... Заживём, мама, да ещё как!

И верно, скоро пришли наши. Только сынку моему не довелось дожить до светлого дня. Не уберёгся мой мальчик. Убили изверги моего Олега...

Вопросы и задание.

1. Кем был в организации «Молодая гвардия» Олег Кошевой?
2. Расскажите, как молодогвардейцы боролись с немецкими захватчиками.
3. Как относилась к деятельности Олега Кошевого его мать?
4. Чем она помогала «Молодой гвардии»?

Воля к жизни.

Б. Полевой.

(Из «Повести о настоящем человеке».)

I.

Лес стал редким. На снегу виднелись полосы зимних дорог. Алексей Мересьев уже не думал о том, удастся ли ему добраться до своих, но он знал, что будет ползти, катиться, пока тело его в состоянии двигаться.

Посторонний звук вывел его из полузабытья, заставил сесть и оглядеться. Он увидел себя посреди большой лесной вырубки, залитой солнечными лучами, заваленной срубленными деревьями, брёвнами, установленной штабелями дров. Полуденное солнце стояло над головой, густо пахло смолой, снежной сыростью,

и где-то высоко над неоттаявшей ещё землёй звенел, заливался жаворонок.

Треснула ветка. И почудилось Алексею, что из частого сосняка доносится тихий, взволнованный шопот.

Он выхватил из-за пазухи заржавевший, запылившийся пистолет и с большими усилиями обеими руками взвёл курок. Когда курок щёлкнул, в сосенках точно кто-то отпрянул.

«Что это — зверь, человек? — подумал Алексей, и ему показалось, в кустах кто-то тоже вопросительно сказал: «Человек?» Показалось, или действительно там, в кустах, кто-то говорит по-русски? Ну да, именно по-русски. И оттого, что говорили по-русски, он почувствовал вдруг такую сумасшедшую радость, что вскочил на ноги, всем телом рванулся вперёд на голос и тут же со стоном упал, как подрубленный, уронив в снег пистолет...

В это время из кустов раздался взволнованный детский голос:

— Эй, ты кто? Дойч?

Странные эти слова насторожили Алексея, но кричал, несомненно, русский и, несомненно, ребёнок.

— Ты что тут делаешь? — спросил другой детский голос.

— А вы кто? — ответил Алексей и смолк, поражённый тем, как немощен и тих был его голос.

— А те почто знать?

— Я русский...

— Врёшь... Лопни глаза, врёшь... фриц!

— Я русский, русский, я лётчик, меня немцы сбили.

Алексей убедился, что за кустами свои, русские, советские. Они не верят ему. Что ж, война учит осторожности. Впервые за весь свой путь он почувствовал, что совершенно ослаб, что не может уже больше шевелить ни ногой, ни рукой, ни двигаться, ни защищаться. Слёзы текли по чёрным впадинам его щёк.

— Гляди, плачет! — раздалось за кустами.— Эй, ты, чего плачешь?

— Да русский, русский я, свой, лётчик.

— А с какого аэродрома?

— С Мончаловского, помогите же мне!

В кустах зашептались оживлённее. Теперь Алексей отчётливо слышал фразы:

— Ишь, говорит, с Мончаловского... Может, верно... Эй, ты, лётчик, брось наган-то! — крикнули ему.— Брось, говорю, а то не выйдем, убежим!

Алексей откинул в сторону пистолет. Кусты раздвинулись, и два мальчугана, насторожённые, как любопытные синички, держась за руки, стали подходить к нему. Старший, одетый в подпоясанный верёвкой старинный бабий шушун и немецкую пилотку, худенький, голубоглазый, с русыми, пеньковыми волосами, держал в руке наготове топор. За ним, прячась за его спину и выглядывая из-за неё, шёл меньший, рыженький, шёл и шептал:

— Плачет. И верно, плачет. А тощой-то, тощой-то!

Старший, подойдя к Алексею, всё ещё держа наготове топор, огромным отцовским валенком отбросил подальше лежащий на снегу пистолет:

— Говоришь, лётчик? А документ есть? Покажь.

— Кто тут? Наши, немцы? — шопотом, невольно улыбаясь, спросил Алексей.

— А я знаю? Мне не докладают. Лес тут,— дипломатично ответил старший.

Пришлось лезть в гимнастёрку за удостоверением. Красная командирская книжка со звездой произвела на ребят волшебное впечатление.

— Свои, свои, третий день свои!

— Дяденька, ты почему такой тощой-то?

II.

Пострекотав, ребята начали действовать. До жилья было от вырубки, по их словам, километров пять. Старший, которого звали Серёнькой, приказал брату Федьке бежать во весь дух в деревню и звать народ, а сам остался возле Алексея караулить его.

Алексей дремал с полузакрытыми глазами на тёплой пушистой хвое. Он слушал и не слышал рассказа мальчика, до сознания долетали только отдельные, несвязные слова.

— ...Батя у меня председателем колхоза был,— рассказывал Серёнька,— так они его убили и братеньку старшего убили, инвалид он был, без руки. Шестнадцать человек убили... Я сам видел, нас всех согнали смотреть...

— Так в лесу и живёте? — еле слышно спросил мальчика Алексей.

— А как же, так и живём. Трое нас теперь, мы с Федькой да матка. Сестрёнка была Нюшка — зимой померла, опухла и померла, и еще маленький помер, так что, выходит, нас трое... А что: немцы не воротятся, а? матка всё боится, всё бежать хочет, а ну, говорит, опять вернутся... А вон и дедя с Федькой, глянь!

На опушке леса стоял рыженький Федька и показывал на Алексея пальцем высокому сутулому старику в рваном армяке, подвязанном верёвкой.

Старик, дедя Михайла, как называли его ребятишки, был высок, сутул, худ. У него было доброе лицо с чистыми, светлыми, детскими глазами и мягкой, негустой, совершенно серебряной бородой. Закутывая Алексея в старую баранью шубу, всю состоявшую из пёстрых заплаток, без труда поднимая и перевёртывая его лёгкое тело, он всё приговаривал:

— Ах ты, грех-то какой, вовсе иссосал себя человек! До чего дошёл, ах ты, боже ты мой, ну сущий шкилет! И что только война с людьми делает. Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!

III.

Алексей лежит на полосатом домотканном тюфяке, набитом соломой. Накрыт он всё той же бараньей шубой, состоящей из разноцветных заплат.

Он открывает глаза, разбуженный холодным воздухом, пахнувшим в дверь. У стола какая-то женщина. Она положила на стол мешочек.

— Манка это... С мирного времени для Костюньки берегли. Не надо ему теперь ничего, Костюньке-то [1]. Возьмите, кашки вот постояльцу своему сварите. Она для ребятишек, кашка-то, ему как раз.

Повернувшись, она тихо уходит. Кто-то приносит мороженого леща, кто-то лепёшки, испечённые на камнях камелька [2].

Приходят Серёнька с Федькой. С крестьянской степенностью Серёнька снимает в двери с головы пилотку, говорит: «Здравствуйте вам», кладёт на стол два кусочка пилёного сахара с прилипшими к ним крошками махры и отрубей.

— Мамка прислала. Он полезный, сахар-то, ешьте,— говорит он.

А Федька, выглядывая из-за брата, жадно смотрит на белеющие на столе кусочки сахара и с шумом втягивает слюну. Только уже гораздо позже, обдумывая всё это, Алексей сумел оценить приношения, которые делались ему в селении, где в эту зиму около трети жителей умерло от голода.

Много такого, что глубоко поразило его, увидел Алексей в этом лесном поселении. Немцы лишили жителей деревни домов, добра, инвентаря, скота, одежды — всего, что нажито было трудом многих лет. Люди жили теперь в лесу, терпели великие бедствия, страх от ежеминутной угрозы, что немцы их откроют, голодали, мёрли,— но колхоз не развалился. Наоборот, великие бедствия войны ещё больше сплотили людей. Даже землянки рыли коллективно и расселялись в них не по-старому, где кому пришлось, а по бригадам. Председательские обязанности взамен убитого зятя [3] взял на себя дед Михайла.

Чуть свет поднялся старик Михайла. Посмотрел на Алексея, уже утихшего и задремавшего, пошептался с Варей [4] и стал собираться в дорогу. Он напялил на валенки большие самодельные калоши из автомобильных камер, лычком крепко перепоясал армяк, взял можжевеловую палку, которая всегда сопровождала старика в дальних походах.

Он ушёл, не сказав Алексею ни слова.

Мересьев лежал в таком состоянии, что даже и не заметил исчезновения хозяина...

---

[1] Маленький сын её Костюнька умер.
[2] *Камелёк* — сложенная из камней открытая печурка, очаг.
[3] *Зять* — муж дочери.
[4] Варя — дочь старика Михайлы.

IV.

Но вот ранним утром где-то очень далеко раздался совершенно неотличимый среди других шумов, наполнявших лес, далёкий, однообразно воркующий звук. Алексей встрепенулся и, весь напружинившись, поднял голову с подушки.

Чувство дикой, необузданной радости поднялось в нём. Он замер, сверкая глазами. Алексей угадал, что это тарахтит мотор «ушки» — самолёта «У-2». Звук то приближался и нарастал, то слышался глуше, но не уходил. У Алексея захватило дух. Было ясно, что самолёт где-то поблизости, что он кружит над лесом, то ли что-то высматривая, то ли ища места для посадки...

Алексей сделал усилие и сел. Всем телом своим он чувствовал, как бьётся сердце. Он считал круги, совершаемые самолётом, насчитал один, другой, третий и упал на тюфяк, упал, сломленный волнением, и погрузился в сон.

Его разбудил звук молодого басовитого голоса. Он отличил бы этот голос в любом хоре других голосов. Таким голосом в истребительном полку обладал только командир эскадрильи Андрей Дегтяренко.

Алексей открыл глаза, но ему показалось, что он продолжает спать и во сне видит это широкое, скуластое, добродушное лицо друга, с багровым шрамом на лбу, со светлыми глазами. Голубые глаза с недоумением всматривались в дымный полумрак.

— Ну, дидусь, показуй свий трофей [1],— прогудел Дегтяренко.

Из-за спины Дегтяренко виднелась бледная, совершенно измученная физиономия деда Михайлы, а рядом с ним стояла медсестра Леночка. Девушка держала подмышкой толстую брезентовую сумку с красным крестом и прижимала к груди какие-то странные цветы.

Стояли молча. Андрей Дегтяренко с недоумением оглядывался, должно быть, ослеплённый темнотой. Раза два взгляд его равнодушно скользил по лицу Алексея.

— Да вот же он, господи, вот лежит! — прошептала Варя, срывая с Мересьева шубу.

Дегтяренко ещё раз недоуменно скользнул взглядом по лицу Алексея.

— Андрей! — сказал Мересьев, силясь подняться на локти.

---

[1] По-украински.

Лётчик с недоумением, с плохо скрытым испугом посмотрел на него.

— Андрей, не узнаёшь? — шептал Мересьев.

Ещё мгновение Дегтяренко смотрел на живой скелет, обтянутый чёрной, точно обугленной кожей. Он старался признать весёлое лицо друга, и только в глазах, огромных, почти круглых, поймал знакомое, упрямое и открытое мересьевское выражение. Он протянул руки вперёд. На земляной пол упал шлем, посыпались свёртки и свёрточки, раскатились яблоки, апельсины, печенье.

— Лёшка, ты! Лёшка, Лёшка! — он схватил с постели это больное, детски лёгкое тело, прижал его к себе, как ребёнка, и всё твердил: — Лёшка, друг, Лёшка!!

На секунду оторвал от себя, жадно посмотрел на него издали, точно убеждаясь, действительно ли это его друг, и снова крепко прижал к себе.

— Да пустите же его, он еле жив! — сердилась Варя.

А лётчик по-настоящему поверил наконец, что этот чёрный, невесомый человек действительно не кто иной, как Алексей Мересьев, его боевой товарищ, его друг, которого они всем полком мысленно давно уже похоронили. Он схватился за голову, издал дикий, торжествующий крик и вдруг пошёл плясать вокруг стола, напевая мотив лихого гопака.

V.

Дробным старческим тенорком дед Михайла, повидимому, уже не в первый раз, принимался рассказывать:

— Так, значит, выходит, ребятишки наши на вырубке его и отыскали.

— Когда вы его нашли?

— Когда? — старик зашевелил губами.— Когда же? Да как раз с неделю назад.

Лётчик прикинул в уме числа, и вышло, что полз Алексей Мересьев восемнадцать суток. Проползти столько времени раненому, без пищи — это казалось просто невероятным.

— Ну, спасибо тебе, дидусь! — лётчик крепко обнял и прижал к себе старика.— Спасибо, брат!

— Не на чем, не на чем, за что тут благодарить! Ишь, спасибо! Что я, чужак иностранный какой!..

Вопросы.

1. Что случилось с лётчиком Мересьевым во время воздушного боя с немцами?
2. В каком состоянии и как пробирался Мересьев к своим?
3. Что помогло Мересьеву преодолеть огромные трудности и добраться до своих?
4. Как можно назвать такого человека?
5. Что сделал для спасения Мересьева дед Михайла?
6. Как все люди и дети лесной деревни спасали Мересьева?
7. Как можно назвать таких людей?

Песня о Сталине.

А. Сурков.

На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полёт.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт.

Солнечным и самым светлым краем
Стала вся Советская земля,
Сталинским обильным урожаем
Ширятся колхозные поля.

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полёт.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт.

Краше зорь весеннего рассвета
Юности счастливая пора.
Сталинской улыбкою согрета,
Радуется наша детвора.

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полёт.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт.

Нам даны сверкающие крылья,
Смелость нам великая дана.
Песнями любви и изобилья
Славится Советская страна.

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полёт.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт.

Последний день Матвея Кузьмина.

Б. Полевой.

Матвей Кузьмин слыл среди односельчан нелюдимом.

Жил он на отшибе, в маленькой ветхой избёнке, одиноко стоявшей на опушке леса, редко показывался на люди, был угрюм, неразговорчив и любил с собакой, с допотопным ружьишком за плечами в одиночку бродить по лесам и болотам. А весной, когда на деревьях набухали почки и над посиневшими крупичатыми снегами на лесных проталинах начинали токовать глухари, он заколачивал дверь избёнки и с внучонком Васей, сиротой, воспитывавшимся у него, уходил на далёкое лесное озеро и пропадал на целые недели.

Колхозники не то чтобы не любили, а как-то не понимали и сторонились его: кто знает, что на уме у человека, который чурается людей, молчит и бродит по лесам неведомо где? Матвей исправно исполнял в колхозе обязанности сторожа, и хотя перевалило ему уже за восемьдесят, не было в районе человека, который рискнул бы днём или ночью покуситься на добро, охраняемое дедом Матвеем и его лохматым свирепым Шариком.

Когда военная беда докатилась до озёрного Великолукского края и в колхозе «Рассвет» стал на постой лыжный батальон расположившейся в округе немецкой горно-стрелковой дивизии, командир батальона, которому кто-то рассказал о мрачном нелюдимом старике, решил, что лучшего человека в старосты ему не найти.

Матвея Кузьмина вызвали в комендатуру, разместившуюся в новом домике колхозного правления. Ему поднесли стакан немецкой водки и предложили пост. Старик поблагодарил, от угощения отказался, посетовав на нездоровье, и должность старосты не принял, сославшись на годы, глухоту и недуги.

Его оставили в покое и даже вернули ему в знак особого расположения старое ружьишко, которое он было сдал по приказу коменданта.

Вспомнили немцы о Кузьмине ранней весной, когда стянули в этот край силы для наступления. Дивизия горных стрелков передвигалась к передовым. Батальону, квартировавшему в колхозе «Рассвет», предстояло без боя лесами и болотами просочиться через фронт в расположение советских войск и с тыла атаковать передовые заставы части генерала Горбунова. Понадобился проводник, который хорошо знал бы лесные и болотные тропы. А кому они могли быть лучше известны, чем деду Матвею!

Старика привели к командиру батальона, и офицер предложил ему ночью, скрытно провести отряд в тыл советских огневых позиций. За отказ посулил расстрел, а за выполнение задания — денег, муки, керосину, а главное, мечту охотника — двустволку знаменитой немецкой марки «Три кольца».

Матвей Кузьмин молча стоял перед офицерами, комкая мохнатую, драную баранью шапку. Взглядом знатока посматривал он на ружьё. Офицер нетерпеливо барабанил по столу костяшками пальцев. От этого хмурого, непонятного человека зависела его судьба, судьба батальона, а может быть, и успех всей операции, подготовлявшейся с такой тщательностью. И вот теперь, следя за жадными взглядами, которые охотник бросал на ружьё, офицер старался понять, что думает в эту минуту этот старый, угрюмый лесной человек.

— Хорошее ружьецо,— сказал, наконец, Кузьмин, погладив ствол заскорузлой ладонью, и, покосившись на офицера, спросил: — и деньжонок прибавишь, ваше благородие?

— О-о-о! — обрадованно воскликнул офицер.— Переведите ему, он деловой человек. Это хорошо. Скажите ему: немецкое командование уважает деловых людей. Переведите: немецкое командование не жалеет денег тем, кто ему верно служит.

— Скажите ему, что его услуга будет щедро вознаграждена. Предложите ему тысячу рублей,— торопливо добавил офицер.

Старик выслушал перевод, долго смотрел на офицера тяжёлым взглядом из-под изжелта-серых кустистых бровей и, подумав, ответил:

— Мало. Дёшево купить хотите.

— Ну, полторы... ну, две тысячи.

— Половину вперёд, ваше благородие.

Посовещавшись с переводчиком офицер тщательно отсчитал бумажки. Старик сгрёб их со стола своей широкой, жилистой, узловатой рукой и небрежно сунул за подкладку шапки:

— Ладно. Поведу тайными тропами, какие, окромя меня, только волки знают. Скажите, куда выйти надо.

Ему назвали пункт, хотели показать на карте.

— Так знаю. Ходил туда лис гонять. Выведу к утру... Только с ружьишком-то не обмани, ваше благородие.

Видели колхозники, как шёл он домой из офицерской квартиры, по обыкновению своему молчаливый, замкнутый, ни на кого не глядя, усмехаясь в бороду. На брань, шопотом посылаемую ему в спину, отвечал мрачной ухмылкой.

Видели колхозники, издали следившие за избёнкой Матвея, как через полчаса сбежал с крыльца внучонок Кузьмина, Вася, с холщёвой сумкой за плечами, как скрылся он в кустах на лесной опушке, сопровождаемый Шариком, как вынес потом на улицу старик свои широкие, подбитые мехом охотничьи лыжи и как стал их натирать медвежьим салом, поглядывая на окна избы, где жил немецкий офицер.

Когда стемнело, батальон на лыжах, в полном вооружении, с пулемётами на саночках вышел из деревни и, свернув с большой дороги, стал втягиваться в лес.

Впереди размашистым, охотничьим шагом скользил на своих самодельных широких лыжах Матвей Кузьмин. Тьма сгущалась. Сеяло сухим, шелестящим снежком, и скоро мгла так уплотнилась, что лыжники стали видеть только спину впереди идущего. Старик вёл немцев прямо по целине.

Всю ночь отряд шёл по сугробам, по нехоженному насту, тянулся по оврагам, по руслам замёрзших лесных ручьёв, проламывался сквозь кустарник. Офицер, следивший за маршем по компасу, много раз останавливал своего проводника и через переводчика спрашивал, почему дорога так петляет и скоро ли конец пути. Матвей неизменно отвечал:

— Шоссеек в лесу нету... Обожди, ваше благородие, к утру будем,— и напоминал о ружье.

Постепенно теряя силы под тяжестью оружия и боеприпасов, тащились немецкие стрелки громадным, вековым лесом. В потёмках они натыкались на деревья, цеплялись за кусты, наступали друг другу на лыжи, падали, поднимались, и им начинало казаться, что этот невидимый лес, тихо и грозно шумящий в ночном мраке, нарочно подбрасывает им под ноги эти сугробы, цепляется за одежду когтями кустов, расставляет на пути деревья.

Когда забрезжил жёлтый морозный рассвет, авангард отряда

вышел, наконец, на опушку и остановился на поляне перед глубоким, поросшим кустарником оврагом.

— Ну, кажись, пришли. Матвей Кузьмин своё дело знает,— сказал старик.

Он снял с головы шапку и вытер ею вспотевшую лысину.

И пока измученные офицеры нервно курили, сидя прямо на снегу, с трудом держа сигареты в окостеневших, дрожащих пальцах, пока ефрейторы гортанными криками выгоняли на поляну последних отставших стрелков в грязных, изорванных в дороге маскхалатах, Матвей Кузьмин, стоя на пригорке, улыбаясь, смотрел на розовое солнышко, поднимавшееся над заискрившимися снежными полями.

Утро было морозное, тихое. С сухим хрустом оседал под лыжами наст. Звучно чирикали в кустах ольшаника солидные красногрудые снегири, деловито лущившие маленькие чёрные шишки. Где-то совсем рядом тявкала собака.

— Матвей Кузьмин своё дело знает,— повторил старик, глубоко, всей грудью вдыхая чистый и острый морозный воздух, вдыхая жадно, точно спеша насладиться им.

Торжествующая улыбка выскользнула из-под зарослей бороды, разбежалась лучиками морщин. И вдруг тишину распорол сухой треск пулемётных очередей. Взвизгнули пули, взбивая над настом острые фонтанчики снега. Эхо раскатами пошло по лесу. С шелестом посыпался иней с потревоженных ветвей.

Пулемёты оказались совсем рядом, били почти в упор. Лыжники, не успев даже сообразить, в чём дело, оседали на наст со страхом и недоумением на лицах. А пулемёты строчили, строчили, пороли и пороли снежную равнину, с двух сторон сжимая колонну своим огнём. Опомнившись, немцы бросились было в лес, но уже и там, за кустами, сердито рокотали автоматы...

Солдаты, бросив лыжи, с криками ужаса метались по поляне, увязая в сухом снегу. Сверкающий наст покрывался грязными комьями маскировочных халатов. Опомнившись, офицер бросился к старику.

Матвей Кузьмин стоял на холмике с обнажённой головой. Его было видно издалека. Ветер трепал его бороду, развевал седые волосы, обрамлявшие лысину. Глаза его, сузившиеся, помолодевшие, насмешливо сверкали из-под дремучих бровей.

У офицера шевельнулись волосы. Мгновенье он с ужасом смотрел на этого лесного человека, со спокойным торжеством

стоявшего среди поляны, по которой гуляла смерть. Потом рывком он выхватил парабеллум [1] и навёл его в лоб старику.

Матвей Кузьмин усмехнулся ему в лицо издевательски и бесстрашно:

— Хотел купить старого Матвея?.. По себе о людях судишь, фашист!..

Старик вырвал из подкладки треуха сотенные бумажки и, бросив их в офицера, презрительно отвернулся от наведённого на него пистолета. Он заметил, что пулемётчики боятся его зацепить и не стреляют в сторону пригорка, на котором он стоял. Немцы тоже заметили это и старались бежать к лесу, прикрываясь пригорком. Некоторые из них, преодолевая последние сугробы, были уже близко к спасительной опушке.

Матвей Кузьмин взмахнул мохнатой шапкой и крикнул что было силы:

— Сынки! Не жалей Матвея, секи их хлеще, чтоб ни одна гадюка не уползла! Матвей...

Не договорив, он охнул и стал медленно оседать на землю, сражённый пулей немецкого офицера. Но и тому не удалось уйти. Не сделав и двух шагов, он упал, подрубленный пулемётной очередью.

А в овраге уже возникло и, нарастая, катилось по полю «ура». Через отполированную ветрами кромку оврага перескакивали автоматчики. Стреляя находу, бежали они по поляне, преследуя немцев, посылая им вдогонку пули, настигали, валили на снег, обезоруживали и бежали дальше в покрытый снежной пеной лес, по следам, оставленным на насте. Вместе с автоматчиками бежал Вася Кузьмин, внучонок старого охотника, которого тот послал через фронт предупредить своих о готовящемся прорыве. В ногах у наступающих бойцов, захлёбываясь злобным лаем, катился, проваливаясь в глубоком снегу, лохматый Шарик. Вдруг он застыл, недоуменно подняв уши. И грохот боя, гулко раздававшийся в лесу, прорезал тоскливый, протяжный вой...

Так прожил последний день своей долгой жизни Матвей Кузьмин, колхозник из сельхозартели «Рассвет», что под Великими Луками, славящейся сейчас своим льном.

Его похоронили на высоком берегу Ловати, похоронили, как офицера, с воинскими почестями, дав три залпа над свежей могилой.

---

[1] *Парабе́ллум* — особый вид пистолета.

Вопросы и задания.

1. Почему Матвей Кузьмин показался фашистам самым подходящим человеком на должность старосты?
2. Какое задание получил батальон, стоявший в колхозе «Рассвет»?
3. Почему Матвей Кузьмин долго торговался с фашистом?
4. Куда он послал внука?
5. Расскажите, как Матвей Кузьмин вёл врагов.
6. Зачем, придя на опушку, он встал на самом видном месте — на пригорок?
7. Что он сделал с полученными от врагов деньгами?
8. Как погиб Матвей Кузьмин?

Отметьте в тексте, где кончается каждая часть плана: а) Колхозный сторож. б) Отказ Матвея от предложения фашистов стать старостой. в) Договорились. г) Что видели колхозники? д) Тяжёлый путь. е) Под перекрёстным огнём. ж) Патриот.

«Я всё живу».

Н. Тихонов.

Это был редкий случай, что его отпустили с завода. Надо было выступить на одном небольшом собрании и рассказать о своей работе.

— Я не умею говорить,— сказал он серьёзно.

— Иди, иди,— отвечали ему.— Ты у нас передовой, ты коротенько расскажи, как ты, работая по третьему разряду, выполняешь работу пятого, как слесарем стал, ну и ещё что-нибудь.

Собрание было коротким.

— Время военное,— говорил он солидно, как бывалый производственник, и даже вызвал улыбки у присутствующих, когда сказал басом: — Из старых рабочих на моём участке остались только двое — я да Степанова. Все на фронт ушли, или заболели, или померли, или эвакуированы. Степанова старше меня. Ей примерно девятнадцать — двадцать, а мне примерно пятнадцать — шестнадцать...

Собрание ему понравилось, потому что на нём выступали очень интересные люди, и каждый мог рассказать много любопытного о своей профессии, о днях осады, о зиме, о пережитых опасностях.

Он шёл, слегка задумавшись, медленно по набережной небольшой реки, деревья уже были в зелёном уборе, набережная была чистая, как вымытая, город ничем не напоминал мрачные

зимние дни. Он сел на скамейку и с удовольствием смотрел по сторонам.

Целую зиму ему некогда было думать о себе, а теперь собрание и слышанное на нём вызвали в нём целый поток воспоминаний. Он видел себя в родной деревне, видел сестру, шедшую с вёдрами по двору, видел братьев: одного, маленького, верхом на колхозной лошади; другого в гимнастёрке и в сапогах со шпорами,— он пришёл тогда из армии. Теперь брат дерётся с немцами. Из дому писем не пишут. Верно, тоже работают на оборону, как он,— день и ночь. Вспомнились первые месяцы в Ленинграде в ремесленном, потом слесарный цех, как он его увидел в первый раз — с брызжущими металлическими стружками, с ворчанием и стуком станков, с прохладой большого зала.

Всё ему нравилось, всё шло гладко, руки как будто понимали без его указаний, как и что надо делать. Он обожал работу. Он даже с каким-то изумлением смотрел, как выходят из-под его рук детали, сделанные им. И то, что это было сделано именно им, наполняло его гордостью. Он ни за что не покинул бы завода, не уехал бы ни в деревню домой, как сделали его маленькие товарищи, не переменил бы город. Город был такой огромный, что каждый раз можно было увидеть новое, сколько бы в нём ни ходить. Он видел его как в страшной картине кино, когда началась война и ночами горели дома, падали бомбы, прожекторы освещали небо, непрерывно гремели зенитки. Он помогал вытаскивать из-под развалин засыпанных обломками.

Это была трудная и опасная работа. С ним работал и тот мастер, добрый Парфений Иванович, который прозвал его, Тимофея Скобелева, странным именем: «Я всё живу».

Случилось это так. Парфений Иванович пришёл в общежитие и говорил с ребятами об их жизни. На Тимофея находили припадки застенчивости, и он путал слова. Волнуясь, он на вопрос: «Ну, как живёшь?» — ответил, не как хотел: «Я хорошо живу», а чего-то заробел, спутался и сказал: «Я всё живу!» Все засмеялись. Потом они подружились с Парфением Ивановичем, и тот шутливо спрашивал, приходя его навестить: «А как этот «Я всё живу» — жив ещё?» — «Жив»,— отвечали ему и тащили к нему Тимофея.

Он сидел на зелёной скамейке, напротив пышного весеннего сада, и вспоминал. Зимой кончился ток, завод стал. Он таскал воду в бочках, между сугробами, ел хрен в столовой, спал под

полушубком, разбирал старые деревянные дома на дрова. Потом снова завод заработал, стал, как он говорил, делать «секреты» для фронта. Как он выжил, он сам не знал. Было и холодно, и голодно, но он терпел всё отлично и, когда пахнуло первым весенним теплом, ожил совсем.

— Ну, как? — спрашивал его в ту зиму, встречая с топором в руках, Парфений Иванович, закутанный до глаз шарфом.— Всё живёшь, брат?

— Всё живу,— отвечал он простуженным голосом,— а что мне делается!

— Терпи, казак, атаманом будешь! — говорил Парфений Иванович.

Атаманом — не атаманом, а он стал самым умелым рабочим слесарного цеха, и у него уже были подручные.

Всё это вспомнилось Тимофею как-то сразу, пока он сидел на зелёной скамейке. Он устал от мыслей, от их множества и пестроты. Он перестал думать и стал смотреть на деревья, на речку, на прохожих. Жизнь была странной. Он посмотрел на себя. Чисто одетый, опрятный, аккуратно работающий, не считаясь со временем, иногда по два дня не оставляющий цеха, он чувствовал себя счастливым, но ведь в нескольких километрах от города сидели немцы, в воздухе гудели сторожевые самолёты, или вдруг с непонятной быстротой начинали сыпаться снаряды.

Мимо него проходили по-весеннему одетые люди, какой-то мальчик ловил рыбу, но у него ничего не выходило. Он стал смотреть на мальчика.

Мальчик был худой, остроносый, в серой куртке. Тимофей сначала рассеянно следил за этим рыболовом, но потом, когда мальчик встал, взял удочку на плечо и, посвистывая, пошёл к зелёной скамейке, Тимофея точно что ударило в бок. По мере того, как мальчик подходил ближе к нему, он всё яснее видел на его щеке коричневое большое пятно, как будто на щеке его застыл большой кофейный натёк.

Когда он проходил мимо Тимофея, Тимофей сказал:

— Эй, паренёк, погоди минуточку.

Мальчик обернулся, оглядел Тимофея с головы до ног и сказал:

— Чего тебе?

— Присядь-ка на минутку,— сказал Тимофей,— если не торопишься...

— Я не тороплюсь,— ответил мальчик и сел на скамейку.

Тимофей молча разглядывал его. И мальчику это надоело.

— Что я тебе, картина? — сказал он.— Или говори что-нибудь, или я пойду...

— Вот быстрый какой,— сказал Тимофей,— а я вот медленно думаю.

— А ты думай быстрее.

Мальчик засмеялся, и тогда Тимофей спросил:

— Слышь, а где ты зимой жил?

— Где жил? — мальчик свистнул.— Там сейчас ни одна крыса не живёт. Наш дом разбомбили вчистую. Меня самого чуть не пришибло.

— Вот, вот,— сказал радостно Тимофей,— это я и спрашиваю, дом с балконами, четырёхэтажный, на углу вон там...

— Правильно. А что, ты тоже там жил? Или кого оттуда знаешь?

— Я там не жил,— сказал Тимофей.— А как тебя зовут?

— Шура Никитин...

— А скажи, Шура, что ты сейчас делаешь-то, учишься или что?

— Мать померла, отец мобилизован, я у тётки живу. Работать хочу, да не знаю, что и куда, мал я...

— А сколько тебе?

— Пятнадцать будет...

— Чего мал, ничего не мал. Хочешь, на работу устрою тебя?

— Ты? — спросил недоверчиво Шура, во все глаза рассматривая Тимофея.

— Ну, а кто же,— сказал гордо Тимофей.— Я тебе сейчас записку напишу к одному человеку.

— А ты что сам-то?

— Я, брат, слесарь, и ты будешь слесарем. Теперь не смотри на лета. Ты из зимы-то вылез ничего?

— Ничего, как тепло стало — бегу, и ноги не ватные...

— То-то, значит, будешь работать. Ты завод у моста знаешь?

— Знаю.

— Вот там я и работаю. Сейчас я напишу тебе записку.

Он вынул записную книжку, которой очень гордился, послюнил карандаш и написал крупными прямыми буквами: «Милый Парфений Иванович. Надо устроить ко мне Шуру Никитина. Я всё вам расскажу, почему. А он тоже расскажет».

Он передал записку Шуре, и тот сказал удивлённо:

— Как это ты подписался: «Я всё живу». Что это такое?

— Это для секрета, у нас с Парфением Ивановичем свой секрет. Не бойся, не подведу. Я тебе расскажу. Только обязательно, смотри. Придёшь? Не обманешь?

— А что мне обманывать! Конечно, приду. Меня отец немного слесарному учил. А ты мне скажи, почему меня остановил? Ты меня знаешь, что ли?..

— Немного знаю,— сказал, вдруг смущаясь, Тимофей,— я тут живу недалеко, много раз видел...

— И ты мне что-то знаком. Ей-богу, знаком,— сказал Шура,— а вот не припомню. У меня, знаешь, после того, как засыпало в доме, голова болит часто. А тебя я где-то видел, правда, правда...

— Да, наверное, видел,— сказал уклончиво Тимофей,— близко друг от друга живём, так как не видеть? Так приходи, смотри!..

Тимофей рассказал ему, где найти Парфения Ивановича.

— Приду,— сказал Шура прощаясь, взмахнул удочкой и пошёл по набережной.

Тимофей смотрел ему вслед и никак не мог понять, почему он не открылся ему с самого начала. В первую минуту он усомнился, тот ли это мальчик, но имя и пятно на щеке подтвердили, что это тот.

В одну зимнюю ночь, когда особо свирепо падали бомбы с тёмного, закрытого тяжёлыми снежными тучами неба, команду, где работал Тимофей, вызвали к дому, который только что повалился. Бомба попала в самую середину, и теперь в темноте чернел какой-то фантастический остов со многими перепутанными железными балками, и люди с фонарями рылись в грудах мусора, искали засыпанных.

Сначала Тимофей работал на верху завала, но потом его позвали вниз, и комиссар штаба района посмотрел на него внимательно при свете «летучей мыши» и спросил, решится ли он отрыть заваленного в нижнем этаже мальчика. Они подошли к чёрной дыре, откуда был слышен далёкий слабый голос. Взрослому лаз был слишком узок. Тимофей надел каску, взял пилу-ножовку, молоток, зубило, топор и карманный электрический фонарь.

Он полез в дыру. Он твёрдо знал, что он вернётся с мальчиком, но для оставшихся это было вопросом. Завал стал оседать. Комиссар приказал прекратить верхние работы, и люди столпи-

лись у дыры внизу. Они ходили перед дырой, снег скрипел под их ногами, они говорили тихими голосами, и только комиссар с фонарём время от времени кричал в дыру.

Три часа шаг за шагом полз Тимофей по узкому проходу, обдираясь о какие-то проволоки, гвозди и острые кирпичи. Он дополз до мальчика, лёжа на спине разобрал кирпичи над задавленным, освободил ему руку, дал ему фляжку с водой. Сил больше не было. Он светил фонариком вокруг, чтобы точно запомнить положение. Запомнив, он полез обратно. Когда он вылез, он был мокрый от пота, как крыса под дождём.

Он отдышался и снова полез отрывать мальчика. Так он работал ещё шесть часов. И он отрыл мальчика. Когда его вытащили, Тимофей не мог говорить от усталости. Он только слушал, как гудели люди вокруг спасённого, как кто-то сказал Тимофею, хлопая его по плечу:

— А и силён ты, батюшка! Молодец!

Он слышал, что мальчика называют Шурой Никитиным. Отдохнув, он подошёл тогда, когда мальчика брали на носилки, чтобы увезти в больницу, и при свете фонаря он увидел бледное лицо с большим кофейным пятном на щеке. Это он запомнил. Потом надо было работать дальше, спасать других, и он только видел, как санитарный автомобиль завернул за угол.

И сегодня здоровый Шура Никитин прошёл мимо него с удочкой. Он не мог не остановить его.

...Прошло несколько дней. Во время перерыва Тимофея позвали в контору цеха. Едва переступив порог, он увидел Парфения Ивановича с толстой самокруткой в зубах, который вынул её при виде Тимофея, широко улыбнулся и сказал:

— Всё живёшь, старина! Принимай пополнение.

— Спасибо, Парфений Иванович,— сказал Тимофей.— Я всё живу, верно. Пополнение приму.

И тут же при людях, наполнявших контору, Шура сказал:

— А что же ты скрыл, что ты Скобелев? Я ведь тебя не узнал. Прости, честное слово! Мы с тобой так изменились с зимы-то. Ты вот узнал меня, а я нет. Как вот ты-то меня на улице узнал?

Но Тимофею было стыдно сказать, что он узнал его по кофейному пятну на щеке. Он застеснялся, что-то пробормотал в ответ и пошёл из цеховой конторы. За ним шли Шура и Парфений Иванович.

И когда они вошли в цех и перед ними раскрылся прохладный, светлый зал, наполненный металлическими отсветами и блесками, Тимофей сказал Шуре:

— Что было, то прошло. А вот тут, брат, уж мы поработаем вдвоём! — И он жестом хозяина и мастера положил свою маленькую крепкую руку на холодную сталь станка.

Вопросы.

1. В каких условиях жили ленинградцы во время блокады?
2. Как жил и работал Тимофей Скобелев?
3. Что произошло с ним однажды во время бомбардировки города?
4. При каких условиях он встретился со спасённым им мальчиком?
5. Как он помог ему ещё раз?
6. Что скрепило их дружбу?

По ленинскому плану.

I.

Все вы, ребята, привыкли то и дело прибегать к помощи электричества. Стало темно за окнами, вы повернули выключатель — и электричество заливает комнату светом. Вы собрались пить чай — электричество быстро вскипятит для вас воду; хотите погладить платье, электрическим утюгом вы легко, быстро и чисто сделаете это.

Но электричество не только помогает нам в быту. Оно приводит в движение машины на наших фабриках и заводах, при помощи которых добывают и обрабатывают металл, ткут материи, грузят вагоны, подают воду. Электричество движет трамваи и троллейбусы, пригородные поезда и морские суда. Электрические телеграф и телефон соединяют города, которые находятся за тысячи километров один от другого.

Электрическая энергия заставляет работать машины — шагающие экскаваторы, землесосные снаряды, при помощи которых мы передвигаем с места на место целые горы земли. Электричество помогает добывать из земных недр топливо для поездов и автомобилей.

II.

Но не всегда мы были так богаты чудесной силой электричества.

До революции в России было очень мало электрических станций.

В самые первые дни советской власти В. И. Ленин созвал крупных русских учёных и поручил им составить единый государственный план электрификации России.

И вот в Москве собрался VIII Всероссийский съезд Советов. Это было в декабре 1920 года. Только что закончилась гражданская война. Вся страна была разорена. Большинство фабрик и заводов не работало: не было ни сырья, ни топлива. Поезда почти не ходили. Люди в городах голодали. Света не было, домá не отапливались.

Делегаты съезда знали, что доклад будет делать В. И. Ленин и с огромным интересом ждали выступления вождя.

В своем докладе Ленин сказал, что только электричество поможет нам справиться с разрухой, сделать Советское государство богатым, могучим и построить коммунизм.

На сцене была установлена громадная карта нашей страны. И вот карта засветилась разноцветными огнями. Тридцать ярких электрических лампочек указывали места тридцати будущих электростанций.

III.

Уже в 1935 году мы получили в три с лишним раза больше электрической энергии, чем было намечено по плану.

Нелегко далась эта победа. Огромный труд вложили советские люди в постройку больших и малых электрических станций. Под руководством Коммунистической партии советские люди преодолели большие трудности.

Число электростанций стало расти с каждым годом. Во многих местах нашей страны засияли яркие электрические огоньки. Сейчас наша Родина самая богатая электрическими станциями.

Свято выполняя ленинский завет, Коммунистическая партия ставит перед советским народом всё более смелые, более величественные задачи.

XIX съезд Коммунистической партии обсудил новый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. По этому плану мощность советских электростанций возрастёт ещё более.

Повсюду на помощь человеку придёт чудесная сила электричества. Так воплощается в жизнь великий ленинский план.

Вопросы и задания.

1. Какую работу выполняет электричество в быту?
2. Какую работу выполняет электричество на транспорте и в промышленности?

„Утро нашей Родины." *С картины художника Ф. Шурпина.*

3. Что сказано об электричестве в России до революции и после революции?

4. Кто был организатором и вдохновителем строительства электрических станций в первые годы советской власти?

5. Прочитайте:

а) что сказал В. И. Ленин об электричестве;

б) под чьим руководством советские люди преодолели трудности в строительстве электростанций по плану В. И. Ленина?

Славься, Россия.

М. Исаковский.

Ни перед кем не роняла Россия
Славы и чести во все времена.
Знамя Советское — в мире впервые —
Твёрдой рукой водрузила она.

Грозные годы её закалили,—
Стала Россия надеждой земли.
Ленин и Сталин её вдохновили,
Ленин и Сталин к победам вели.

Братский Советский Союз нерушимый
Волей народа она создала.
В грозных сраженьях врага сокрушила,
Жизнь и свободу народов спасла.

Ею народы гордятся по праву,
С нею идут они смело вперёд.
Славься, Россия, бессмертною славой,
Славься, великий наш русский народ!

Мечты.

А. Мусатов.

(Из повести «Стожары».)

Постояв ещё немного у берёзы, учитель вместе с детьми пошёл к Стожарам [1].

Они поднялись на пригорок и невольно остановились. В прозрачном воздухе и ярком свете солнца луга, нивы, деревья были так свежи и красочны, словно их прибрали к большому празднику.

Шумели на ветру раскидистые старые ивы у реки, и в глазах рябило от серебристого блеска их листьев. Ослепительные

[1] *Стожáры* — здесь: название деревни.

тугие облака, похожие то на ветки с яблоневым цветом, то на белогрудых лебедей, плыли в просторном небе.

Скошенный луг за рекой покрылся такой густой и сочной отавой [1], что как ни старались коровы и телята выщипать её, луг неизменно хранил свой изумрудный блеск.

С полей несло запахом мёда и ещё чего-то невыразимо сладкого и приятного. Из-под ног, как резиновые, упруго вспрыгивали кузнечики. Кругом неумолчно звенело и стрекотало.

— Хорошо-то как! — невольно вырвалось у Маши.

— Что хорошо? — не поняла Зина Колесова.

— И поле и всё... И луг наш, и лес, и речка. И облака на небе. Так бы вот шла и шла... Я так думаю: лучше, чем у нас в Стожарах, нигде и на свете нет.

— Облака, поле... эка невидаль! — хмыкнул Сёмушкин.— Не знаешь ещё, какие есть на свете места географически необыкновенные. Вот в субтропиках бы пожить! А про наши Стожары и не знает никто.

— Чем же плохи Стожары? — сказал Андрей Иваныч.— Я вот бывало на фронте, на привале где-нибудь, глаза закрою, а Стожары,— как живые, передо мной. И речка плещет, и белая тропка через поле бежит, и хлебом пахнет. А то ещё ночью поднимешь голову к небу, когда нет на нём ни туч, ни облаков и все звёзды большие и малые, в сборе, и залюбуешься. Такая красота над тобой, такой простор — слов не находишь, чтобы выразить всё это. Отыщешь в этом огромном звёздном мире скромное, маленькое созвездие Стожары. «Ага, думаешь, и без тебя не обошлось!» Не забыли, друзья мои, где находится это созвездие?

— Помним, Андрей Иваныч. Мы часто на него смотрим,— сказала Маша.

— Вот так и наши земные Стожары,— продолжал учитель.— Затерялись они среди просторов родной земли и светят людям вместе с другими большими и малыми звёздами.

— Андрей Иваныч! — Маша, покусывая травинку, посмотрела на небо, хотя там никаких звёзд ещё не было.— Знаете, чего я хочу? Чтобы наши Стожары ярче всех светили... как вот Большая Медведица или звезда Полярная. Чтобы нас издалека все видели. И кто по морю плывёт, и на войне воюет, и в Москве живёт. Как посмотрят люди на звёздное небо и скажут: «Что это

---

[1] *Ота́ва* — трава, выросшая после покоса.

там так ярко горит и не гаснет? Какая такая новая звезда народилась?» А астрономы-звездочёты им ответят: «Это не новая звезда, это очень старое созвездие Стожары. Только мы ещё сами не понимаем, почему оно так ярко разгорелось».

— А вся причина, оказывается, в том,— улыбнулся учитель,— что в Стожарах живут такие замечательные ребята...

— А что вы думаете, Андрей Иваныч! — раскраснелась Маша.— Нам вот только подрасти чуток. Чего мы только для колхоза не сделаем! Я учиться поеду. На агронома. А потом опять в Стожары вернусь. Звено соберу. Пшеницу-трёхколоску выращу. Чтобы раз посеять, а урожай три пятилетки подряд собирать. И чтобы не боялась ничего та пшеница: ни холода, ни жары, ни града. Так и назову: «Стожаровская бессмертная». Про неё потом во всех учёных книжках напишут. Или нет... Я лучше в саду работать буду. Виноград за сараями выращивать. Яблоки. Крупные-крупные, чтобы больше одного не съесть...

— Вот жадная, всё захватила! — улыбнулся Санька, переглянувшись с ребятами.— А нам что же останется?

— Вам? — задумалась Маша.— Работы всем хватит. Ты, скажем, погодой можешь управлять. Сидишь в кабинете под самыми облаками и принимаешь заявки по радио. «Алло, алло, дежурный по погоде слушает. Кто говорит?» — «Колхоз имени Пушкина».— «Что заказываете?» — «Дождь на сорок пять минут».— «Какой вам? Ага, помельче. Есть. Заказ принят. Прошу приготовиться». И, пожалуйста, включаешь дождь на сорок пять минут.

— Погодой управлять — это здорово! — развеселился Сёмушкин.— Ну, а мне какая работа будет?

И, наверное, добрая Маша всем бы подобрала подходящее занятие, если бы не Зина Колесова, которая сказала, что всё это фантастическое, как у Жюль Верна.

— У тебя всё фантастическое, что на грядке не растёт! — обиделась Маша.— А вот погоди, война кончится... Вся наша земля станет красивая и полезная... Правильно, Андрей Иваныч?

— Думаю, что так и будет,— ответил учитель.— Когда человек большую мечту имеет, он всего может достигнуть. Особенно на такой земле, как наша.

Вопросы и задание.

1. Что такое Стожары?
2. Как думал о Стожарах учитель Андрей Иванович, когда был на фронте?
3. Какая природа в Стожарах?
4. Как Маша относилась к родной деревне? О чём она мечтала?
5. Как отнеслись к Машиным мечтам Зина Колесова и Андрей Иванович?
6. Кто из них прав и почему?

Выпишите, о чём мечтала Маша.

Нам нужен мир.

Н. Телешов.

Нам нужен мир, а не война! Нам нужен мир для новых культурных успехов, для строительства новых гидроэлектростанций и оросительных каналов, чтобы бесплодные степи и пустыни стали обильными пахотными землями и фруктовыми садами. Нам нужен мир, чтобы изменять суровую природу для счастья трудящихся. Не разрушать, а беречь и улучшать надо то, что уже создано человеческим трудом. Нам нужен мир для строительства коммунизма.

Борьба за мир, за спасение мира во всём мире — вот срочная и неотложная задача всех людей доброй воли. И этих людей сейчас уже сотни миллионов во всём мире, во всех странах и государствах.

Во главе борцов за мир во всём мире стоит великий Советский Союз, освободивший от лютых захватчиков не только свои земли, но и земли других народов.

Советский Союз стоял, стоит и будет стоять крепко за мир во всём мире. Этот мир нужен нашей родине для счастья народов, для их радостной жизни.

Сотни миллионов людей всех стран и всех народов дают отпор поджигателям войны.

Да здравствует мир во всём мире на благо людей, для их счастья и свободы!

Слава.

В. Лебедев-Кумач.

(Хоровая декламация.)

Светит над миром наш герб величавый:
Молот рабочий и серп трудовой.
Армии нашей — победная слава,
Слава звезде боевой!

Слава колхозным полям плодородным,
Слава могучим заводским станкам,
Слава великим успехам народным,
Слава рабочим рукам!

Крепни, Советская наша держава,
Звёзды, сияйте на башнях Кремля!
Ленину — слава, Сталину — слава,
Слава стране Октября!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Гимн Советского Союза 3
Слово об отчизне. *М. Исаковский* 4
Наша родина. *М. Ильин* 5
К борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов! *Н. К. Крупская* . . . . —

Лето

Приветствую вас, юные путешественники! *С. Вавилов* 6
Весёлый турист. *С. Михалков* . . . . —
Терёшкин дедушка. *С. Косов* 7
Пионерский костёр. *Е. Трутнева* 9
Ночь. *И. Никитин* 10
За ястребом. *В. Бианки* 11
Как проходят пустые страхи. *А. Герцен* 17
Крестьянские дети. *Н. Некрасов* 19
Детство Некрасова. *К. Чуковский* 26
Женская доля. *Н. Некрасов* 28
На Волге. *Н. Некрасов* 29
Лесной пожар. *П. Мельников-Печерский* . . . . —
Рожь. *А. Твардовский* 31
Степь. *И. Никитин* 32
Степь. *В. Овечкин* 33

Осень

Осень. *А. Пушкин* 34
Осенний день в лесу. По *И. Тургеневу* 35
Журавли летят. По *И. Тургеневу* 36
Лягушка-путешественница. *В. Гаршин* 37

Сказки, легенды, басни

У лукоморья дуб зелёный. *А. Пушкин* 42
Из жизни Пушкина 43
Сказка о царе Салтане. *А. Пушкин* 46
Бой Руслана с головой. *А. Пушкин* 62
Голубой ковёр. (Таджикская легенда.) 65

Пословицы народов СССР 71
Горячий камень. *А. Гайдар* . . . . —
Ковёр-самолёт. *В. Лебедев-Кумач* 75
Две собаки. (Басня.) *И. Крылов* 76
Кукушка и Петух. (Басня.) *И. Крылов* 77
Ворона и Лисица. (Басня.) *И. Крылов* 79
Крестьянин и работник. (Басня.) *И. Крылов* 80
Крестьянин в беде. (Басня.) *И. Крылов* 82

Семья, рассказы о детях

Материнская любовь. *С. Аксаков* 83
В новой семье. *Л. Воронкова* 85
Большая берёза. *Н. Артюхова* 89
Ванька. *А. Чехов* 93
В ученье у чертёжника. *И. Груздев* 98
Как Горький читал книги. По *М. Горькому* 102
Ловля птиц. По *М. Горькому* 103
Воробей. *И. Тургенев* 104
Верные друзья. *Р. Фраерман* 105
Мой друг. *С. Михалков* 106
Кем быть? *В. Маяковский* 107
Дружба. *В. Короленко* 110
Карагёз. *М. Лермонтов* 115
Муму. По *И. Тургеневу* 116
Ваня-пастушок. *В. Катаев* 118
Суворовцы. *Б. Лихарев* 126
В гимназии. *Д. Ульянов* . . . . —
Гаврош. *В. Гюго* 128
Заговор барабанщиков. По *П. Рыжову* 142

Зима

И вот уже трещат морозы. *А. Пушкин* 148
Зима. *А. Пушкин* 149
Зимнее утро. *А. Пушкин* 150
Зима. *П. Вяземский* . . . . —
Зимовье на Студёной. *Д. Мамин-Сибиряк* 151
Ночёвка в лесу. *П. Мельников-Печерский* 165
Наступление на тайгу. *В. Ажаев* 167

Весна

Весна. *А. Пушкин* 170
Весной. *А. Чехов* . . . . —
Весна. *Е. Баратынский* 171
Вскрытие реки. *С. Аксаков* . . . . —
Москва майская. *В. Лебедев-Кумач* 172

Из прошлого нашей родины

На берегу пустынных волн. *А. Пушкин* 173
Михаил Васильевич Ломоносов 174
Полководец Суворов. *С. Григорьев* 178
Дедушка. *Н. Некрасов* 185
Кавказский пленник. *Л. Толстой* 190
Илья Ефимович Репин 210
Грачи полетели. По *С. Мстиславскому* 214
Первое мая. По *М. Горькому* 220

О людях Страны Советов

Ленин идёт в Смольный. *Л. Савельев* 226
В Смольном. *Л. Савельев* 228
Захват телефонной станции. *Л. Савельев* 229
Встреча со Сталиным. *В. Чкалов* 231
О великом и простом человеке. *А. Яковлев* 232
Сталину. *Я. Купала* 233
Памятник. *А. Кононов* 234
Нам тридцать лет! *С. Михалков* 236
Таня. *П. Лидов* 238
Серёжа Тюленин. *А. Фадеев* 242
Листовки. *А. Фадеев* 246
Рассказ о сыне. *Е. Кошевая* 248
Воля к жизни. *Б. Полевой* 252
Песня о Сталине. *А. Сурков* 259
Последний день Матвея Кузьмина. *Б. Полевой* 260
Я всё живу. *Н. Тихонов* 265
По ленинскому плану 271
Славься, Россия. *М. Исаковский* 273
Мечты. *А. Мусатов* . . . . —
Нам нужен мир. *Н. Телешов* 276
Слава. *В. Лебедев-Кумач* 277
